

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ
РОССИЙСКИЙ ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ЦДУМ РОССИИ**

ЮЛАМАНОВА ГЮЗЕЛЬ МИНИАХМЕТОВНА

ДУХ И ТЕЛО

**(подготовка спортсменов с ограниченными физическими
возможностями)**

УФА 2013

УДК
ББК
Ю

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Башкирского государственного педагогического университета*

Юламанова Гюзель Миниахметовна

Дух и тело (подготовка спортсменов с ограниченными физическими возможностями): Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 12 п.л.

Работа посвящена механизмам единства телесного и духовного бытия человека с ограниченными физическими возможностями. Доказывается, что телесные недостатки не могут служить основанием для пессимизма перед жизненными проблемами. Разумная душа человека дает ему возможность использовать любую ситуацию для нормальной жизни, для радости, для оптимистических надежд и планов.

Рекомендуется всем специальностям, где изучается телесное и духовное бытие человека.

Рецензенты:

1. Д.п.н., Костарев А.Ю. (Уфа, Россия).
2. Д.м.н., профессор Хисамов Э.Н. (Уфа, Россия).

Работа выполнена в рамках проекта

Комплексной программы «Содействие развитию мусульманского образования»,

Утвержденной Правительством РФ от 14.06.2007 №775-р. под руководством д.ф.н., профессора Валерия Семеновича Хазиева

ISBN

© Издательство БГПУ им. М.Акмуллы, 2013

© Г.М. Юламанова, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	3
<u>ГЛАВА 1. ДУХОВНОЕ И ТЕЛЕСНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПОЗНАНИЕ</u>	3
<u>1.1. Человек и истинность бытия сущего</u>	3
<u>1.2. Познание духа и тела. Роль категорий «истина» и «ложь»</u>	3
<u>ГЛАВА 2. НЕНАУЧНЫЕ ИСТИНЫ И ИХ «DIFFERENTIA SPECIFICA»</u>	3
<u>2.1. Истинность донаучных и вненаучных знаний о душе и теле</u>	3
<u>2.2. Интуиция как форма ненаучного познания и ее роль в жизни человека с ограниченными физическими возможностями</u>	3
<u>2.3. «Глупость» и «мудрость» обыденного и научного мышления (на материале работы Э. Роттердамского «Похвала глупости»)</u>	3
<u>ГЛАВА 3. НЕНАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ВЕДУЩАЯ ФОРМА ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТРЕНИРОВОЧНОМ И СОРЕВНОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СПОРТСМЕНОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ</u>	3
<u>3.1. Ненаучное (обыденное) познание в спортивной деятельности как эффективное средство реабилитации людей с ограниченными физическими возможностями</u>	3
<u>3.2. Гуманистическая направленность духовного познания в спортивной деятельности людей с ограниченными физическими возможностями (на примере инвалидов с поражениями опорно-двигательного аппарата)</u>	3
<u>3.3. Влияние социума на формирование духовного познания спортсменов с ограниченными физическими возможностями (на примере фехтовальщиков на колясках)</u>	3
<u>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</u>	3
<u>ЛИТЕРАТУРА</u>	3

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования истинности научных и ненаучных методов познания (обыденного сознания; художественного познания; мифологии; религии и оккультных наук: астрологии, алхимии, графологии, спиритизма; паранормального познания: биолокации, контактёрства, левитации, телепатии, телекинеза; медитативного познания) в современной России не требует особого развернутого доказательства. Кризис общественных устоев выражается и в кризисе доверия научному познанию. Поднимается стихийная волна ненаучных способов познания, среди которых много откровенной мистики и профанации. Само ручное познание превращается в способ примитивной спекуляции: популярным становятся «компьютерные гадалки», «телеколдуны», «математики-астрологи», «экстрасенсоры – святители людей и воды».

Вненаучное познание имеет тысячелетнюю историю и впитало в себя многое из эмпирического опыта народов. В каждой форме донаучного и вненаучного познания есть действительно истинные знания природной, общественной, индивидуально-человеческой жизни. Именно их необходимо нам вычленять, чтобы они не оказались погребены под наносами не критических догм.

Мы сознательно не выделяем чувственно-абстрактные формы познания бытия в мире, как оккультное, аномальное и медитативное познания. Это интересные темы и требуют исследования и подробного анализа. Поэтому мы вынесли за пределы предмета нашего анализа оккультную, паранормальную и медитативную формы познания, ограничившись в основном обыденным и интуитивным познаниями.

Сразу заметим, что мы считаем вненаучной формой познания и философскую, особенно такую её форму, как натурфилософия. По нашему мнению, философия не наука, она может быть близка (материализм) к науке или отдалена («идеализм») от нее. Их сближает общий момент: они – учения в

понятиях, т.е. результаты выражают в форме логических принципов, законов, категорий. Говоря компьютерным языком, они обе пользуются вербальным интерфейсом; философия отличается от науки тем, что всегда имеет автора, философские истины, несмотря на их объективность, не имеют безличного общезначимого характера. Философия – это мировоззренческо-методологическое учение, общие точки соприкосновения и с наукой, и с искусством, но не сводимые (не редуцируемые) ни к одной из них, ни к их сумме.

Интерес к вненаучным формам познания актуален не только для России, но и в глобальном масштабе. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу высветил односторонность и недостаточность только научно обоснованного познания. Глобальные проблемы современности говорят о необходимости дополнения рационального познания, как минимум, нравственным познанием. Ускоряющаяся динамика бытия человечества актуализировала значение доверия, симпатии, чести, дружбы в области экономических, полинациональных и других отношений. Необходимость дополнения научных форм знания донаучными и вненаучными стала очевидной. Теоретическая актуальность исследования истинности ненаучных форм выражается в двух аспектах. С одной стороны, в генетическом плане формы служат основанием начала научного познания, которое своими корнями уходит в область донаучных и вненаучных форм. С другой стороны, научные знания обогащаются вненаучными формами мышления. Так, современное обыденное сознание пользуется гелиоцентрическими представлениями как самоочевидными, даже не вспоминая, что когда-то эти представления были предметом строгих научных доказательств. Особый интерес представляет вопрос, как преломляются и сохраняются научные истины в ненаучном познании.

Степень разработанности исследований до- и вненаучных форм познания

можно разделить на две группы. В первую группу входят работы, которые раскрывают историко-философский характер: оценочные высказывания об истинно-мифологическом знании в рамках самих мифов; проблема истины и лжи в философии, начиная с Фалеса; позиция Платона, Аристотеля по отношению к мифологии, религии и философии; оценки истинности религиозного и философского сознания «отцами церкви», схоластами средних веков (Ф. Аквинский). Интересны в этом плане суждения представителей эпохи Возрождения (Л. да Винчи, Н. Кузанского, Д. Бруно) о познавательных функциях мифов, религии, философии и искусства; решение проблемы критериев истинности научных и вненаучных форм познания Ф. Бэконом и Р. Декартом; критический анализ человеческих познавательных способностей с выделением критериев истинности научного, философского, обыденного, художественного, религиозного знаний рационалистами нового времени (английские и французские материалисты XVII-XVIII веков, Лейбниц, Спиноза, представители классической немецкой философии). Вклад в размежевание научного и вненаучного познания в новейшее время Витгенштейна, Карнапа, Рассела, Лакатоша, Куна, Фейерабенда.

Во вторую группу включены предметные исследования современными исследователями. Остановимся на них подробнее.

Интерес к ненаучным формам познания в последние годы отмечается в трудах Автономовой Н.С. (сравнительный анализ рассудка и разума в аспекте их рациональности), Алексеенко О.В. (о методе проб и ошибок), Андрусенко В.А., Пивоварова Д.В. (методология научного и вненаучного познания), Антипенко З.Г. (взгляды Платона и Аристотеля на различные пути познания), Батищева Г.С. (познание ценностей и критерии истинности ценностей), Белова Т.Н. (осознаваемые и неосознаваемые аспекты жизненного пути личности), Борзенкова В. и Фролова И. (комплексный характер научных и вненаучных элементов познания). Бутенко И.А. рассмотрено место и роль вненаучных форм

в социальном познании. Связь истины и заблуждения стала предметом анализа Галкевича В.И. О границах научного познания говорится в коллективной монографии «Границы науки: о возможности альтернативных моделей познания» (М., 1991). Гусев С.С. и Пукшанский Б.Я. исследовали структуру обыденного сознания. Прикладное применение вненаучного познания в педагогике мы видим в работах Данилюка А.Я. Денисов С.Ф. попытался выяснить место вненаучных способов познания в становлении и развитии науки. Зельдмайр Х. стремился выявить специфику истинности художественных обрядов. Роль в творчестве истинных знаний исследует в своих работах Климова С.В. Князева Е.Н. и Курдюмов С.П. обратили внимание на роль интуиции в самопознании человека, вербализации вненаучных знаний. Проблем вненаучного познания коснулся Красильников М.Г., сравнивая структуру сознания и истины. Функции и место мнений в формировании истинных знаний анализирует в своих работах Крымский С.Б. Структура мировоззрения и обыденное сознание привлекли внимание Кучкина Б.К. Эстетические элементы истинного знания рассмотрены в работе Мороза О.П. Мясникова Л.А. исследует пути к истине. Неоднократно обращал внимание на соотношение научных и ненаучных знаний Нарский И.С. Неганов Ф.М. обращался к вопросу познания рационального и иррационального в бытии человека. Опыт философского осмысления обыденного сознания предпринял Пукшанский Б.Я. Затрагивает проблемы ненаучного познания Ракитов А.И., выясняя анатомию знания. Руткевич М.Н. и Лойфман И.Я. выяснили место и роль вненаучного познания в диалектике формирования истинных знаний. Свинцов В.И. попытался выяснить характер взаимоотношений категорий «добро», «истина», «красота». Селиванов А.И. выявил «мозаичный» характер взаимодействия форм бытия и познания. Султанова Л.Б. активно занимается исследованием «неявного знания» в интуитивном и математическом мышлении. Тасеева Е. стремилась выявить основания доказательности интуиции. Фомина

З.В. специально исследовала место вненаучного знания в структуре современного познания. Яковлев А.А. посвятил свою работу многообразию ненаучного знания.

Целью данного исследования было выявление специфики, особенностей истинности научных и ненаучных способов познания. Деятельность (духовная и материальная) есть способ существования социальной материи, характеристика соотношения материального и духовного как друг с другом, так и с самим собой. Мы выделяем онтологическую (вещей) и гносеологическую (знаний) истинность, признавая за ними и относительную самостоятельность, и моменты тождества. Истинность знаний (и научных, и вненаучных) – гарантия их гуманистической ценности и полезности. Поэтому исследования истинности ненаучных форм познания в эпоху кризиса являются, наш взгляд, чрезвычайно актуальными.

Новизна работы заключается в следующих результатах:

- доказано, что основное различие между истинностью научных и ненаучных форм познания заключается в большей зависимости первых от объекта, а вторых – от субъекта познания. С определенной долей схематизма можно утверждать, что научные знания отражают состояние объекта познания, а до- и вненаучные – конкретно-исторический уровень развития социального и гносеологического субъекта. Конечно, нельзя их абсолютно отделять друг от друга. В виде познания участвуют и объект, и субъект познания. Речь идет о доминировании какой-то одной стороны;

- выявлена системность критериев истинности как научного, так и ненаучного форм познания. Критерий истинности знаний всегда носит комплексный характер, представляющий собой множество объективных и субъективных материальных и духовных, природных и общественных, интеллектуальных и чувственных, дискурсивных и интуитивных компонентов. В научном и ненаучном познании так или иначе представлено большинство

структурных элементов. Только их компоновка и значение различны. Как сказано выше, в познании доминируют объективные, безличностные, обобщенные моменты, а в ненаучных на первый план выходят субъективные, личностные, единичные моменты;

- установлены и систематизированы конкретные различия между наукой и обыденным сознанием. Наука познает в основном сущность предметов и процессов, а обыденное сознание пользуется естественным языком. Отличаются они и по своим методам, средствам и инструментам познания. Для научного характерна планомерность, системность, логическая организованность, обоснованность результатов исследования, а обыденное сознание опирается на очевидность, ясность, удовлетворяется синхронностью и смежностью. Научное познание требует подтверждения, доказательства, аргументированности, основанных на экспериментальной практической проверяемости, логической непротиворечивости, обыденное сознание может удовлетворяться ссылкой на авторитет или слова очевидцев, простотой, понятностью и т.д.;

- доказано, что интуиция синкретична: включает в себя и интеллектуальные, и чувственные, и подсознательные компоненты как в хаотичной, так и в логичной форме. Интуиция есть мышление, которое осуществляется на границе абсурда и логики. Абсурд позволяет избавиться от консервативности мышления и увидеть неожиданное в уже давно известном, а логика придает формы, в которых новое можно сохранить в старых понятиях, представлениях (интеллектуальных и чувственных образах);

- осуществлен анализ функций истины в познании и практике.

В монографии в развернутой форме осуществлен показ специфики обыденного сознания и здравого смысла. В отличие от науки, которая является деятельностью по добыванию знаний, практический повседневный опыт, опирающийся на обыденное сознание, ориентирован на получение не знания (оно здесь как бы «побочный продукт»), а какого-либо предметного регата. Для

строителя дома законы сопротивления материалов и строительных конструкций остаются как бы неосознаваемым фоном, спрятанным за навыками, интуицией, чутьем, прежним опытом и т.д. Здравый смысл есть как бы концентрированное выражение обыденного сознания, в нём («народной мудрости») закрепляется и хранится опыт поколений. Здравый смысл в обобщенном виде фиксируется в различных поговорках, загадках. Например, выражение «Без труда не вынешь и рыбки из пруда» прямо ориентирует людей на прилежное и добросовестное отношение к деятельности, работе. В исследовании отмечается, что неоднородность, противоречивость обыденного сознания объясняется его описательностью. В отличие от научного познания, обыденное не претендует на проникновение в сущность явлений, предметов и событий. Реализация некоторой данности, фактуры вполне устраивает обыденное мышление. И оно дает верный результат, опирается на неосознаваемые рефлексивно сущностные связи.

Познавательная функция искусства имеет дело с художественным постижением природных, социальных и духовных явлений. Искусство придаёт чувственную, эмоциональную окраску воспринимаемым образам. Через него мы не столько узнаем свойства предметов, сколько самих себя, свою способность чувствовать: любить, ненавидеть, сострадать и т.д. Художественные образы как бы оживляют наши знания о себе и о мире (природном и социальном), в котором мы живем. Гегель говорил об искусстве как о мышлении в образах, которое образует среднее звено между чувственностью и идеальной мыслью. Художественный образ воплощает идеальную мысль в чувственно-предметную форму. Особенностью художественного познания является то, что оно требует собственной фантазии, творческой активности, эмоционального богатства, неудовлетворенности одними интеллектуальными абстракциями. Одним из самых ранних способов понимания природы и общества был миф. В отличие от науки, которая ищет детерминистские связи, миф не объясняет, не определяет, а

рассказывает, как все происходило и возникало. Миф и есть форма генетического познания. Однако здесь исторический и логический генезис не дифференцированы, синкретичны. Миф не только совмещает рассказ о прошлом, настоящем и будущем предмета, он является одновременно как бы шаблоном, образцом для подражания.

Ненаучное познание транслируется в ходе самой жизни человека в обществе и приобретается в живом жизненном опыте как нечто естественное, как дополнение его телесных жизненных органов. Однако, у спортсменов с ограниченными физическими возможностями, в частности, с поражениями опорно-двигательного аппарата, происходит деформация восприятия в связи с отсутствием или поражением некоторых жизненных органов. Истинность знаний, усвоенных в процессе жизнедеятельности подразделяется на «до инвалидности» и «после». Истины, существующие до травмы, трансформируются для индивидуального сознания. Истины, устанавливающиеся или не осознаваемые, вдруг становятся недоступными для воспроизведения в связи с отсутствием или деформацией процесса восприятия окружающего мира.

Для эффективного преодоления последствий получения инвалидности в самом сознании важное значение приобретает обыденное сознание. Эффективность обыденного сознания проявляется в экстраординарных состояниях, когда верхние, рационализированные слои сознания не могут помочь решению требующих неотлагательного ответа житейских проблем.

Физическая культура и спорт для людей с ограниченными физическими возможностями становится эффективным средством познания, так как они естественным образом интегрируют одновременное решение задач физической, медицинской, социальной и психологической реабилитации. Регулярные занятия физической культурой и спортом, участие в спортивных соревнованиях способствуют восстановлению психического равновесия, возвращению чувства

уверенности в себе, вырабатывают стремление к постоянному повышению результатов и становятся основной формой не только реабилитации, но и способом полноценной общественной жизни, стимулируют социальную активность инвалидов. То есть ненаучное познание в процессе спортивной деятельности способствует возвращению к состоянию духовного и физического равновесия.

Спортивная деятельность создает психологические условия, необходимые для успешного воссоединения инвалида с обществом и участия в полезном труде. Спорт связан с социализацией личности человека-инвалида, поскольку содействует включению его в общество, усвоению опыта социальной жизни. Особое значение в социализации имеет усвоение социальной роли, под которой понимается нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию, т.е. определенное социальное положение, место в конкретной социальной структуре. Социализирующая роль спорта выражается в том, что он оказывает глубокое и многостороннее воздействие на человека, развивая его физически и духовно, что позволяет ему выступать активным субъектом социального процесса.

Выделенные цели, принципы, функции адаптивного спорта позволяют рассматривать спортивную деятельность как новое измерение качества тренировочного процесса спортсменов с нарушениями ОДА, когда при оценке качества выделяются ценностные моменты, связанные с продуманной и мотивированной системой управления спортивной деятельностью, изменением роли и функций всех участников процесса, его специализированным сопровождением. Обобщая характеристику спортивной подготовки в адаптивном спорте, можно утверждать, что представлен новый подход к пониманию и построению спортивной подготовки инвалидов в логике гуманистической парадигмы.

На современном этапе общество представляется как бы отгороженным от жизни людей с ограниченными возможностями. В силу этого инвалиды остаются замкнутыми в своем социальном мире. Выше мы неоднократно говорили о том, что лишь совместное сосуществование здоровых и больных людей служит гарантом прогрессивного и полноценного развития инвалидов. Проведенные исследования дают основания полагать, что паралимпийское движение нуждается в более пристальном внимании со стороны общественности, средств массовой информации. В этом заложен большой потенциал к привлечению значительной части людей с ограниченными возможностями для начала двигательной активности и занятию спортом, что в свою очередь приведет их к полноценной жизнедеятельности в современном обществе.

Регулярные занятия фехтованием на колясках дают возможность инвалидам преодолевать психологические трудности, связанные с их физической недостаточностью. Это является ярким подтверждением того, что занятия спортом, в частности, фехтованием способствуют не только реабилитации, но и социальной адаптации, повышают самооценку и уверенность в своих силах, способствуют социальной интеграции инвалидов и активно-позитивной жизненной позиции. Фехтование на колясках является уникальным видом спортивной деятельности и выполняет следующие функции как вид спорта и как средство реабилитации: социальной адаптации, самореализации и повышения уровня качества жизни инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата.

ГЛАВА 1. ДУХОВНОЕ И ТЕЛЕСНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПОЗНАНИЕ

1.1. Человек и истинность бытия сущего

Когда речь идет об «истине вообще», предметное содержание особой роли не играет, можно абстрагироваться также и от некоторых формальных сторон определения истины. Структура истины везде одинакова – идет ли речь о простом жизненном опыте или каких-то экономическо-финансовых комбинациях, о технических конструкциях или художественном произведении. Вопрос оставляет все это в стороне и затрагивает только то, что отличает истину как таковую.

Одна из важнейших функций истины состоит в том, чтобы она могла служить точкой опоры для принятия практических или теоретических решений, должна гарантировать от ошибок, заблуждений, путаницы, хаоса, абсурда, алогизма, которые могут стать основанием жизненных драм или трагедий. Поэтому наше мышление – способ ориентировки в жизни – должно быть обращено к действительности.

Но абстрактная постановка вопроса об истине даст такой же абстрактный ответ, с помощью которого могут быть решены опять-таки лишь абстрактные проблемы. Сомнения о ценности абстрактного определения и понимания истины могут уйти из теоретических конструкций. Серьезность этих сомнений подтверждается историей развития как материальной общечеловеческой практики, так и духовной. Более всего мучают эти сомнения «здоровый человеческий рассудок», который понимает всю тщетность своих усилий по раскрытию сущности бытия, которой занимается философия с момента своего возникновения, привлекает здравый смысл не только своей внешней глубокомысленностью, но и своей практической эффективностью. Попытки здравого смысла освоить глубинные пласты сущего остаются обреченными на неудачу. Во многом это объясняется тем, что «бон сенс» имеет свой

инструментарий, свой набор методов, свою систему критериев истинности и практических, и теоретических результатов. Среди таких специфических особенностей здравого смысла можно отметить и постоянно присутствующий в нем элемент сомнений. Философия никогда не сможет опровергнуть обыденный рассудок, так как он глух к ее языку. Она не посмеет пожелать когда-нибудь его опровергнуть, что обыденный рассудок слеп, чтобы видеть то, что она открывает взору, созерцающему сущность.

Вот почему мы считаем, что находимся в согласии с обыденным рассудком, поскольку полагаем, что уверены в многообразных «истинах» жизненного опыта и поведения, научного исследования, художественного воображения и веры. Мы сами поощряем сопротивление «само собою разумеющегося» против всякого притязания со стороны сомнения.

Поэтому, если и должен быть поставлен вопрос об истине, то он требует ответа на вопрос, где мы находимся на сегодняшний день, как обстоит дело с нами. Нас интересует цель, которая поставлена перед человеком в его истории и перед историей. Мы хотим обладать действительной «истиной». Следовательно, опять-таки истиной! Истина служит опорой любой форме мышления, на любом уровне и в любом виде. Те, которые призывают к действительной «истине», по-видимому, уже все-таки знают, что такое истина вообще. Или же знают об этом «по чувству»? Однако не будет ли такое «примерное» знание и безразличие еще беднее, чем простое незнание сущности истины?

Что же понимают под «истиной»? Под этим возвышенным и в то же время привычным словом «истина» имеется в виду то, что делает предмет или знание истинным. Что представляет истинное?

Истинное то, что существует в соответствии со своей природой – принципами, законами, нормами. Если вещь или знание соответствуют своей сущности, они будут истинными. Сущность знания – адекватность предмету, образующему содержание этого знания. Следовательно, то знание истинно,

которое соответствует своему предмету. Если речь идет об онтологической истинности, об истинности предмета, процесса, события, явления, то и здесь истинность определяется через соответствие: вещи – своей сущности, своей природе, своим правилам и нормам бытия. Если существование вещи не деформировано обстоятельствами до такой степени, что она может потерять свою иную определенность, то она продолжает «быть самой собой», соответствовать своим нормам и определениям, своей сути и природе. Когда предмет полностью теряет соответствие своей сущности, он перестает быть тем, что он есть, т.е. свое качество, и превращается в нечто иное, в другой предмет, с другими качествами, определениями, сущностью. С некоторой редакцией можно говорить, что истинное – это действительное. То, что истинно, то, что осуществлено, реализовано, стало действительным. Если речь об «истинном друге», то имеется в виду человек, который своими поступками подтвердил, что он соответствует нормам, стандартам, законам, сути друга. Он соответствует сущности, т.е. он по своей сущности есть действительный друг. Например, определение истинности золота позволяет отличать действительное золото от подделки, от фальшивого золота. Золотой предмет, если он не соответствует нормам и химической структуре золота, будет мнимым, фальшивым, т.е. не истинным предметом.

Не вникая в дебри категориальных тонкостей, отметим, что действительное может быть абсолютно достаточным критерием истинности. Продолжая пример с золотом, отметим, что поддельное золото может иметь хождение в качестве золота, т.е. в этом смысле будет играть роль действительного. Следовательно, истинность настоящего золота не может быть уже оправдана его действительностью. Онтологическая истинность золота не зависит от его гносеологической истинности, тогда как гносеологическая истинность определяется онтологической истинностью. Это понятно: если нет предмета, соответствующего, хотя бы частично, своей сущности, мы не можем

иметь знание об этом предмете.

Гносеологическая истина связана с сущностью познаваемых предметов через их онтологическую истинность. Мы называем истинными или ложными прежде всего наши высказывания о сущем, которое само по своему характеру может быть настоящим или ненастоящим, выступая в той или иной форме в действительности. Высказывание является истинным, если то, что оно подразумевает и о чем говорит, согласуется с вещью, о которой высказывается суждение и которая соответствует своей сущности. Но теперь уже правильным является предложение, а не вещь. Такое разделение истинности вещи и понятия известно давно. Когда речь идет об истинности вещи, определяемой ее соответствием своей сущности, имеется в виду онтологическая истина. В зависимости от того, как трактуется сущность вещи, может быть материалистически или идеалистически понимаемая онтологическая истина, Когда говорят об истине знаний, речь ведётся о гносеологической истине.

Будь это вещь или предложение, истинно то, что правильно, истинное – это согласующееся. Быть истинным и истина означают здесь согласованность двоякого рода: с одной стороны, совпадение вещи с тем, что она представляет собой объективно и по сущности и, с другой стороны, совпадение мыслимого в высказывании с вещью. Двойственный характер согласования отражает традиционное определение сущности истины: *veritas est adaequatio rei et intellectus*. Это можно трактовать, как: истина есть приравнивание вещи к знанию, мышлению. Но это может также говорить следующее: истина есть приравнивание познания к вещи. Действительно, приведенное определение сущности обычно дают в формуле: *veritas est adaequatio intellectus ad rem*. Такая оборачиваемость неравноправна. Если вещь равна (соответствует) знанию, то могут быть два варианта. Во-первых, вещь соответствует скрытому в ней божественному духу (знанию). Это вариант объективно идеалистической онтологической истинности. Во-вторых, вещь соответствует той мысленной

цели, в соответствии с которой она сделана человеком. Хотя мысленная цель была в голове человека, но, воплотившись в предметное тело, она стала объективной формой. Вещь истинна, когда соответствует этой форме. Здесь мы имеем дело с материалистически понимаемой онтологической истиной. Если же знание адекватно вещи, то здесь перед нами гносеологическая истина, т.е. речь идет об определении истинности знания.

Однако так понимаемая истина, истина предложения, возможна только на истины вещей: соответствия вещи знанию. Оба понятия сущности истины всегда подразумевают ориентацию на соотношение вещи понятию или – вещи. Однако речь идет не о простом переходе одного в другое. Более того, говоря о знании и вещи, в каждом отдельном случае имеют в виду различное. Чтобы убедиться в этом, мы должны свести привычную формулу для определения понятия истины к ее ближайшему (средневековому) источнику. «Истина есть соответствие вещи знанию» включает в себе не трансцендентную идею Канта, согласно которой «предметы считаются с нашим познанием» – эта идея возникла уже позднее и стала возможной лишь благодаря субъективности человеческого существа, – а теологическую веру христианства в то, что вещи, если они существуют в том виде, каковы они суть, существуют только постольку, поскольку они, будучи когда-то созданы как вещи (*ens creatum*), соответствуют предначертанным в знании Бога, т.е. в духе, и поэтому отвечают требованиям идеи (правильны) и в этом смысле являются «истинными».

Идеалистическая версия взаимосвязи гносеологической и онтологической истины утверждает, что разум удовлетворяет требованиям божественной истинности тогда, когда знания приравниваются к вещам, которые, в свою очередь, соотносятся с божественной идеей. Все вещи сотворенного Богом мира истинны, если они соответствуют божественному плану их творения. Вещь должна соответствовать требованиям божественной идеи. Знания человека, таким образом, если опосредованно, через онтологическую

истинность вещи соответствуют божественной идеи. В божественном сознании осуществляется адекватность знания божественной идее. Истина как соответствие вещи (созданной) знанию Бога дает свободу для истины как соответствию знания человека тварной вещи. Истина, в сущности, всегда подразумевает *convenientia*, соглашение – как сотворенного – с творцом, «согласие» на основе согласованности божественного порядка.

Но этот порядок, если выбросить из него идею сотворения мира, можно представить себе в общей и неопределенной форме так же, как мировой порядок.

Вместо теологического представления о творческом акте в объективном идеализме предполагается планомерность всех предметов через мировой разум, который сам устанавливает себе законы, а поэтому и претендует на непосредственную доступность своих свершений (на то, что считают «логическим»). То, что истинность предложения состоит в правильности высказывания, приобретает более сложную конструкцию. Правильная связь мыслей должна, во-первых, соответствовать правильной конструкции предложения, что в свою очередь должно отражать объективную связь вещей, определенной мировым разумом. Вещь истинна (в трактовке объективного идеализма) тогда, когда соответствует своей духовной, объективной и сверхъестественной сущности. Это является неременным условием возможности истинных знаний. Подобным образом предметная истина означает совпадение наличной вещи с «разумным» понятием о ее сущности. Создается видимость, что это определение сущности бытия всего сущего, которое включает в себя соответствующее толкование сущности как носителя и исполнителя. Таким образом, формула сущности истины (как соответствия знания предмету) приобретает свою ясную для всех значимость.

Однако если есть истинные вещи и знания, то должны быть и неистинные. Ложные знания определяются как несоответствие их вещам. Не согласованные

между собой мысли, не согласованные в рамках высказываний слова и несогласованные вещи взаимосвязаны между собой в различных вариантах; несогласованные мысли могут иметь форму согласованных в предложении понятий, которые отражают не несогласованность понятий, а отраженную в них несогласованность вещей. Высказывание, не согласованное с вещью, дает неистинные предложения. Можно найти и другие комбинации. Когда мы говорим об онтологической истинности, речь идет о совпадении или несовпадении существующего со своей сущностью. И в данном случае оно определяется через несовпадение. И онтологическая, и гносеологическая ложь есть несовпадение. В первом случае – вещи со своей объективной сущностью, во втором – знания с предметом. Последнее выпадает из сущности истины. Поэтому там, где осознаётся практическое значение сущности истины, неистинность, как противоположность истины, может быть устранена.

Но требуется ли вообще особое освещение сущности истины? Не достаточно ли чистой сущности истины в понятиях онтологической и гносеологической истины? Осознание практической значимости истины означает, во-первых, познаваемость мира, адекватность человеческих знаний объективным параметрам вещей и событий. Во-вторых, приобретение человеком возможности создать то, что природа без человека не в состоянии сделать: материальную культуру. Социальная форма движения материи предполагает наличие разумной материи, способной реализовать сущность истины. Истина, как мы уже отмечали выше, есть согласованность или вещи со своей сущностью, или знания с предметом, или знания с идеей и т.д.

Конструирование определений истины можно осуществлять в разных категориальных группах. Например, когда мы говорим, что человек – разумное существо, это утверждение истинно применительно не только к одному отдельному человеку, а к любому человеку и даже к «человеку вообще». «Согласованность» характеристик людей позволяет сократить истинные

утверждения о бесконечном количестве людей до одного высказывания. При этом мы вне рассмотрения оставляем огромный блок возможных вариантов согласованности предметов в познании по внешнему или по внутреннему, по существенному или по энтному, по необходимому или по случайному, по формальному или по несущественному признакам.

В рамках познания взаимосвязи онтологической и гносеологической истины возникает опять-таки целый ряд принципиальных вопросов о согласованности мыслей с мыслями, высказываний с высказываниями, вещей с вещами. Центральным является, безусловно, вопрос о согласованности идеального с материальным. Как могут духовные явления согласовываться с материальными, где точки их соприкосновения? Может ли высказывание заменить предмет или наоборот? В каких конкретных ситуациях идеальное может оказаться ведущей, доминирующей стороной взаимодействия? Возможно ли полное замещение локальным материального и наоборот? Круг проблем в определении истины включает в себя практически все категории философии, ибо сама категория «истина» является общефилософской.

Остановимся еще на одном моменте понимания истины. Приравнивая сущности (онтологическая истина) и знание (гносеологическая) к вещи – мы всегда сталкиваемся с выбором одного возможного варианта действительности. Вещь или знание становится тем, чем действительно является. Все остальные варианты при этом уходят в небытие.

Каждое истинное высказывание соответствует своему предмету, но имеет свои сущностную и явленную стороны. Истинное высказывание должно соответствовать действительности предмета, т.е. единству существования и сущности. Каждая отдельная вещь отличается от всех иных и от однородных вещей своей сущностью.

Высказывание о вещи оказывается истинным, если утверждает свою правоту в сущности предмета, точнее, через сущность предмета высказывания.

Но так как мир един во многих аспектах, высказывание истинное об одной вещи может быть истинным по отношению ко многим другим однородным и неоднородным предметам. Содержание понятия адекватно отражаемому предмету. Понятие субъективно по форме и объективно по содержанию. Это положение материалистической гносеологии. Уподобление следует здесь не в том смысле, что разного рода вещи становятся вещественно одинаковыми. Сущность уподобления, приравнивания определяется скорее той связью, которая является господствующей в отношении между высказыванием и вещью. Пока эта «связь» остается неопределенной и нераскрытой в ее сущности, весь спор о характере и степени уподобления остается пустым. Истина (или истинное понятие, или истинная вещь) должна быть конкретна, то есть определена в пространстве и времени.

Отметим еще одну тонкость. Речь и мысль взаимосвязаны, но они не одно и то же. Предмет мысли в высказывании должен быть представлен не только как мысль, но и как речевая форма. Например, противоречивая природа магнита должна мыслиться как противоречие, но должна быть высказана (изречена) не в противоречивой форме.

Мысль дает отражение предмета как действительное, а речь представляет его в форме словесных суждений.

Реальность вещи, реальность мысли об этой вещи и реальность словесных суждений образуют единый комплекс, но при этом каждая сторона сохраняет свою относительную самостоятельность. Так как вещь может полностью или частично соответствовать своей сущности, она может быть онтологически истинной и онтологически ложной частично, относительно. «Полуистинная вещь» на первый взгляд что-то странное; но если внимательно приглядеться к миру, в котором мы живем, то мы убедимся, что все вокруг нас полуистинно: качество предметов, вещей, событий позволяет еще ими пользоваться как действительными, но они далеко не соответствуют своим «нормам». Хлеб,

который почти уже не съедобный, но продается в магазине по цене настоящего хлеба, или некомплектный автомобиль считается автомобилем, не до конца отремонтированные самолеты и теплоходы набирают на борт пассажиров, полуграмотные политики управляют полуразвалившимся государством, полупьяные военные выходят на боевые учения, полупреступные элементы ходят в форме милиции. Все эти «полу-» и есть второстепенные или того хуже предметы, вещи и события нашей жизни. «Осетрина первой свежести не бывает, – объяснял один литературный герой получестному буфетчику – свежесть всегда одна, она или есть, или ее нет». В нашем конечном мире абсолютной онтологической истинности нет и не может быть, разве что только в гносеологическом идеале. Поэтому нет ничего абсолютно изолированного, нет и предмета, который абсолютно адекватен в существовании своей сущности. Все существующее в конечном мире деформировано внешними воздействиями и соответствует своей сущности лишь частично, т.е. онтологическая истинность всегда относительна. Но до тех пор, пока существование предмета не перешло качественную границу несоответствия сущности, он будет действительным, хотя и онтологическая его истинность будет относительной. Такая противоречивая реальность предмета должна быть понята так же противоречиво, но выражена в словесной форме в соответствии с законами формальной логики, т.е. в форме непротиворечивого предложения. Пока вещь сохраняет свою инвариантность, т.е. самождественность, она онтологически истинна. Такая действительность доступна познанию, которая в форме непротиворечивых высказываний отражает ее.

Каждая вещь в силу своей конечности обречена, тенденция к сохранению устойчивости, целостности удерживает ее на плаву в океане бытия. Но рано или поздно все имеет свой финиш. Дистанция от старта (рождения) до финиша (смерти) есть период, когда все существующее будет онтологически истинным, знания о предмете и есть постижение его, в сущности, на отрезке до смерти.

Истинность знаний и высказываний имеет не только теоретическое значение, но и является практическим стимулом к материальной деятельности человека, соотносимо с истинностью предметов. Во-первых, лишь истинное или то, в истинность чего мы верим, руководит нашими поступками, истинность самих вещей (онтологическая истинность) позволяет человеку искусственно их воспроизводить. В своей практической деятельности доказывает истинность своих знаний. Если самолет летает, телевизор показывает, то это доказывает, что знания о них были и есть истинные, то есть удалось «открыть» сущность объективных вещей и событий.

Вопрос о познаваемости мира был и остается одной из центральных проблем философии. Сущность вещей сокрыта от человека, во-первых, внешней стороной, во-вторых, вынужденными отклонениями от сущности. Ничто «в чистом» виде не дано для познания. Но сущность, тем не менее, в терминах «открыта» для человека. Сущность бытия и онтологическая истинность универсума определяют поведение человека. Поведение не просто «доступно»¹ сущности, оно детерминировано сущностным бытием вещей и событий. Прав Хайдеггер и в том, что в зависимости от характера сущего и поведения открытость для человека различна. «Но является ли бытие вещью? Находится ли бытие, как и все наличное сущее, во времени? А, вообще, есть ли бытие? Если оно есть, то мы должны неизбежно признать, что оно какое-то сущее и, следовательно, искать его среди прочего сущего. Это есть лекционный зал. Он освещен. Мы признаем без разговоров и колебаний этот лекционный зал существующим. Но где во всем зале найдем мы это «есть»? Нигде среди вещей не найдем мы бытия. «Каждой вещи – свое время. Но бытие не вещь, не что-то, находящееся во времени. Несмотря на это, бытие по-прежнему определяется как присутствие, как настоящее через время, черезвременное».

---

¹ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества / Перевод. М., 1991, с. 82.

Все культурное, созданное человечеством в течение веков, опирается на открытость сущего познанию и поведению. В границах этой открытости осуществляется наличная действительность любой национальной культуры, интернациональная ценность.

Поведение представлено сущему в высказывании, ибо через высказывание проникает бытие сущего в человеческое поведение, а тем самым и в предметы, создаваемые людьми.

Интересно и то, что повторное познание человеком «искусственной природы» есть возврат человека в бытие сущего. Круг замыкается: человек играет роль опосредующего звена, образуя внутреннее пространство круга. Оно, как известно, пусто. В кругу бытия сущего человеку отведена роль «дырки от бублика». Но не любая пустота бесполезна, и небытие тоже. Роль человека соответствует роли «ничто». Эта категория не менее содержательна, чем «бытие». Чтобы убедиться в этом, достаточно бегло пробежать по страницам истории философии.

Истинность бытия и гносеологическая истинность сущего зависимы от человека, его познавательных способностей и поведения. Высказывания человека и его поведение – основа определения истинности сущего через его осуществление в материальном и духовном теле культуры. То, что истинно, подлежит «быть»: сначала идеально в познании, а потом практически реализуется в материальной деятельности и поведенческих актах. Все истинное высказывается и опредмечивается, то есть становится доступным другим людям и другим поколениям людей. Понимание дается через открытость сущности вещей и через соответствие знания людей вещам. Истинность знаний должна быть заимствована из истинности вещей. Иными словами, гносеологическая истинность зависима от истинности онтологической. Такое соответствие само может быть рассмотрено как онтологическая истинность сущности бытия в целом, в масштабах мироздания. Как в научных, так и в ненаучных формах

познания соответствие гносеологической истины онтологической истине остается константным. Этот принцип не меняется в зависимости от видов познания, ибо открытость сущности бытия для человека не изменяется от того, какой путь представления поведения своего сущности выберет человек. Открытое поведение само должно руководствоваться этой мерой.

Интеллектуальное, чувственное или любое другое поведение человека должно руководствоваться сущностью бытия, ее заданностью, с одной стороны, и открытостью для человека, с другой. Если сказать то же самое иными словами, то речь идет о том, что каждый человек живет в предметном мире, законы которого не им и от него не зависят, но эти законы доступны ему настолько, что он может не только сам к ним приспособляться, а может даже приспособить их для удовлетворения своих потребностей, создавая в природе такие предметы, которые в ней возможны, но без человека не существуют. Например, летательные аппараты тяжелее воздуха. Это означает, что человек может взять на себя ответственность за относительно самостоятельную часть бытия сущего. Такая ответственность продиктована онтологической истинностью вещей, где осуществляется их открытость для человека. Такая ответственность и относится к открытости поведения сущности бытия. Каждое высказывание человека, будь то в форме суждений или в форме поведения, есть реализованная истинность бытия. Поведение должно быть рассмотрено тоже как целостное высказывание человека о постижении им сущности вещей, точнее, их онтологической истинности. При этом не играет особой роли, какими формами познания человек достиг этой истины: философскими, научными, художественными, религиозными или другими. Поведение может осуществляться и чувственно, и интеллектуально, и вербально, и через поступки (моторику). При этом ясно, что господствующее мнение, согласно которому сущность истины дана только в знаниях, должно уступить место и другому мнению, что истина реализуется в бытии материально ничуть не

меньше, чем духовно. Истина обретает подобающее место не только в системе видов познания, но и в самом бытии.

Так возникает новый круг вопросов, связанный с проблемой истины, об истинности социального бытия и ее отличии от истинности природного бытия.

Подобно тому, как вещи и мысли бывают истинными, может быть истинным и поведение человека, и общественная практика. Онтологическая практика также определяется через адекватность сущности. Сущность общественной практики – создание материальных и духовных (средств), которые запрещают быть человеку зоологическим существом и усиливают в нем гуманитарные и гуманистические потенциалы. Следовательно, онтологически истинно то поведение (практика), которое способствует открытию (расширению, усилению) в человеке человеческого, разумного и коллективного. В таком поведении (практике) открывается онтологическая истинность самого человека, его космическое предназначение – быть звеном в цепи природы, порождающим истину, красоту и добро.

Чтобы выступать в роли такого звена, человеку и человечеству нужна свобода, то есть относительная независимость и самодостаточность². Свобода истинной вещи определяется ее объективными связями, взаимодействиями с другими вещами. Если внешние воздействия не отклоняют вещь от бытия по собственной сущности, то есть не деформируют ее, то вещь свободна и самодостаточна. Свобода человека и его практики зависит, во-первых, от истинности знаний об объективной реальности – природной и социальной; во-вторых, от сил, действующих в обществе людей. Если «общественная сила» не деформирует человека, не отклоняет от его сущности (об этом говорилось чуть раньше), то человек будет свободным.

Свобода, как и любое другое общественное явление, имеет свою сущность, определяемую через различные группы категорий. Свобода может

---

² Финогентов В.Н. И ропщет мыслящий тростник. Уфа, 2000.

быть и познанной необходимостью, соответствием действий человека законам мироустройства. При любом подходе истинность свободы будет определяться через соответствие своей сущности. Если мы исходим из того, что истины и истинности нет, то в каждом варианте определения несвободы есть относительная истина. Хайдеггер считает, что в многомерном мире есть принцип оборачиваемости, в силу чего мы можем говорить об истинной свободе, но и о свободе истины. Тогда получается, что истина есть свобода. Онтологическая истинность любого объекта – как его свобода от других, свобода быть не тем, к чему принуждают окружающие обстоятельства, а самим собой, свобода существовать в соответствии со своей сущностью³. Такая трактовка сущности истины одинаково применима, на наш взгляд, и к природным, и к социальным явлениям. Такой вывод говорит, что свобода есть сущность самой истины. Свобода как основа внутренней возможности объекта самореализоваться не только в форме единичного представителя множества однородных предметов, но и как реализация родовых и видовых законов и принципов.

Свобода при такой трактовке сама выявляет свой онтологический статус. Утверждение, что сущность истины в свободе, не является субъективной истиной. В данном контексте сущность истины трактуется, раскрывается через категории социального мира. Но это не снижает онтологической истинности вещи до субъективной их трактовки. Истина даже в гносеологической ее трактовке не может полностью зависеть от «мыслящего тростника». Здесь опять выступает на первый план различие между научной трактовкой истины и пониманием истины обыденным сознанием. То, что уже в изложении все время навязывалось здравому смыслу, отчетливее обнаруживается лишь теперь. Истина в рамках обыденного сознания не требует онтологической

---

³ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге // Избр. ст. позднего периода творчества. Перевод. М., 1991, с. 69-79.

подтверждаемости. Нередко люди могут обходиться, скажем, конвенциональными истинами. То есть такими высказываниями, которые они по соглашению решили считать истинными. Это их устраивает, это приносит им пользу, такие истины «работают». Истина принижается здесь до субъективности человеческого произвола. Хотя для субъекта достижима объективность, однако, последняя вместе с субъективностью остается человеческой и в распоряжении человека. Вместе с тем человек есть лишь объективное звено в цепи развития природы. Если это так, то субъективность человека есть лишь значимый момент в едином бытии природы.

Конечно, ложность и искажение, ложь и заблуждение, обман и видимость, иначе говоря, все виды «неистинности» относят и к человеку. Но одновременно все неистинное – это противоположность истины, из-за чего она и остается за чертой того круга, в котором заключен вопрос о чистой сущности истины.

Подобно тому, как человек создает истинную вторичную (искусственную) природу, он может создавать ложные предметы и события. Одним из таких событий в общественной жизни, на наш взгляд, является война, убийство человеком человека. Ложь как элемент субъективности человека тоже представляет собой характеристику того самого звена в цепи космического развития, которое подтверждает красоту, добро и истину. Диалектика противоположностей очевидна. Истина имеет значение в метафизике как нечто непреходящее, вечное, которое никогда не может основываться на мимолетности человеческого существа.

В социальной жизни свобода входит в сущность истинности социальных событий и явлений. И здесь свобода есть сущность истинности и человеческого поведения и социальной практики в целом. То, что не служит свободе человека от стихии природных и социальных явлений, то с этой точки является социально истинным явлением. Каким же путем сущность истины обретает в свободе человека свою наличность и обоснование? И в ответе на этот вопрос мы

сталкиваемся с диалектикой противоположностей: свободы и необходимости. Вместе с человеком природная необходимость порождает не только разум, но и свободу, без которой не может быть ни красоты, ни добра, ни истины. Сущность свободы нуждается в отдельном исследовании, самостоятельном и основательном. Несмотря на то, что все вроде бы знают, что такое человек, нам представляется, что это не знание, лишь умение различать его в мире вещей. Однако это вовсе не означает знание человека. То же самое можно сказать о его отдельных параметрах, в том числе свободе. Указание на связь сущности истины как правильности с сущностью свободы раскрывает внутреннюю связь метафизических атрибутов материального мира. Определение сущностной связи между истиной и приводит нас к вопросу о сущности человека в том направлении, которое гарантирует нам опыт скрытой основы сущности человека. Это, в свою очередь, отправит нас в сферу первоначальной сущности истины. Здесь обнаруживается свобода, которая является основанием внутренней возможности для правильности лишь в силу того, что она получает свою собственную сущность от сущности, сущности Абсолюта. Цепочка: «Абсолют – природа – человек» – соответствует линейному определению онтологической истинности любой конечной вещи. Именно это применительно к взаимосвязи понятий «истина» и «свобода» в области социальной жизни. Свобода, понимаемая как допущение бытия человека и согласованности его существования с его сущностью. Свобода в качестве достигаемого человеком состояния была заложена уже в Абсолюте, трактуемом нами как принцип единства мироздания. Эта свобода дает человеку возможность вмешиваться в бытие сущего, которое теперь становится мыслящим бытием сущего. Опять воспользуемся категориями Хайдеггера. Для него «допущение» означает – принять участие в бытии сущего. Такое вторжение человека возможно из-за открытости бытия человеческого бытия Абсолюта. То, что открыто, не сокрыто. А истина, по Хайдеггеру, и есть устранение сокрытости. Хайдеггер в своей

работе «О сущности истины»⁴ долго и кропотливо исследует этимологические корни сущности истины, и пересказывать содержание этой интересной работы нет смысла. Для нас интересна та мысль Хайдеггера, где он специально подчеркивает, что «несокрытость» (истинность) присуща не только духовным явлениям, высказываниям, но и вещам. Другими словами, по Хайдеггеру, категория «истина» применима к сфере не только гносеологии, но и онтологии. При таком подходе истина связывает не только слова и знания, но и вещи со знаниями и словами. Гносеологическая истина зависима от онтологической истины бытия. Первое лишь допускает второе, которое его порождает. Сущее в такой форме, как допущение бытия, предстает перед сознанием как возможность творения бытия, то есть создания в природе вещей, которых нет. Допущение бытия, то есть свобода, является выставяющей, экзистентной. Сущность истины, которую можно увидеть со стороны свободы, проявляет себя как вхождение (вставление) в сферу обнаружения сущего. Истинное знание, которое несет в себе «допущение бытия», то есть возможность «искусственной природы», продолжает развитие сущности природных явлений. Естественная сущность природы становится очеловеченной сущностью природы в соответствии с нормами красоты и добра.

Диалектика истины, свободы и сущего может стать темой самостоятельного исследования, где будут привлечены и множество иных категорий онтологии, гносеологии и социологии.

Сущее может быть рассмотрено и как Абсолют, и как Природа, и как Социум, Духовность. Поиск структуры соответствия конечных вещей (природных и социальных) этой сущности и составляет сердцевину философского анализа истины Хайдеггером. Исследование сущего как сокрытого абсолютного основания бытия может обойти вопрос об истинности

---

⁴ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества / Перевод. М., 1991, с. 8-27.

бытия сущего. Когда мы говорим об онтологической истинности социального бытия (материального и духовного), ищем соответствие социальных явлений росту в обществе гуманистических начал. То, что способствует возникновению, росту, укреплению, распространению, сохранению в человеке человеческого (культурного, трактуемого, прежде всего как антизоологического), является онтологически истинным. Осознание этой онтологической истины, сознательная ориентация на нее является предметом духовной сферы. Все формы и виды духовного производства, которые ориентированы на эту цель, т.е. соответствуют этой цели, являются также онтологически истинными. Диалектика онтологической и гносеологической истинности материальных или духовных социальных явлений – большая и сложная самостоятельная тема, заслуживающая исследования в широком спектре ее компонентов. Нас же в данной работе интересует лишь аспект, где доказывается, что познание истинности социальных явлений не может быть ограничено лишь научным познанием. Чтобы вскрыть всю глубину социальной истины, необходима совместная работа всех ненаучных форм познания. Каждый вид познания дает свой спектр, выделяет и включает в жизнь общества такие элементы, которые остаются недоступными или сознательно ими игнорируются.

Рассмотрение онтологической и гносеологической истинности телесного и духовного бытия человека – также тема сверхсложная, которую мимоходом невозможно рассмотреть во всей полноте. Любой момент, любое состояние, любое свойство человека, как телесное, так и духовное в аспекте истинности представляет безграничную тему, ибо бытие человека – бесконечно и безгранично. Это видно уже на примере рассмотренной выше темы – свободы и истины. Можно вспомнить имеющую тысячелетнюю историю тему об истинности «свободы воли» человека. Если все предопределено волей Бога (Аллаха) или природной необходимостью, то человеческая воля не располагает свободой. Наличие внешней силы, которой человек должен подчиняться,

лишает его свободы. Истинная свобода в рамках такой концепции, в лучшем случае, станет «осознанной необходимостью». Следовательно, человек обладает свободой тогда, когда она определена не внешними силами и способностями человека, а внутренними – теми, которые объединены термином «экзистентное». Экзистентная свобода гарантирует человечеству соотнесенность с сущим. Через эту соотнесенность она придает ему онтологическую истинность. Понятно, что онтологическая истинность истории не может быть исчерпана лишь знаниями (научными) ее логической, систематизированной, поддающейся экспериментальному познанию стороной. Показательно в этом плане сравнение познания истин природы и социума. Природа не имеет истории в том смысле, что ее истинность не определяется через внутреннюю свободу. В природе наоборот: внутренняя необходимость реализуется как свобода превращения возможности в действительность. Человек – часть природы, отличающаяся от нее целым рядом принципиальных качеств. В том числе диалектикой необходимости и случайности и определения их истинности. Истинность человеческого бытия содержит компоненты, присущие как природе в чистом виде, так и социуму. Каждая сторона в человеке существует не только в неразрывном единстве, но и в относительной самостоятельности.

Человек – часть космоса, но наделенный свободой, правом решения и выбора вариантов бытия. Свобода в человеке – это допущение сущего. Она наполняет сущность истины всем богатством бытия. В силу этого человек подчинен бытию, но не внешним образом, как все другие природные объекты, а внутренне. Связь человека с сущим осуществляется не через внешние, телесные качества, а через духовные, внутренние. Это подчинение не признак потери свободы, а признак высвобождения бытия сущего. Категория «истина» не просто характеристика знаний или правильного построения текста, которую субъект высказывает о предмете познания и которая действительна только в

гносеологии. Истина – элемент бытия сущего, характеризующая как духовные, так и материальные его стороны. Не случайно экзистенциалисты (в частности, Хайдеггер) говорят, что «истина есть способ экзистенции необходимости через свободу, объективного через субъективное, природного через социальное»⁵. Человеческая экзистенция исторически высвобождает себя в предметах культурной деятельности. Иными словами, общественный человек в ходе реализации своих сущностных возможностей «открывается» миру истины сущего, ее открытости. Бытие сущего через экзистенцию осуществляет свою первоначальную сущность. Так возникают исторические события, если рассматривать их не со стороны эмпирических характеристик, а со стороны метафизической абсолютности. Человек – своеобразный истинности бытия сущего, и в этой роли выступает как соучастник (скрытый элемент) законов природы. Эта функция человека хорошо видна в принципе антропности – концепции, которая только-только начинает осознаваться в ее мировоззренческой и методологической значимости для современного познания. Если бы человек не был «со-творцом» законов природы, он бы не смог на основе этих законов создавать «искусственную» природу и не смог бы модифицировать их соответственно своим интересам, целям и потребностям. Трансформация сущего человеком по мере познания им истины сущего возможна лишь при условии, что освоение истины сущего, во-первых, носит и онтологический, и гносеологический характер, во-вторых, не ограничивается формами. Если абсолютизируется какой-то один вид постижения истины сущего, даже если самого главного, сущее в таком случае закрывается. Видимость, кажимость – формы несоответствия существования сущности, действительности – возможности, следствия – причине, случайности – необходимости и т.д., т.е. основания «неистинны», определения ложности. Если

---

⁵ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества / Перевод. М., 1991, с. 71.

начинает господствовать видимость, это свидетельство существования несущности (ложности) сущего. Сказанное можно передать и через категорию свободы, которую выше мы определили в качестве сущности истины. Человек выпадает из истории. Потеря внутренней сущностной свободы (истинной свободы) оборачивается для человека способом разрушения истории. Человек превращается в некое подобие бездушного природного предмета, которым может манипулировать природная или социальная необходимость. Человек, потерявший свободу, слаб. Чтобы осуществить свободу как открытость миру, он должен вернуть свою свободу, и он для этого имеет средства. «Неистинна» возникает из бытия сущности, точнее, из истины сущности. И лишь потому, что истина и неистина не безразличны друг другу и взаимосвязаны, человек может надеяться на успех своих усилий по преодолению своей внутренней несвободы. Именно здесь необходимы ему все формы постижения онтологической и гносеологической истины мироздания. Для проверки истинности бытия сущего недостаточно односторонних знаний и критериев. Раскрытие сущности истины (истинной сущности) требует проверки и неистины. Научное познание должно быть дополнено ненаучным, материальная практика – духовной деятельностью, динамика бытия должна соответствовать его статике. Через их соответствие или несоответствие определяется их онтологическая и гносеологическая истинность. Постигание истины – не просто проверка истины методом косвенных критериев или методом от противного. Неистина, как и ложь, как и несвобода, – существенный момент бытия сущего. Об этом мы уже говорили выше, подчеркивая, что в нашем конечном мире нет ничего абсолютно истинного. Мир конечных вещей и событий представляет собой единство истины и лжи, зла и добра, красоты и уродства. В этом мире нет ничего совершенного. Снова перед нами диалектика противоположностей: истины и лжи, научных и ненаучных, онтологических и гносеологических знаний. Истина не исчерпывается лишь истинными знаниями. Истина – характеристика вещей.

Аналогично этому «неистинна» тоже не является лишь гносеологической категорией, она принадлежит и вещам. Если есть онтологическая истина, понятно, должна быть и онтологическая ложь. Категории «истина» и «ложь» имеют равные права иметь как онтологический, так и гносеологический статус.

Согласованность, о которой мы говорим при определении истины, применительно к духовным явлениям есть момент выхода сущего в историческую действительность. Этот выход может людьми переживаться и чувствоваться по-разному, ибо они могут не иметь никакого понятия про эту согласованность. Но каждый из них через истинность бытия сущего допущен в сферу согласованности. Этим раскрывается сущее как истинное, а люди – как социум, могут оказаться вне истории. Это и есть доказательство включенности каждого в сущее в целом. При этом не имеет особого значения, постигнуто или не постигнуто это сущее индивидом. Человек, как утверждал еще Леонардо да Винчи, есть не просто часть космического целого, как считали античные мыслители, а необходимое звено в цепи развития природы. Согласованность развития общества с ходом природного развития не отменяется тем, что бытие какого-то отдельного человека оказалось в сфере «неистинны» и природного, и социального бытия. Общество в целом не есть простая сумма состоявшихся и несостоявшихся судеб. Диалектическая составляющая общества часто пренебрегает такими незначительными величинами, как знание или незнание отдельным индивидом согласованности своего духовного бытия с истиной сущего.

Онтологическая истинность присутствия человека в космическом развитии определяется и конкретизируется историческим развитием человека. Социальная материя раскрывает не только потенции природы, но и свои собственные. Бытие сущего пронизывает все открывающиеся в нем отношения и связи. С позиции повседневного расчета, утилитарной полезности других мелких дел сущее выступает как неисчислимое и до конца не познаваемое.

Обыденное ненаучное познание воспринимает все, что не совпадает с повседневными очевидностями, как ложное, ошибочное, непродуманное. И в этом отношении оно близко к критерию истины в научном познании. Наука тоже считает все, что не соответствует ее критериям, ложным, непродуманным. Но то, что согласуется в частичных формах познания с их эталонами, есть сокрытие сущего в целом, которое может быть открытым лишь синтетическому единству всех познавательных форм человека.

Возникновение человека согласовано с природной необходимостью. В этом смысле необходимость, присутствующая в материи, порождает в ней свободу. Свобода человека есть не свобода от необходимости, а свобода в необходимости. Материи нужно такое звено (разумное), которое бы смогло раскрыть в ней то, что без разумного в выборе вариантов существа не способно к осуществлению. Такая материя «допускает» человека, который допустит бытие «искусственной природы». Человек, создавая вторичную природу, опять создает вещи, содержащие в себе, подобно естественным, скрытую истину, в роли которой выступает мысль – цель создавшего эти вещи человека. Эту сокрытую истину также необходимо познавать, чтобы она стала несокрытой.

Истина бытия сущего через человека как бы пульсирует: то, как открытое, то как сокрытое. Духовность человека, опирающаяся на внутреннюю свободу, связывает каждого и всю историю с истиной бытия.

Чем больше человек вооружается знаниями о естественной и искусственной природе, тем он сам становится более открытым для современников и для других поколений. Отсутствие внутренней свободы человека отстраняет его от бытия сущности, от сотворения из истин бытия своей истории. «Несущностный» человек в историческом аспекте – онтологически неистинный человек. При этом для многих форм ненаучного познания он может иметь форму истинности индивидуального и общественного бытия. Возникает парадокс между онтологической истинностью человека для

других и онтологической (и гносеологической тоже) истинностью для себя.

Но такое высказывание относительно несущности и неистины никак не соотносится с привычным мнением и отвергается как грубо вымышленный «парадокс», только потому, что эту видимость трудно устранить. Для сведущего человека, однако, не составляет труда различить истины природы и истины вещей и событий, созданных людьми. Истины вещей культуры вторичны по отношению к истинам естественной природы.

Свобода человека, допускающая изменение исторической и природной замкнутости, основывается на отношении открытости бытия сущего человеку. Поведение человека и историческое движение общества основывается на этой открытости и получает от нее указание для единичного и коллективного бытия, для раскрытия его как гуманистически истинного.

Чем сильнее историческая истинность социума и человека, тем прозрачнее тайна истинности бытия сущего. Реализуя свою истинную свободу в исторической действительности, человек, однако не придает забвению бытие сущего, которое остается присутствующим всегда с ним в каждом мгновении и в каждом фрагменте индивидуального и коллективного бытия. Человек остается в рамках конечного бытия, даже тогда, когда речь идет о первоначальном и вечном. И когда он собирается расширить, изменить, вновь освоить и закрепить сферу обнаружения сущего в самых различных областях своей деятельности и своих возможностей, он руководствуется при этом указаниями, которые определяются кругом повседневных намерений и потребностей. Иначе говоря, в вещи, созданной человеком, содержатся истины материала, из которого она сделана, и истины ее творца. Поток повседневности поглощает человека. Порой в этом потоке мелких дел невозможно обнаружить господство истины сущего. Именно в таких ситуациях требуется совместное усилие всех доступных человеку способов постижения сущего. Иначе будет оставаться тайна, сокрытая видимостью или неистиной. Повседневность, с одной стороны, мешает

реализации истины сущего, но, с другой стороны, она самый надежный способ постановки вопросов об истинном бытии сущего. Истина, которая не познана, не перестает быть истиной. Человек может, сам того не ведая, жить в мире лжи или истины. Характер действительности от ее познания не изменяется, пока этого не захочет человек.

Научная эпистемология зачастую пренебрегает наличным бытием человека в погоне за постижением бытия сущего. Но уйти от наличного бытия невозможно. Можно на время предать его забвению. Но забвение не устраняет тайны проявления истинности индивидуального повседневного бытия. Тайна забвения не разрешается. Любая тайна должна отказываться от забвения. В этом ее помощниками выступают именно ненаучные формы познания. Именно они с разных сторон подступают к тайнам наличного индивидуального бытия, беспокоя сокрытость и завершенность. Если тайна оставлена в забвении, человек выдан повседневности, и истинность его бытия подчинена внешним обстоятельствам, а не вытекает из внутренней свободы.

Историческое развитие человечества свидетельствует о становлении свободы, замеченной еще Гегелем. Но Гегель в соответствии со своей философией считал, что это внешняя свобода, свобода от природной и социальной необходимости. Абсолютный дух находит в этой свободе лишь одну из исторических форм своей реализации. Положительным в представлениях Гегеля является то, что онтологическая истинность исторических событий определяется через их соответствие Абсолютному духу. Хотя это соответствие многоступенчато опосредовано, однако, в конечном счете, Мировой Дух является предельным основанием всего сущего.

Историческое развитие людей можно рассматривать как развитие их потребностей – материальных и духовных. Каждый день приносит новые замыслы и цели, из реализованных и нереализованных дел складываются дни, недели, месяцы, годы, века и тысячелетия. Люди пополняют свой мир

новациями. Каким бы сложным не стал человеческий мир в материальном и духовном плане, истинность всего человеческого определяется через соответствие бытию сущего.

Научное познание открывает бытие сущего в логических измерениях. Человек часто не задумывается о предельной мере этих измерений. Из-за рациональной односторонности человек теряет самого себя, оказывается потерянным в универсуме бытия сущего. Потерянность есть неистинность. Жизнь потерянного общества и человека есть видимость бытия. История жизни оборачивается чередованием видимостей, иллюзией, отрешенной от онтологической и гносеологической истинности бытия. Отчужденность от бытия сущего оборачивается мозаикой конкретно-предметных исторических форм отчуждения. Эта отчужденность имеет неосознаваемую им самим опору в агностицизме, в отказе от истины и действительного бытия, созданного мыслью и делами человека.

Выход из этого отчуждения в первую очередь определяется поиском путей к внутренней свободе, которая основана на истине сущего. Поиск устраняет тайну. Как пишет Хайдеггер, «тайна исчезает в поиске и трансформируется в открытости бытия, т.е. в истину. Путь поиска сложен и запутан. На этом пути неизбежны блуждания»⁶. Перефразируя известный афоризм, можно сказать: кто не блуждает, тот не находит истину.

Человек находится всегда на этом пути блужданий, потому что мир для познания закрыт. Необходимы усилия, чтобы выявить истину.

Путь блужданий параллелен пути истины, не является линейным процессом, внешним по отношению к человеку. Блуждание принадлежит к внутренней духовной жизни человека. Тем самым он прямо связан и со свободой, и с бытием сущего, в которое допущен исторический человек.

---

⁶ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества / Перевод. М., 1991, с. 70

Блуждание является антиподом истинности бытия сущего. Оно сокрыто для всякого противоположного истине. Блуждание имеет свой круг категорий. Прямой путь блуждания, где оно соответствует своей сути, т.е. не искажено внешними воздействиями, – заблуждение. Здесь не простое созвучие, а существенная связь. Заблуждение не просто отдельная ошибка, а запутанный способ блуждания. Онтологические и гносеологические характеристики заблуждения представляют собой диаметрально противоположное отражение истины. Всякая истина имеет свой особый путь блуждания и систему заблуждений, включающих просчеты, недосмотры, проступки, промашки, упущения в мыслях и делах.

Единичная ошибка есть мгновение, момент процесса блуждания, причем не имеющий решающего значения. Путь блужданий человечества не является чистым путем одних ошибок. Блуждания, как мы выше заметили, заканчиваются и истинными результатами. Блуждание, возможно, единственный путь нахождения истины в бытии сущего. Этот путь увлекателен, ибо он зовет к свободе в вышеназванном значении. В начале этого пути человек может быть окутан ложью, видимостью, иллюзиями. На пути блуждания человек способен не поддаваться заблуждению, обойти ошибки, избежать лжи, достигнуть истины. «Истории науки известны так называемые абсолютно мнимые проблемы. Это в первую очередь идея вечного двигателя, квадратуры круга, трисекции угла и т.д. Но как это ни парадоксально, попытки решения абсолютно мнимых проблем обогатили науку. Из идеи вечного двигателя выросло понимание сохранения энергии, стремление разрешить знаменитую проблему квадратуры круга привело к развитию методов алгебры, анализа бесконечно малых величин и к строгому доказательству иррациональности числа. По поводу роли мнимых проблем в науке академик В.И. Вернадский отмечал неизбежность существования в научном мировоззрении фикций и предрассудков, ответы на такие вопросы иногда служат желательным

источником научной работы целого поколения ученых»⁷.

Попытки предать блуждание забвению порождает обман. Угнетающий характер обмана ставит перед человеком альтернативу: забвение или «через терния к звездам», т.е. мучительный творческий поиск. Блуждание на пути к истине полно творческих мук, угнетенности заблуждений, страха тайн и восторга открытий.

Бытие человека окружено океаном истины, сокрытого заблуждениями и ложью. К истине можно прийти через раскрытие сущего. Свобода, из экзистенции человека, является сущностью истины только потому, что сама свобода происходит из первоначальной сущности бытия, из господства тайны на пути блужданий человека.

В этом случае вопрос о сущности истины звучит как вопрос о ее происхождении, и становится ясной основа переплетения сущности истины с истинной сущностью бытия. Онтологическая истина и гносеологическая истина во всех сферах познания переплетаются в единую цепочку открытия истины человеческого духовного бытия в мире бытия сущего.

Начиная с Платона, она понимается как «философия», а позднее называется «метафизикой».

Поиск истины и есть путь к знаниям, страсть на этом пути есть любовь к мудрости иначе – философия. Любовь к мудрости, облаченная в словесную форму, есть философия.

Понятия в словесной форме символизируют экзистентную свободу, основанную на истинности бытия сущего. Истина сущего через духовную свободу облекается в словесную форму, освобождаясь тем самым от заблуждения и тайны бесконечности бытия. Выражение бытия сущности в свободной словесной форме означает становление человеческой истории в гуманистической форме. Слово не только сохраняет генетическую структуру

---

⁷ Капитон В.П., Шубин В.И. Природа философского знания. Днепропетровск, 1999.

истинности бытия сущего, оно открыто и доступно для всех форм познания. Через слово человек определяет место в истории, особенности своей онтологической истинности; истинность человеческого бытия начинает накопление своих богатств далеко не сразу с научного познания. Хотя эмпирический опыт первичен по отношению к истории любого вида познания, однако, знания человека о самом себе начинаются именно с ненаучных форм. Появление философии знаменует ярко выраженное господство обыденного рассудка. Здравый смысл оперирует банальными истинами, но от этого они не становятся ложными и менее ценными. Von sens своим подозрительным отношением к метафизическому мышлению пытается отгородить злополучную чувственность от его критики. Но истина не отвергает чувственность, она ее поглощает. Обыденное сознание и философия сходятся в перспективе и в генезисе на бытии сущего. Онтологическая истинность сущего раздваивается в познавательной поверхности на гносеологическую истину здравого смысла и метафизики. Бытие сущности через свободу словесного мышления находит свою внешнюю действительность для человека. Поскольку истина неразрывно связана с неистинной, то бытие сущего не может быть исчерпано лишь метафизическим мышлением. Все, что находится вне его сферы, достается другим формам познания. Слово открывает сущности всем, кто способен синтезировать различные формы познания в едином усилии. Кант угадал внутреннюю трудность мышления, ибо он говорит о философии; приведем слова цитируемые М. Хайдеггером в работе «О сущности истины»: «И теперь мы видим, что философия на самом деле поставлена в сомнительную, щекотливую позицию, которая должна быть тверда; непризнанная, философия не может ни зацепиться ни за что на небе, ни подпереться ничем на земле. И тут она должна доказать свою честность, сама соблюдая свои законы, а не выступая глашатаем тех законов, которые ей нашептывает внушенное чувство или, может

быть, опекающая природа»)»⁸.

Кант, философия которого знаменует поворот в западноевропейской метафизике, уловил зависимость онтологических и гносеологических истин бытия сущности. Однако, его ограничение истинности сущего лишь философией, которая в этом случае будет самодостаточной, спорно. Истинность бытия сущего не может быть исчерпана ни философией, ни наукой, ни какой-либо другой отдельной формой познания. Лишь в комплексе всех форм познания человек реализует свою внутреннюю свободу, которая привносит в историю человечества тайну сущего и его онтологическую истинность. Понимание своей ограниченности обуславливает наличие в философии и науке сомнений, тревог, поиска, блужданий. И главное – обуславливает мысли о необходимости союза с формами познания. Таким образом, как онтологическое, так и гносеологическое определения истины одинаково связаны с глубочайшими тайнами мироздания и человеческой души. Сущностные аспекты сокрыты и должны открываться через сознательно-практическую деятельность общественного человека.

Истина бытия, открытая человеком, служит ему для очеловечивания (гуманизации) мироздания, составной частью которого является и он сам. Человек в цепи природы есть звено, которое вносит в нее истину, красоту и добро.

Общим для истин всех форм познания является их генетическое единство в бытии сущего.

1.2. «Истина» в структуре научного познания. Гносеологическая трактовка категорий «истина» и «ложь»

Процесс познания синхронен процессу социоантропогенеза. Практика

---

⁸ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества / Перевод. М., 1991.

непосредственно (индивидуально) и опосредованно (коллективно) взаимосвязана с приобретением новых знаний. Творческий импульс бытия пронизывает и практику, и познание в их неразрывном единстве.

За тысячелетия своего развития человечество прошло длительный и тернистый путь познания от примитивного и ограниченного ко все более глубокому и всестороннему проникновению в сущность бытия. На этом пути было найдено и раскрыто множество тайн бытия природных, социальных и духовных явлений. Сменялись картины мира, менялись парадигмы познания, однако постоянной оставалась творческая устремленность человечества познать глубинные структуры и механизмы действия всего окружающего и самого себя. Развивающееся знание способствовало развитию производства, расцвету искусств и иного творчества. «Наш разум постигает законы мира не ради простой любознательности (хотя любознательность – одна из движущих сил человеческой жизнедеятельности), но ради практического преобразования – и природы, и человека с целью максимально гармоничного жизнеустройства человека в мире»⁹. Накапливающиеся знания систематизировались, приобретали компактную форму, удобную для передачи из поколения в поколение. Социальная память наряду с другими достижениями культуры накапливала в себе совокупность знаний, которые со временем дифференцировались на различные формы по своему предмету, методам, средствам и целям. Практические потребности порождали и ненаучные, и научные формы и способы познания, которые носят социально детерминированный характер. «Только через призму усвоенной культуры мы получаем знания о реальности»¹⁰. Прежде чем продолжать дело предшествующих поколений, необходимо освоить уже накопленные

---

⁹ Николаев А.Е. Историческое познание и творчество в философской системе Карсавина Л.П. // Культура и творчество. Тверь, 1995, с. 122.

¹⁰ Кучевский В.Б. Философия: проблемы бытия и познания: Учебник. М.: Мед. Змей, 1998, с. 24.

человечеством знания, постоянно соотнося с ними свою познавательную деятельность, – это категорический императив развивающегося знания.

Задумываться над тем, что такое познание, каковы пути его приобретения человек стал уже в глубокой древности, когда он осознал себя как нечто противостоящее природе, как деятеля в природе. На этой основе возникает гносеологическая рефлексия, т.е. знание о самом знании.

С возникновением философии обязательным ее разделом стала гносеология – учение о познании, в рамках которой рассматриваются соотношение объекта и предмета познания, характеристики различных субъектов познания, формы чувственного и логического уровней, специфика эмпирических и теоретических методов познания. Именно в этот раздел философии входит рассмотрение проблем истины, ее форм и критериев.

Категория «истина» взаимосвязана со всеми категориями как практики, так и познания. Все формы знания проходят испытание перед лицом Истины.

Первичное обыденное познание породило множество более поздних различных форм, в том числе и научное познание (эпистемологию). «Дети» порой весьма существенно отличались от породившего и обыденного здравого рассудка.

Главные различия между обыденным сознанием и научным познанием касаются всех познавательных аспектов. Рассмотрим лишь хрестоматийные моменты:

*у науки свой, особый набор объектов познания, в отличие от обыденного познания. Наука ориентирована, в конечном счете, на познание сущности предметов и процессов, что вовсе не свойственно обыденному познанию, ограничивающемуся в основном познанием эмпирической стороны объектов и бытия;

*научное познание требует выработки особых языков науки, а обыденное сознание пользуется естественным языком;

*в отличие от обыденного познания, научное вырабатывает свои специальные методы и формы, свой инструментарий исследования;

*для научного познания характерна планомерность, системность, логическая организованность, обоснованность результатов исследования, а обыденное познание может удовлетворяться синхронностью и смежностью событий;

*наконец, отличны в науке и обыденном познании и способы обоснованности знаний. Научное познание требует подтверждения, доказательства, аргументированности, основанных на экспериментальной практичной проверяемости и логической непротиворечивости. Обыденное познание склонно удовлетворяться очевидностью, простотой, ясностью и понятностью. Истины науки могут быть истинами обыденного сознания. Но не все истины обыденного познания удовлетворяют научным требованиям истинности.

Что же собой представляет наука? Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно отметить, что «рождение науки есть результат истории, итог углубления и разделения труда, автоматизации различных отраслей духовной жизни и духовного производства»¹¹.

Можно сказать, что «наука – это и итог познания мира, система проверенных на практике достоверных знаний и в то же время особая область деятельности духовного производства, производства новых знаний со своими методами и инструментами познания, с целой системой организаций и учреждений»¹² [92].

Все эти составляющие науки как сложного социального феномена особенно четко высветило наше время, когда наука стала основой жизни. Но эта система в наши дни представляет собой, во-первых, единство знаний и

---

¹¹ Шихардин Н.В. Диалогический подход к изучению истории // Новые идеи в философии. Пермь, 1996. Вып. 5, с. 110.

¹² Краткая философская энциклопедия. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1994.

деятельности по их добыванию, во-вторых, выступает как особый социальный институт, занимающий в современных условиях важное место в общественной жизни.

Роль и место науки как социального института отчетливо видны в ее социальных функциях. Главные из них – культурно-мировоззренческая и функция непосредственной производительной силы.

Первая характеризует роль науки как важнейшего элемента духовной жизни и культуры, играющего особую роль в формировании мировоззрения, широкого научного взгляда на окружающий мир.

Вторая функция с особенной силой обнаружила свое действие в наши дни в обстановке углубляющейся НТР, когда синтез науки, техники и производства стал реальностью.

В современной жизни нельзя обойтись без научных знаний. Научные методы пронизывают все сферы жизни. Чем более научно знание, тем больше ему доверия. Экспансия науки, возможно, не всегда оправдана. В своем торжественном марше научное познание не всегда достаточно обоснованно отбрасывает достижения донаучных и вненаучных форм познания. Но доминирующим является сегодня научное знание, на основе которого строятся также социальные прогнозы на ближайшее и отдаленное будущее человечества.

Особое место науке принадлежит и в решении глобальных проблем современности – экологической, ресурсов, продовольствия, войны и мира.

Традиционно науки сегодня делят на две большие группы: науки естественные и технические, ориентированные на исследование и преобразование процессов природы, и общественные, исследующие изменение и развитие социальных объектов. Социальное познание отличается рядом особенностей, связанных и со спецификой объектов познания, и со своеобразием позиции самого исследователя. Попутно следует отметить, что на разных уровнях социального познания значительно меняется роль научных и

ненаучных знаний. Например, в области нравственных или семейно-бытовых отношений люди чаще доверяют чувствам симпатии, любви, антипатии или презрения, чем научно обоснованным рекомендациям.

В естествознании субъект познания имеет дело с природными объектами, обществовед – с особыми – социальными объектами, с обществом, где действуют субъекты – люди, наделенные сознанием. В отличие от естествознания здесь весьма ограниченная сфера эксперимента. Эти ограничения могут носить моральный характер или связаны с безопасностью жизни человека, его материальным и духовным благополучием.

Второй момент: природа как объект исследования находится перед субъектом, изучающим ее; напротив, обществовед изучает социальные процессы внутри общества, занимая в нем определенное место, испытывая влияние своей социальной среды. Интересы, потребности, ценности, идеалы людей не могут не оказывать воздействия на позицию и оценку исследования.

Истинность знаний о природе и истинность знаний об обществе не равноценны по значимости. Ложность социальных знаний может обернуться непоправимой трагедией для миллионов людей, тогда как ошибка в естественнонаучной области может уменьшить эффект полезности какого-либо деяния. Проблема истинности в научном познании весьма существенна, когда речь идет о социальных объектах.

Немаловажно и то, что «в историческом процессе гораздо большую роль, чем в природных процессах, играет индивидуальное, а законы действуют как тенденции, в силу чего отдельные представители неокантианства вообще считали, что социальные науки могут лишь описывать факты, но в отличие от естественных наук не могут вести речь о законах»¹³. Все это, безусловно, усложняет исследование социальных процессов, требует от исследователя учета этих особенностей, максимальной объективности в познавательном процессе,

---

¹³ Ремесло историка на исходе XX века, с. 14.

хотя, естественно, это не исключает оценки событий и явлений с определенных социальных позиций, умелого вскрытия за индивидуальным и неповторимым общего, повторяющегося, закономерного. Несомненно то, что в социальном познании наука может дать много истинного и полезного. Однако при этом необходимо предостеречь от возможной абсолютизации роли научных знаний в области общественной жизни, особенно, в духовной.

Структура научного познания неразрывно связана с тремя его задачами, отражающими его социальное назначение и цели. Они сводятся к описанию объектов и процессов, их объяснению и, наконец, предсказанию, прогнозу поведения объектов в будущем. И на каждом этапе мы видим свои нюансы проблемы истинности. Истинность описания, объяснения, прогноза имеет свои особенности. Описание истинно, если корректно зафиксирована фактуальность события или предмета. Объяснение истинно, если выявлены механизмы возникновения и функционирования предмета познания. Прогноз истинен, если в будущем он оправдывается.

Для полного понимания различий между истинностью научных и ненаучных знаний нам придется вкратце повторить устоявшиеся, известные истины. Но без этих «банальностей» трудно продолжить дальнейшую аргументацию нашей основной мысли, что абсолютизация научного познания обедняет бытие общества в целом и каждого человека в отдельности. В критические моменты развития общества такая абсолютизация научных или ненаучных знаний может обернуться даже трагедией для миллионов людей. В структуре научного познания выделяют два уровня – эмпирический и теоретический. Уровни познания не следует смешивать со сторонами познания: чувственной и логической. Дело в том, что в первом случае имеются в виду различные типы исследовательской деятельности ученых, а во втором – речь идет о типах психической деятельности в процессе познания вообще. Причем оба эти типа находят применение и на эмпирическом, и на теоретическом

уровнях научного познания:

- по предмету исследования. Эмпирическое исследование ориентировано на явление, теоретическое – на сущность. Процедура выявления явления, естественно, отличается от процедур установления истинности сущности;

- по средствам и инструментам познания, определение истинности которых имеет свою специфику;

- по методам исследования. На эмпирическом уровне, например, это наблюдение, эксперимент, на теоретическом – системный подход, идеализация. Проблема истинности методов – одна из центральных тем любой гносеологии;

- по характеру добытых знаний. В одном случае это эмпирические факты, классификации, эмпирические законы, во втором – законы раскрытия существенных связей, теорий. «Теория истинности знаний образует целый раздел философии – алетологию или веритонию»¹⁴.

Наука, как и любое общественное явление, имеет свою историю. В XVII–XIX вв. наука еще находилась на эмпирической стадии, ограничивая свои задачи обобщением и классификацией эмпирических фактов, формулированием эмпирических законов.

В дальнейшем над эмпирическим уровнем надстраивается теоретический, всесторонним исследованием действительности в ее существенных связях, закономерностях. При этом оба вида исследования органически взаимосвязаны и предполагают друг друга в целостной структуре научного познания. Целостность научного познания ставит и задачу создать концепцию истины, охватывающую все этапы эпистемологии. На этом этапе научное познание достаточно терпимо относилось к здравому смыслу, уступая ему многие достижения эмпирического познания. Точнее, они по праву могли делить славу эмпирических достижений. Не зря Декарт критерии истинности обыденных

---

¹⁴ Хазиев В.С. Искусственный интеллект и цель: Деп. в ИНИОН АН РАН №5220 от 17.04.80, с. 8.

знаний – очевидность и бесспорность – считал основными критериями и философского (теоретического) познания.

Одна из важных особенностей научного познания в сравнении с обыденным состоит в его организованности и использовании целого ряда методов исследования. Под методом при этом понимается «совокупность приемов, способов, правил познавательной, теоретической и практической, преобразующей деятельности людей»¹⁵. Эти приемы, правила, в конечном счете, устанавливаются не произвольно, а разрабатываются, исходя из закономерностей объектов.

Поэтому методы познания столь же многообразны, как и сама действительность. Исследование методов познания и практической деятельности является задачей особой дисциплины – методологии, включающей в себя и процедуры выявления истинности методов и их связей.

Наука любит все группировать, классифицировать и систематизировать. Это относится и к различиям между методами. Они могут быть разделены на несколько основных групп:

* всеобщие, философские методы, сфера применения которых простирается на все мироздание. К их числу принадлежит и диалектико-материалистический метод со своей алетологией;

* общенаучные методы, находящие применение во всех или почти во всех науках. Их своеобразие и отличие от всеобщих методов в том, что они находят применение не на всех, а лишь на определенных этапах процесса познания. Например, индукция играет ведущую роль на эмпирическом, а дедукция – на теоретическом уровне познания, анализ преобладает на начальной стадии исследования, а синтез – на заключительной. При этом в самих общенаучных методах находят, как правило, свое проявление и преломление требования всеобщих методов. Характер связей истинности

---

¹⁵ Краткая философская энциклопедия. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1994, с. 74.

всеобщих и общих методов познания – еще одна проблема алетеологии;

* частные или специальные методы, характерные для отдельных наук или областей практической деятельности. Это методы химии или физики, биологии, математики, методы металлообработки или строительного дела. Истинность частных методов так или иначе связана с истинностью всеобщих и общих методов;

* наконец, особую группу методов образуют методики, представляющие собой приемы и способы, вырабатываемые для решения какой-то особенной проблемы. Выбор верной методики – важное условие успеха исследования. Нетрудно заметить: иерархии методов соответствует иерархия процедур их истинности.

Существенное место в современной науке занимает системный метод исследования или (как часто говорят) системный подход. Этот метод и стар, и нов»¹⁶. Специальная разработка системного подхода началась с середины XX века с переходом к изучению и использованию на практике сложных многокомпонентных систем.

«Системный подход – это способ теоретического представления и воспроизведения объектов как систем»¹⁷. Основные понятия системного подхода: «элемент», «структура», «функция».

Системный подход обращает внимание на динамику элементов в рамках единой структуры. Большинство авторов выделяет следующие структурные элементы системы:

*объект должен быть рассмотрен в целостности, необходимо установить множество элементов, образующих содержание системы;

*выявление объективных, необходимых, причинно-следственных, повторяющихся, устойчивых связей между структурными элементами системы,

---

¹⁶ Андрусенко В.А., Пивоваров Д.В. Методология научного познания. Оренбург: Оренбург, гос. ун-т, 1995, с. 24.

¹⁷ Краткая философская энциклопедия. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1994, с. 69.

т.е. закономерных связей и отношений;

*необходимо выявить отношения и связи между структурой системы и ее функциями, т.е. структурно-функциональный анализ системы;

*в область исследования должен входить генезис системы;

*следует установить границы системы и ее связи с другими системами.

На примере системного подхода мы можем просмотреть достоинства и научного познания. Системный подход будет достаточным при условии, что он действительно системный. Этот подход не просто организует определенным образом предмет исследования, он и сам организован по собственным принципам. Системный подход рефлексивен, т.е. относится и к самому себе. Сказанное в полной мере относится и к определению истинности всех структур и элементов системы, и самой системы в целом. В этом смысле можно говорить о системной истинности указанного подхода. В определении истинности любого фрагмента тоже используется системный подход.

Рассмотрим еще одну группу явлений из области научного познания – эпистемологии, точнее, из того ее раздела, которая называется методология науки.

Особое место в методологии науки занимают методы построения и обоснования теории. Среди них важное место занимает объяснение, использование более конкретных, в частности, эмпирических знаний для уяснения знаний более общих.

Классифицируем объяснения, отметив попутно, что истинность классификации также имеет свои критерии, которые носят системный характер. Объяснение может быть:

- структурным, здесь описывается и объясняется, например, как устроена техническая конструкция, какой-либо механизм. Скажем – часы;

- функциональным, где раскрываются тайны часового механизма и принципы его действия;

- причинным, где говорится, почему часы работают (или не работают).

Истинность структурного, или функционального, или причинного, или целевого или других форм объяснения имеет как тождественные, так и различительные моменты.

При построении теории сложных объектов важную роль играет метод восхождения от абстрактного к конкретному.

На начальном этапе познание идет от реального, предметного, конкретного к выработке абстракций, отражающих отдельные стороны изучаемого объекта. «Рассекая объект, мышление как бы умерщвляет его, представляя объект расчлененным, разъятым скальпелем мысли»¹⁸.

Следующий этап: воспроизвести объект, его целостную картину в системе понятий, опираясь на выработанные на первом этапе абстрактные определения, перейти от абстрактного к конкретному, но уже воспроизведенному или к конкретному в мышлении. Именно такой путь от общих абстракций товара, денег и т.д. до целостной, богатой картины капитализма проделывает Маркс в «Капитале». Метод восхождения от абстрактного к конкретному включает в себя как историческую, так и логическую картину объекта.

При историческом методе теория воспроизводит реальный процесс возникновения и развития объекта вплоть до настоящего времени, при логическом она ограничивается воспроизведением сторон объекта, существованием в предмете в развитом его состоянии. Выбор метода, естественно, не произволен, а диктуется целями исследования. Истинность исторического знания подтверждается фактуально, а истинность логического – соблюдением принципов и закона выводимости, аргументированности и доказательства.

Исторический и логический методы тесно взаимосвязаны. В итоге

---

¹⁸ Кучевский В.Б. Философия: проблемы бытия и познания: Учебник. М.: Мед. Змей, 1998, с. 29.

развития сохраняется все положительное, накапливавшееся в процессе развития объекта. «Не случайно организм в своем индивидуальном развитии повторяет эволюцию живого от уровня клетки до современного состояния»¹⁹. Иными словами, историческая истинность детерминируется логической и наоборот, Взаимодетерминация – характерная особенность определения истинности исторических и логических знаний.

Поэтому можно сказать, что логический метод есть тот же исторический, но очищенный от исторической фактуры, эмпирии, деталей и персоналий. Так, учащийся начинает изучать математику с того, с чего начиналась ее история – с арифметики, а Маркс рисует логическим методом картину капитализма начиная с того, откуда капитализм берет свое начало логически – с товара.

Исторический метод, в конечном счете, дает ту же, что и логический метод, картину объекта, но логический метод при этом отягощен исторической формой. Определение истинности исторических и логических методов познания косвенно связан и с темой нашего исследования – диалектикой истинности научных и ненаучных форм познания. Чтобы теория была в целом истинной, необходимо, чтобы истинны были не только историко-логические элементы, но и обстоятельства и условия, которые не вошли в историю самого объекта исследования.

Но теория может быть построена и на основе иных подходов.

В построении таких теорий важная роль принадлежит аксиоматизации – способу построения научной теории, при котором в основу его кладутся некоторые исходные положения – аксиомы или постулаты; из них все остальные утверждения теории выводятся дедуктивно, чисто логическим путем, посредством доказательства.

Как уже отмечено выше, этот метод построения теории предполагает

---

¹⁹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21

широкое использование дедукции. Классическим образцом построения теории аксиоматическим методом может служить геометрия Евклида. Формализованной системе соответствует и формализованная система процедур определения истинности. В этом аспекте формализованные концепции можно рассматривать как частные случаи системного подхода. Критерии истинности системных знаний полностью работают и здесь.

Остановимся кратко на этапах познавательного цикла и формах научного познания.

Начальная ступень научного познавательного цикла – постановка проблемы, которую можно определить как знание о незнании, знание со знаком вопроса. В постановке проблемы необходимо, во-первых, осознание некоторой ситуации как задачи, во-вторых, четкое понимание смысла проблемы, ее формулирование с разграничением известного и неизвестного. Истинность проблемы также взаимосвязана с неизвестностью и может быть темой самостоятельного исследования.

Второе звено цикла – выработка гипотезы (или ряда гипотез) с целью решения проблемы. Гипотеза – научно обоснованное предположение, исходящее из фактов; умозаключение, имеющее своим назначением решить научную проблему и носящее вероятностный характер. Не вдаваясь в подробности, укажем на признаки плодотворности гипотезы. Прежде всего, качество гипотезы определяется мерой ее способности охватить как исследуемый круг явлений, так и другие, в том числе и вновь открываемые явления. Сила гипотезы измеряется, и она способна предсказывать новые факты. Наконец, гипотеза должна отвечать требованию принципиальной проверяемости, верифицируемости. Истинность гипотезы устанавливается через ее подтверждение, которое превращает ее в истинное знание.

Теория в отличие от гипотезы, представляет собой уже не вероятное, а достоверное знание.

Научная теория – это система знаний, описывающая и объясняющая определенную совокупность явлений, дающая обоснование всех выдвинутых положений. Классифицируем общие характеристики научной теории:

* Теория – это знание или совокупность знаний о единой системе (предмете, событии, процессе) или строго определенной, органически связанной группе явлений. Системность предмета познания определяет системность знаний о нем, что служит основанием построения знаний в форме теории: теоретически конкретного знания.

* Теория не просто описывает объект и отношения между его элементами. Она вскрывает закономерности их функционирования и развития, причинно-следственные связи.

* Теория (динамическая или вероятностная) всегда имеет прогностический потенциал, элемент, позволяющий делать предсказания будущих состояний предмета. Теория имеет свою генетически исходную «клеточку», которая фундирует все здание теории.

* Теория должна быть логически обоснована, доказательна и аргументирована. Логический закон достаточного основания лежит в фундаменте любой теории.

В логическом плане (гносеологическая когеренция) истинность теории определяется через её соответствие, «логическое вхождение» в состав прежних теорий предметной области.

Что же касается структуры научной теории, то она включает, во-первых, принципы диалектики; во-вторых, законы, выступающие в качестве костяка научной теории, ее базы; в-третьих, узловые понятия, категориальный аппарат, с помощью которого выражается и излагается основное её содержание, в-четвертых, идеи, в которых органически слиты отражение объективной реальности и постановка практических задач перед людьми. Каждый момент имеет свою специфику процедур определения истинности.

Любой шаг познавательного процесса пронизан задачей определения его истинности. В самом общем виде можно сказать, что познание от начала до конца «пропитано» задачей выяснения истинности или ложности. В основе познания находится феномен сознания. Познание – это реализующее себя сознание. Понятие истинности познания без выяснения истинности сознания невозможно. При этом необходимо сразу отметить, что сознание может быть рассмотрено с позиции как его онтологической, так и с позиции его гносеологической истинности.

Сознание является объектом внимания многих наук, как естественных, так и гуманитарных, каждая из которых исследует сознание с точки зрения предмета своей науки. Так, представителей медико-биологических наук в первую очередь интересует мозг как орган сознания: его строение, специфика функционирования. Однако особенности мыслительной (более шире – духовной) деятельности человека могут быть определены только на основе наиболее общих, универсальных представлений о сознании. Такое общее представление дает философия.

На протяжении тысячелетий своего существования философия постоянно ставила и решала на основе знаний своего времени проблему происхождения сознания, старалась ответить на вопросы о его содержании и сущности, особенностях, роли в жизни общества и каждого отдельного человека. Эти вопросы были неразрывно связаны и с проблемой существования мира, и с проблемами познания человеком самого себя. Поэтому вопросы сознания справедливо относят к основной проблеме философии.

Уже в античной философии выделились две линии исследования сознания. Одна из них восходит к Демокриту, другая связана с именем Платона. С точки зрения Демокрита, сознание является свойством определенной комбинации атомов. Когда этот комплекс разрушается, исчезает и сознание. Сознание, по Демокриту, состоит из особых шарообразных огненных атомов.

Онтологически истинно то сознание, которое соответствует космическим правилам комбинации атомов, из которых формируются души. Если в эту комбинацию входят другие атомы и компоненты, то такое сознание будет «больным», т.е. онтологически ложным. При этом и истинность, и ложность – относительны.

Платон считал, что «помимо мира вещей существует особый мир идей, которым движет бестелесный разум, а в душе каждого человека ум созерцает самого себя, активно воздействует на жизнь человека. Душа бессмертна и имеет способность по возвращении на землю в человеческом теле вспоминать то, что она видела «там»²⁰. По Платону, онтологически истинным является сознание, которое соответствует своей идее.

Таким образом, уже античность поставила вопрос о том, откуда взялось сознание: принадлежит ли оно конкретному человеку, являясь свойством материи, или же сознание человека является частью мирового разума.

У Демокрита истинно то сознание, которое есть свойство, возникающее по законам космоса, комбинации атомов. У Платона истинно сознание, которое является самодостаточной объективной идеей. Человеческое сознание Платон представляет как высшую часть души, возвышающуюся над животной частью души. Истинно то сознание, которое ближе к своей собственной объективной идее.

В качестве альтернативы античным представлениям об истинной природе можем рассмотреть средневековые христианские концепции.

Христианство считало, что сознание представляет собой образ и слово надмирового начала, которое существует до всего, и затем творит весь мир и самого человека. С точки зрения Августина Блаженного, все знания о мире заложены в душе. Однако главное в жизни человека – его единение с Богом,

---

²⁰ Кучевский В.Б. Философия: проблемы бытия и познания: Учебник. М.: Мед. Змей, 1998, с. 16.

чистая вера, которая, по его мнению, выше любого знания. Истинно то сознание, которое ориентировано на Бога.

На протяжении столетий в христианстве существовало представление о том, что бессмертная душа человека обременена не только оболочкой, которую называли «сосудом мерзости и греха», но и разумом – подарком дьявола, который в своей гордыне пытался противостоять бессмертной душе, несущей дыхание самого Бога. Именно поэтому на протяжении многих столетий все попытки научного познания мира оценивались церковниками резко отрицательно, а авторы таких «умствований» приговаривались к церковным покаяниям и другим, более устрашающим наказаниям. Истинность сознания определяется через соответствие божественным догматам. Античность и средневековье определяют сознания онтологически. Сознание рассматривается как мировая истинность, которая определяется через отношение образа объекта к своему метафизическому (сверхчувственному, константному) основанию.

Эпоха Возрождения возродила интерес к человеку и к его сознанию, а философия Нового времени в лице Р. Декарта, Ф. Бэкона, Д. Локка поставила ряд фундаментальных вопросов, связанных с общими проблемами сознания и познания.

Р. Декарт – яркий представитель рационализма, утверждавший, что философия должна начать свои рассуждения с истин, которые были бы вне сомнения и очевидны, подчеркивая, что главным в сознании является внутренний анализ собственного «Я», именно самосознание Человека. По мнению Декарта, «душа человека только мыслит, и это составляет основу всей жизни»²¹. «Мыслю, следовательно, существую», – так определяет Декарт главный принцип своей философии.

С философии Декарта начинается великая традиция рационализма, в

---

²¹ Кучевский В.Б. Философия: проблемы бытия и познания: Учебник. М.: Мед. Змей, 1998, с. 16.

рамках которой продолжаются исследования сознания, научного и философского познания до настоящего времени.

Рационализм, как и многие другие течения философии, имеет как идеалистическую, так и материалистическую трактовку. Наряду с рационализмом есть великая традиция – сенсуализм, который противостоит рационализму не абсолютно, а по принципу дополнительности. Сенсуализм подчеркивает первостепенное значение чувств в формировании знаний человека. При этом необходимо помнить о различиях субъективно-идеалистической и материалистической трактовки сенсуализма. Большое внимание материалистической разработке сенсуализма уделялось в Новое время. Блестящая плеяда замечательных философов внесла большой вклад также в разработку вопроса об истинности знаний и критериях определения истинности.

Большое внимание сенсуалистической гносеологии уделял в своих трудах Дж. Локк, один из наиболее ярких представителей сенсуализма и эмпирической традиции в познании. «В интеллекте нет ничего, чего не было бы в чувствах; знания, эмпирические данные имеют характер всеобщности, и они являются источником всех идей, а возможность общего знания достигается с помощью языка»²². Локк стоял на точке зрения, согласно которой познание связано с практической жизнью человека, а, следовательно, познавательные задачи, стоящие перед человеком, всегда соответствуют способностям личности. В рамках такого понимания сенсуализма при определении незнаний необходимо учитывать, утверждает Локк, как объективные, так и субъективные компоненты. Локк, как и многие другие представители философии Нового времени, отвергал онтологическую трактовку истины.

Новое время в борьбе со средневековой теоцентричной философией

---

²² Кучевский В.Б. Философия: проблемы бытия и познания: Учебник. М.: Мед. Змей, 1998, с. 18.

отказалось от онтологической трактовки истины и абсолютизировало её гносеологическую трактовку: истина есть знание, соответствующее действительности. Такое ограничение зоны действия категории «истина» превратило ее из общефилософской в гносеологическую. Такое понимание «истины» перекочевало из механистического материализма Нового времени в нашу отечественную философию советского периода. Социальные, гносеологические и психологические причины возникновения абсолютизации гносеологического понимания истины и неоправданность такой трактовки критикует в своих работах В.С. Хазиев²³.

Среди традиций исследования сознания можно отметить и ненаучную – иррационалистическую. Иррационалистический подход предполагает, что разум и чувства человека ограничены, в то время как интуиция, инстинкт и другие, логически не определенные, стороны сознания помогают человеку понять высшие истины бытия, поток природной и социальной жизни, хаотичный и случайный в своей основе.

Близка в трактовке истины к позиции иррационализма философия экзистенциализма. Экзистенциализм считает рациональное познание невозможным и вместо него предлагает познание мира с помощью непосредственного, интуитивного проникновения в реальность бытия человека. «Именно постижение бытия дает возможность человеку преодолеть недостатки старого философствования, его излишней рационалистичности и непонимания того, что каждый человек – конкретная, неповторимая личность, чье существование (экзистенция) невозможно понять ни средствами теоретического, ни практического осмысления жизни»²⁴. Такое отношение к своему существованию, по мнению философов-экзистенциалистов, позволяет

---

²³ Хазиев В.С. Роса истины. Уфа: БГПИ, 1998; Хазиев В.С. Искусственный интеллект и цель: Деп. в ИНИОН АН РАН №5220 от 17.04.80.

²⁴ Кучевский В.Б. Философия: проблемы бытия и познания: Учебник. М.: Мед. Змей, 1998, с. 26.

глубже понять каждому смысл свободы выбора им своего существования и проникнуться ответственностью за свой выбор перед самим собой и перед лицом всей истории. Требование дополнить и расширить сферу рационального познания элементами иррационалистического, на наш взгляд, имеет основания.

Заслуга классической немецкой философии в разработке рассматриваемых проблем в том, что она показывает сознание, имеющее сложную структуру, активным по своей природе, которое является одновременно достоянием всего рода человеческого. Хотя его носителем всегда был индивид, личность.

При рассмотрении вопроса о познавательных способностях человека невозможно не упомянуть заслуги родоначальника классической немецкой философии И. Канта. Он исследовал в основном особенности познания мира человека с позиций субъективного идеализма. Но ряд положений могут считаться достижением философской мысли вообще. Кант рассматривал познавательные способности человека как субъекта познания (его чистого разума, практического разума, способностей к суждению и умозаключению). Кант выделял три основные способности познания: чувственность, рассудок и разум. И считал, что они не могут дать истину человеку, потому что взаимодействие человека с миром вещей, окружающих его, позволяет понять только явление (феномен), а не вещи. Ноуменальная сторона объективного мира, по Канту, остается недоступной познанию. «Вещи в себе», как называл их Кант, существуют вне объекта, независимо от воли и сознания людей. В процессе познания человек выявляет их особенности с помощью созерцания, доопытных (априорных) схем чувствования и категорий рассудка. Однако ни каждое в отдельности из используемых человеком средств познания, ни все вместе взятые не в состоянии выйти за пределы опыта или мира. Получаемая познающим объектом картина соответствует законам человеческого опыта и его логики, в то время как сущность «вещей в себе» находится за пределами

собственно человеческого существования – она «по ту сторону» рассудка и разума, она трансцендентальна. Этот важный вывод философии Канта дает целостное представление о философских традициях агностицизма, того философского учения, согласно которому невозможно положительно решить вопрос об истинности познания мира человеком, равно как и вопрос о тождестве мышления и бытия. Другой крупнейший представитель классической немецкой философии – Гегель с позиций уже объективного идеализма обосновал историзм сознания, его зависимость от исторически изменяющихся форм общественной жизни, а также всесторонне рассмотрел диалектику индивидуального и общественного знания. У Гегеля, как ни у кого другого, ярко представлена онтологическая истина в ее объективно-идеалистической трактовке. Будет не большим прегрешением утверждение, что у Гегеля гносеологическая истина есть лишь выражение онтологической истинности абсолютного Духа. Несомненным достоинством этой позиции является взгляд о неразрывном единстве онтологической и логической истины.

На протяжении многих веков развивалась и материалистическая традиция анализа сознания и познания. Чаще всего она была связана с естественными науками и содержала в своем объяснении сознания и познания как все достижения, так и все заблуждения науки своего времени. Вместе с тем материалистические традиции философского анализа сознания позволили сделать целый ряд принципиально важных выводов, которые лежат в основе современных естественных, гуманитарных и социальных наук. Однако материалистическая логика в течение всей своей истории больше уделяла внимание гносеологической трактовке категорий «истина» и «ложь». Рассмотрим эту проблему подробнее.

Проблема истины привлекала внимание мыслителей с древних времён.

Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель и многие другие уже в античности заложили фундамент учения об истине (алетеологии).

Гносеологическая истина – понятие, которое имеет своим содержанием отражение объективного мира, и истинность которого определяется через соотношение с этой действительностью. С другой стороны, гносеологическая истина может быть определена логически, через как бы процессуальность мышления. Здесь истинность знаний определяется через соответствие одних знаний другим. В соответствии с этим в философской гносеологии оформляются две альтернативных парадигмы понимания и трактовки гносеологической истины. Одна из них – концепция корреспонденции, трактуемая как соответствие знания предмету объективного мира (Аристотель, Ф. Бэкон, Спиноза, Дидро, Гельвеций, Гольбах, Фейербах, Ленин), другая – концепция когеренции, понимаемая как соответствие знания знанию, человеческому или божественному: содержанию Абсолюта (Платон, Гегель и др.), врожденным мыслительным атрибутам (Августин, Декарт, кембриджские платоники), достоверной очевидности интуиции (Теофраст), субъективным чувственным ощущениям (Юм), априорным формам мышления (Кант), целевым установкам личности (прагматизм) и др.

Центральной темой при всей специфике подходов оставалась проблема критерия истины, трактовка которого соответствовала принятому определению истины (от эйдотического образца у Платона до Божественной Мудрости у Аквинского, с одной стороны, и от индивидуального сенсорного опыта у Беркли до общественно-исторической практики у Маркса, с другой); проблема соотношения истины с заблуждением, с абсолютной истиной и с истиной относительной (практически универсальной является модель движения к абсолютной истине посредством истин относительных: асимптотической либо финальной), проблема соотношения фактической и логической истины. Можно выделить также ряд частных проблем, как, например: проблема соотношения «необходимо истинного» и «случайно истинного» у Лейбница.

Отказ от онтологической истины был характерен не только для

материализма Нового и Новейшего времени. Победная поступь научного познания и индустриального общества повысила шансы и имидж рационализма. Деонтологизация истины присуща также и иррационалистической философии XIX-XX веков.

Истина лишается объективного статуса. Она трактуется как форма или психического состояния личности (Кьеркегор), или как ценность, «которая не существует, но значит» (Риккерт и в целом Баденская школа неокантианства), или феномен метаязыка формализованных систем (Тарский), или теоретический идеальный конструкт (Н. Гартман).

Философия жизни и герменевтика внесли в рассмотрение истины новый аспект. Они разделили объяснение и понимание истины на две самостоятельные области и темы. При такой стратегии научные методы постижения истины умещаются в рамки философских ее трактовок. Это наиболее ярко выразил в своих работах Гадамер. Он продемонстрировал методы, как истина реализуется в контексте языковой реальности. На наш взгляд, здесь произошла подмена опыления истины ее интерпретацией.

Позитивизм в трактовке истины также близок к вышеназванному подходу. Истина остается в сфере языка, определение истины сводится к проблеме верифицируемости.

Современный постмодернизм (Делез, Деррида) утопил истину в тексте, который и выступает в роли предельной предметности. Текст выступает как достаточная реальность, вне которой рассмотрение проблемы истины не имеет смысла.

Необходимо отметить, что и материализм, и идеализм; и рационализм, и иррационализм – как бы они не игнорировали на различных этапах своего развития онтологическую трактовку истины, она явно или неявно присутствует всегда.

Научное познание и трактовка истины не может также игнорировать

объективность истины в форме онтологической ее трактовки. Это хорошо видно при анализе понятий науки.

Среди многообразных форм мышления понятиям принадлежит роль кирпичей возводимого человечеством «здания науки». И хотя в зависимости от того как будут уложены кирпичи, здание может получиться красивым или безобразным, прочным или слабым, удобным или никуда не годным, тем не менее собственная структура, «содержание» кирпичей во многом предопределяют задаваемые качества любого строящегося объекта.

В понятиях обобщаются существенные признаки отражаемых в познании объектов. Понятия входят в качестве элементов в состав теорий и учений как систем. Они становятся узлами, звеньями процесса познания, его опорными пунктами, ступенями на пути к все новым и новым тайнам мира. В ходе разработки понятия вводятся и исключаются, расширяются и ограничиваются, обновляются и переносятся из одних областей знаний в другие, делятся, обобщаются и подвергаются прочим изменениям. При всем этом осуществляется постепенное уточнение содержания понятий. Нередко возникает ситуация, когда спорящие не отдают себе отчета в том, какими понятиями пользуются. Тогда возникает непонимание спорящими друг друга. Такая ситуация чаще всего возникает в области ненаучных форм познания. Чтобы подобного не случилось, нужно определять понятия в ходе дискуссий. Поскольку знания заключены в понятиях или других формах мышления, в структуру которых входят понятия, постольку популяризация знаний становится возможной там, где разъясняются понятия, раскрывается их содержание, т.е. где они определяются. Типичным примером в этом отношении могут служить учебные пособия, где каждое понятие требуется обязательно разъяснять, а также энциклопедические издания, которые по своему характеру представляют перечень понятий, требующих специального разъяснения, или, как мы говорим, определения. С учетом того, что определения призваны

раскрывать содержание понятий, а также, что сами понятия находят выражения (обозначение) в словах и иных знаках, эта логическая операция помогает людям в ходе их общения понимать различные знаки и знаковые системы. Использование понятий науки в процессе обучения прекрасно демонстрирует модели «сведения» научных понятий до уровня обыденного сознания. Обучение предполагает, что обучающийся еще не знает тех научных понятий, которые он должен усвоить (понять и запомнить) в процессе учебы. Следовательно, преподаватель должен научные понятия сделать доступными обыденному сознанию. Суть учебников и словарей в том и состоит, чтобы дать такую интерпретацию понятиям, чтобы они могли быть поняты теми, кто с ними сталкивается впервые. В данной ситуации особую роль играет процедура определения понятий.

Гегель вернул логику к проблеме определений в ее двух аспектах, поставив вопрос об определениях как о подведении вещей под понятия. Такая постановка вопроса примечательна, ибо определение понятий тождественно механизму онтологической истинности вещей только в идеалистической форме.

Тот факт, что существуют и возникают такие «предметы», как понятия, что они создаются и совершенствуются, обособляются от других понятий, подобно тому как материальные предметы выделяются из среды других предметов, делает сами понятия и другие абстракции объектами исследования. Правда, понятия остаются формами идеального, и как таковые они не могли бы быть данными нам в ощущении, но они «одеваются» в материальные слова и другие знаки и тогда уже становятся вровень с любыми познаваемыми объектами.

Как и к объектам, к понятиям относится тот род определения, который воспроизводит предметы в мышлении.

Диалектико-материалистическая теория отражения исходит из того, что множество вещей существует вне и независимо от нашего сознания, что вещи и

явления объективного мира отражаются в нашем мышлении в виде образов, снимков, копий. Понятиями называются мысленные слепки, снимки предметов, возникающие на основе либо ощущений, либо мысленных образов с отвлечением прежних свойств, черт, сторон предметов и с обобщением других. О причинах отсутствия в традициях отечественной философии советского периода понятия онтологической истины мы уже говорили. Понятия тоже имеют свою историческую судьбу. Им тоже, как и людям, кому-то везет, а кому-то и не очень. Понятию «онтологическая истина» в материализме в целом и в советском диалектическом материализме явно не повезло. Но время – судья объективный и справедливый. О реабилитации незаслуженно игнорируемого понятия раздаются сегодня достаточно громкие голоса в отечественной философской литературе. Сохранение формы в материалистическом прочтении содержания – вполне возможная процедура.

Всякое понятие обладает содержанием и объемом. Содержание понятия – это совокупность мыслимых свойств и отношений (как признаков) предметов, отражаемых в понятии; объем понятия – это множество (класс) предметов, каждому из которых принадлежат все признаки, составляющие содержание данного понятия.

Между содержанием и объемом понятий существует, как известно в формальной логике, зависимость, которая выражается законом обратных отношений.

Наиболее общие философские понятия (категории), а также общие понятия (категории) других наук обычно бедны по содержанию и богаты по объему. Возьмем категорию материи. Она сложилась на отвлечении от всех признаков вещей, объектов, кроме одного: «быть, существовать вне и независимо от нашего сознания». В объеме же понятия материи объединяется предельно широкий класс предметов. Это определяет и проблемы определения онтологической и гносеологической истинности материи. Материя со стороны

объективности истинна как соответствие самой себе. А с гносеологической стороны истинность материи как понятия определяется через свою противоположность, через духовное.

Если в объем понятия входит только единственный предмет, то оно называется единичным. Если же понятие отражает класс предметов, состоящий из многих элементов, отвлекаясь от их частных признаков и сохраняя общие, то оно является общим. Материя противоречива: она и единична, и множественна. Она общая по отношению ко всему универсуму и частная по отношению к самому себе. Так же противоречиво понятие материи в отношении других классификационных признаков понятий, например, в аспекте конкретности и абстрактности. Определение истинности понятий конечных предметов, разумеется, имеет свое отличие от определения истинности материи. Но проблема несколько другая. Истинность знания определяется через его соответствие предметам, отражением которых оно является.

Но как установить соответствие знаний, выражаемых в символической знаковой форме, физическим процессам, историческим событиям, процессам, происходящим в сознании других людей, в мире их внутренних переживаний? Это было бы возможно, если бы в наших знаниях мы могли выделить содержание, имеющее объективный характер, т.е. не зависящее от воли, сознания, желаний человека. Этот вопрос является основным в проблеме истинности знания. Рассмотрим один конкретный пример из истории философии, как может быть решена эта проблема.

Платон считал, что истинным может быть лишь знание о вечных и неизменных идеях, скрытых в «метафизике» конечных предметов. Здесь гносеологическая истина производна от онтологической истинности вещей. Но при таком подходе мы отказываем в истинности всем знаниям о материальных изменчивых процессах, о явлениях «фюзиса», знаниям о природе и обществе, ибо эти знания, которые Платон пренебрежительно называл мнениями, не могут

быть получены, а тем более проверены путем чистого умозрения и одних лишь логических рассуждений. Чувственные знания дают лишь знание о «тенях», дают лишь мнения. Чувственное восприятие не может дать нам абстрактных знаний, например, математических истин, а тем более не может служить средством их проверки, критерием их соответствия действительности. Каким образом на основе зрительного восприятия установить истинность многомерной геометрии, если реальные физические объекты, доступные зрению и осязанию, трехмерны? К тому же чувственные образы сугубо субъективны. Они зависят от воспринимающего индивида, состояния его нервной системы, условий наблюдения, степени подготовки, социально-культурных факторов и так далее. Но Платон тем самым по-своему решил вопрос об объективном содержании истинных знаний. Это содержание определяется через соответствие идеям, скрыто и объективно содержащимся в вещах.

В рамках прагматизма была предпринята попытка оценить объективность содержания истинных знаний, связать их с практической полезностью вещи. Действительно, истинные знания не могут быть абсолютно бесполезными. Хотя полезность и истинность знаний совпадают далеко не всегда. Когда мы говорим, что с восходом солнца необходимо начать работу, мы передаем полезную информацию о том, как оптимально успеть завершить работу за светлое время суток, с этой точки зрения наши знания «о восходе солнца» не вызывают сомнений, такое утверждение, что вращается Солнце, а не Земля, с точки зрения современной астрономии ложно. Тем не менее, в прагматическом смысле для решения данной задачи это несущественно. Бывает и так, что истинное знание в конкретной ситуации оказывается совершенно бесполезным. Истинные знания при отсутствии средств реализации цели будут бесполезными. Что толку знать, что можно на гору подняться с помощью веревки, если этой веревки нет.

Истинный диагноз не вылечит больного, если нет необходимых лечебных средств. Какая-либо истинная теорема, доказанная в высших разделах

абстрактной математики, может не найти себе применения в научной или производственной практике, и с этой точки зрения будет также оцениваться как бесполезная. В некоторых ситуациях оценка знаний как полезных и бесполезных может оказаться решающей. Это касается, прежде всего, некоторых технических и инженерно-производственных проблем. В одних случаях мы можем предпочесть знание, ведущее к более дешевой конструкции (если мы ограничены в средствах), в других – знания, обеспечивающие более быстрое решение, если главное – выигрыш во времени.

Как видим, связь между истинностью и полезностью знаний непростая и неоднозначная. В этом пункте теория познания должна учитывать реальный социальный и культурный контекст, в котором вырабатываются и используются знания. Конкретность истины – один из основных компонентов алетеологии.

В социальной практике часто бывает сознательное искажение истины для пользы отдельного человека или группы людей. В первую очередь это касается знаний, относящихся к социально-исторической действительности и непосредственно затрагивающих вопросы мировоззрения, идеологии, политики и так далее. Особенно преуспевает в этой области политика. Известно, например, что католическая церковь начала преследовать учение Коперника не сразу, а по прошествии почти 70 лет после его опубликования. Это случилось, когда выяснилось, что геометро-кинематическая модель движения планет, казавшаяся вначале своего рода изящной математической игрушкой, имеет огромное мировоззренческое значение и подрывает религиозное мировоззрение и веру в непогрешимость церкви. Известно также, что во времена культа И.В. Сталина многие исторические проблемы истины намеренно искажались как по его прямому указанию, так и по указанию тех людей из его окружения, которым это было выгодно.

Каждая форма общественного сознания имеет свои средства, свой язык: у науки – понятия, измерения, рефлексия; у искусства – образы, живописность и

пластичность, вдохновение; у религии – вера, медитация, духовное постижение.

Время их синкретичного единства осталось в прошлом. Разделение труда и дифференциация привели к тому, что возникла необходимость решать вопросы согласования истин религии и науки, искусства и науки, философии и науки, науки и обыденного сознания.

Между знанием и незнанием, как между двумя полюсами, размещается мощное силовое поле человеческого разума. Можно попытаться представить, какова в действительности глубина утверждения Сократа: «Я знаю лишь то, что ничего не знаю». Древние греки оставили нам представление об островке знаний в океане незнания. Растет, увеличивается окружность береговой его линии, за пределами которой раскинулся океан; значит, чем больше знаний, тем больше незнания.

Обычно под истиной понимают верное, адекватное отражение в сознании человека предметов и явлений действительности. Противоположностью истине является ложь. От истины (лжи) следует отличать истинность (ложность) как свойство форм мышления быть истинными (ложными). Истина (ложь) есть то, что выражено в содержании форм мышления, истинность (ложность) – это выражение формами мышления истины и лжи. Формы мышления, содержащие истину, являются истинными, содержащие ложь – ложными.

В каких же формах мышления выражаются истина и ложь? В истории философии этот вопрос до сих пор остается нерешенным.

Некоторые считают, что признак истинности или ложности принадлежит только суждениям, так как в них что-то либо утверждается, либо отрицается относительно предмета. Нам представляется, что нельзя ограничивать сферу признака истинности или ложности только суждениями, не относя его к прочим формам мышления, по крайней мере, к понятиям. Уже чувственные формы отражения, поскольку они являются образами явлений мира, могут быть истинными, т.е. адекватно отражающими явления мира, и ложными. Тем более

понятия, которые являются снимками, копиями вещей и явлений мира, могут быть либо истинными, т.е. адекватными этим явлениям, либо ложными, отражающими их извращенно.

Таким образом, мы исходим из того, что понятиям, понятым не формально-логически, а диалектически, присуще быть истинными и ложными.

Близкими к категории «истина» являются понятия «правда» и «правдоподобно».

Правдоподобие – не особая истинностная характеристика научных теорий, имеющая самостоятельный смысл наряду со значениями «истина» и «ложь». То, что считается правдоподобным, фактически ложно, ибо истиной, по Попперу, может считаться только абсолютная истина. Именно для оценки степени приближения ложных теорий к истине Поппер и вводит понятие правдоподобия, которое предназначено для замены якобы неадекватного науке понятия истины.

Относительная истина – это знание, которое приближенно и неполно воспроизводит объективный мир. Приближенность и неполнота – специфические свойства относительной истины.

Относительная и абсолютная истина – диалектически противоположные стороны единого знания. Другими словами, в каждом истинном знании есть моменты относительности и моменты абсолютности.

При этом важно отметить, что понятие абсолютной истины как диалектическая категория не имеет ничего общего с понятием абсолютной истины в его метафизической интерпретации или в религиозном варианте.

Абсолютная истина, трактуемая как исчерпывающее знание обо всем и вся – абстракция практически недостижимая. Может быть, и представление об абсолютной истине как предельно точном и полном знании. Однако такого рода истина – это идеал, предел человеческого знания, который недостижим ни на каком конкретном этапе познавательной деятельности человека, и она может

играть роль лишь идеала.

К абсолютным истинам иногда причисляют так называемые вечные истины, то есть истины, которые, будучи однажды установленными, не изменяются в ходе дальнейшего развития знания. Если абсолютная истина рассматривается как абсолютно исчерпывающее знание, то она лежит вне пределов реального научного познания. Если она рассматривается как совокупность вечных истин, то понятие абсолютной истины неприменимо к наиболее фундаментальным видам научного познания.

На наш взгляд, абсолютная истина как идеал обречена на вечную реализацию, оставаясь также вечно нереализованной. Абсолютная истина проявляется в росте знания.

Одна из наиболее важных тем алетологии – вопрос о критериях истины.

Отсутствие четкой методологической позиции по определению критерия истины может породить скептические взгляды на природу истины. В качестве примера приведем позицию Секста Эмпирика. Он считал, что постановка вопроса о критериях истины приводит к парадоксу бесконечного регресса. Каждый новый критерий истины требует критерия своей истинности. И так до бесконечности. Недостижимость конечного критерия истины послужила причиной для скептического отношения Секста Эмпирика к самой идее истины.

Истинность теории доказывается не только логическими средствами, но и прежде всего практическими экспериментами. Каждый шаг доказательства вызовет нас за пределы самой теории и ее конструкций.

Философы, принимающие логическую теорию подтверждения, сталкивались с фундаментальной проблемой возможности согласования истинности универсальных теорий с ограниченным числом подтверждающих ее фактов. При решении этой проблемы для них вырисовывался путь отказа от классического понятия истины, или введение, наряду с эмпирическими, внеэмпирических критериев истины.

О возможности введения количественной степени подтверждаемости высказывался лидер неопозитивизма Р. Карнап. В теории вероятностей, которую он разработал, степень подтверждаемости универсальных предложений равна нулю. Некоторые представители неопозитивистской философии указывали на необходимость использования неэмпирических соображений при решении вопроса об истинности научных теорий. По мнению Г. Рейхенбаха, для того, чтобы решить вопрос об истинности той или иной гипотезы (или теории), необходимо учитывать не только эмпирические факты, но и ее простоту.

М. Бунге утверждал, что эмпирические факты являются необходимым условием для признания теории истиной. Он подразделяет неэмпирическую проверку теории на три основных вида: метатеоретическую, интертеоретическую и философскую. Философская проверка сводится к исследованию метафизических и эпистемологических характеристик понятий и выводов теории в свете той или иной философии. Этот критерий зависит от того, какая философия принимается ученым.

С трудностями столкнулась и историческая теория, пытаясь решить проблему критерия истины. Лакатос считал критерием истинности научных теорий не только новый факт (предсказанный теорией и обнаруженный после ее создания), но и старый факт, если он трактуется в свете новой теории.

Система знаний, в рамках которой осознается возможность решения проблемы критерия истины, является причиной, которая делает невозможным ее преодоление. А материалистическая философия утверждает обратное, говоря, что если эту проблему нельзя решить в рамках знания, необходим выход за его пределы.

Впервые эта гениальная мысль была сформулирована К. Марксом в его «Тезисах о Фейербахе». Это совершенно новый взгляд на проблему критерия истины. Блестящим научным достижением марксистской философии является

вывод К. Маркса, который утверждает, что в рамках самого мышления не может быть решен вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью или нет.

Для того, чтобы решить эту проблему, марксистская философия предлагает выйти за пределы знания и сопоставить его с оригиналом. Три основных вида практики: материальное производство, социально-преобразующая деятельность и научный эксперимент – являются сферой, где происходит сопоставление.

Истинность теории значительно возрастает в процессе технических воплощений. Поэтому технические приложения науки являются важнейшим элементом научно-экспериментальной практики.

Практика и знания, проверяемые ею, относительно на данном конкретном этапе развития человеческого общества, но для того, чтобы обосновать истинность научного знания, нужно обязательно учитывать всю практику в ее историческом развитии, а не довольствоваться лишь изолированными фрагментами.

Только практические приложения науки могут во всей полноте и правильности определить соответствие знания действительности, даже если знания являются самыми прекрасными теоретическими творениями человеческого гения.

Лишь практика – материальная, производственная деятельность людей – и ее результаты дают возможность непосредственно сопоставить человеческие знания о действительности с самой действительностью.

Истина не привносится в науку извне какой-либо философской её интерпретацией, а внутренне присуща ей.

Вопрос об истинности конкретных утверждений может быть решен средствами той науки, к которой они относятся. Функция философской концепции критерия истины совершенно иная. Она служит осмыслению общей

ситуации, связанной с определением путей, ведущих к решению проблемы критерия истины. Философский критерий истины включает формы не только материальной практики, но и формы индивидуально-субъективной практики, особенно ярко выступающие во вненаучном познании.

ГЛАВА 2. НЕНАУЧНЫЕ ИСТИНЫ И ИХ «DIFFERENTIA SPECIFICA»

2.1. Истинность донаучных и вненаучных знаний

Предварительно сделаем одно замечание, которое бы уточнило некоторые моменты, связанные с понятийным аппаратом. «Ненаучное» – понятие, которое включает в себя все, что не входит в объем и содержание науки. «Донаучное» может быть одновременно и «вненаучным», и «ненаучным». Но не все, что входит в «ненаучное» и «вненаучное», есть «донаучное». Например, паранаучное знание есть вненаучное и ненаучное, но не донаучное. Если распределить по порядку в форме логических кругов, то самое широкое понятие – «ненаучное», потом «вненаучное» (то, что вне науки, но не является ложным – например, обыденное знание), «донаучное» может быть и ненаучным, т.е. ложным с точки зрения критериев научной истинности, и вненаучным, т.е. ненаучное, но истинное и по времени существовавшее до возникновения науки, например, эмпирический традиционный опыт многих поколений).

Ненаучное (донаучное и вненаучное) знание в современной философии является активно обсуждаемой темой. Речь идёт о природе этого явления, его роли в обществе, взаимоотношении с другими видами знания.

Сама наука появляется как довольно позднее образование, она возникает на основе переработки того опыта, который был накоплен в донаучных видах знания. Философы говорят, что наш язык априорно ценностно нагружен, то есть, называя какое-то знание «донаучным», «вненаучным», мы ведём отсчет от науки. Донаучные и вненаучные формы знания играют определенную роль в культуре и не могут быть просто вытеснены наукой. Большинство сведений о мире, которыми располагают люди в повседневной жизни, все-таки черпаются не из науки, а из других видов знания. Человеческое общество может жить и без науки, долгое время оно так и существовало, да и сейчас многие сферы общественной и личной жизни людей осуществляются без научных знаний. В связи с выше сказанным приобретает особую актуальность тема истинности

ненаучных знаний. Донаучность и венаучность вовсе не означает неистинность. Масса донаучных и венаучных знаний являются истинными. Среди них могут быть ложные, т.е. ненаучные. Но ведь не все знания, которым оперирует наука, истинны без исключения. Вспомним, например, теории «эфира». Меняется наука, её инструментарий, меняются и знания, если говорить о донаучном и венаучном знаниях, то и здесь видна эволюция. Многие «элитные» теоретические знания становятся банальностями обыденного сознания, не теряя при этом ни научной, ни обыденной истинности. Обыденное сознание не только «питает» научное познание, не только служит основанием, но и само «питается», совершенствуется, эволюционирует, вбирая в себя достижения научного познания. Поэтому есть основания говорить о диалектической связи истин науки и истин донаучных и венаучных форм познания.

Научное знание имеет два основных типа. Во-первых, это знание, которое присутствует сиюминутно и всегда в жизни человека. Практика повседневной жизни порождает такого рода знания, которые тут же становятся поддержкой этой деятельности. Это своего рода «живые» знания, возникающие и существующие одновременно в процессе повседневной жизнедеятельности людей. Это знание, входящее в структуру практически-духовного освоения мира. Гносеологическая функция, возможно, не доминирующая в познании, но, тем не менее, здесь возникают достаточно обширные области знания, без которых люди просто не могли бы жить. «Мудрость языка» относится к этому повседневному знанию, встроенному в естественный язык. Есть еще «практическое знание», которое, в отличие от повседневного, рождается в сфере технологических операций.

Чем отличаются эти виды знания от научного знания?

Эти знания отличаются способом трансляции, т.е. передачи от субъекта к субъекту и в синхронном, и в диахронном аспектах. Они транслируются не

путем специализированного обучения, а в ходе самой жизни человека в обществе. Человек приобретает их в живом жизненном опыте как нечто естественное, как дополнение его телесных жизненных органов. Эти знания так «встроены» в жизнь человека, что, пользуясь ими, он не замечает их, как мы обычно пользуемся своими естественными органами. В гносеологии на эти формы знаний обращено слишком мало внимания. Эти знания остаются на периферии познавательных интересов. Философия также не жалуется особым интересом эти специальные знания в аспекте сравнительного их анализа. Эти естественные, но остающиеся в фоновом режиме формы сознания являются той основой, на которой рождаются специализированные виды знания. Истинность знаний, усвоенных с родным языком, определяется не индивидом, а народом, породившим язык. Истины родного языка существуют для индивидуального сознания как объективная среда, которую она осваивает стихийно, бессознательно или сознательно. Проверенные жизненным опытом родного народа истины усваиваются нами с молоком матери. Зачастую эти истины нами и не осознаются, мы пользуемся ими, как тот литературный герой, который не знал, что всю свою жизнь говорил прозой.

Другая большая сфера ненаучного знания – специализированные виды ненаучного знания. Эта сфера очень многообразна, но в ней можно выделить знание, возникающее в конкретных социально-значимых сферах человеческой деятельности, от которых зависит существование определенных человеческих сообществ. Это традиционный вид системы специализированного знания, называемой иногда «этнонауками». Хотя «этнонаука» стала употребляемым в широком научном обиходе понятием, специальных работ, осуществляющих сравнительный анализ их структуры, к сожалению, в новой литературе очень мало. Большинство ученых ограничиваются утверждением, что «этнонауки» основываются на опыте.

На каком типе опыта основываются народные науки?

У М.М. Бахтина мы находим классификацию двух типов опыта: он говорит об опыте малом, специализируемом, контролируемом, осуществляемом «здесь и теперь», и об опыте большом, опирающемся на опыт поколений, впитывающем опыт весьма различных практик и форм жизни. Очевидно то, что мы явно недооцениваем роль этого большого, широкого опыта. Он остается в фоновом режиме, вне рефлексивного контроля нашего актуального сознания. Этот опыт накапливается и перерабатывается где-то на разных уровнях подсознательных структур духовной жизни и познавательного процесса. Кроме прочих отличительных моментов, этот опыт отличается и механизмами трансляции.

Мы сегодня отдаем предпочтение по сравнению с этими знаниями опыту вторичному, рационализированному, хотя и точному, но в известной степени ограниченному.

Обыденное сознание, если абстрагироваться от научного высокомерия, является багажом широкого, не укладывающегося в обычные эмпирические модели опыта. Эффективность обыденного сознания проявляется в экстраординарных состояниях, когда верхние, рационализированные слои сознания не могут помочь решению требующих неотлагательного ответа житейских проблем. Рассмотрим поговорку, что упавшая звезда означает окончание жизненного пути какого-то человека. Наука почти не изучает характер антропокосмических связей или только-только начинает заниматься этой проблематикой (космизм Чижевского, Вернадского до сих пор не оценен по достоинству). Человек в научном мировоззрении представляется как субъект, противостоящий природе как объекту, да и весь социум изолирован от процессов мироздания, общество представляется как бы отгороженным от влияния космических сил и замкнутым в социальном мире.

Ненаучные способы познания более активно отражают эти связи человека с мирозданием. Можно говорить, что изучаемые альтернативными науками

антропокосмические связи являются не главными, фоновыми. Трудно не согласиться со взглядами, что, может быть, именно эти тонкие связи человека с космосом и находят отражение в архетипичном знании, которые не фиксируются в естественном языке и в понятийном аппарате науки. Наука адекватного для выражения таких знаний языка не имеет.

К сфере вненаучного опыта относятся также традиционные знания и «народная технология». В ненаучных знаниях спрессован, сконденсирован многовековой опыт, необходимый для успешного выживания в тяжелых жизненных условиях (северные районы, зона «рискованного земледелия»). Современная наука в принципе не способна адекватно воспроизвести те виды опыта, на которые опирались народные науки, «народная технология». Этот многовековой опыт не имеет, в отличие от науки, универсального характера: народные науки всегда этноцентричны, они «вписаны» в определенные формы жизни. Эту альтернативность опыта народных наук по отношению к научному опыту можно рассматривать и как недостаток, и как ценность. Народные науки, «народная технология» могут быть достаточно эффективными. Истины этнознаний крепят конкретный опыт народов, которым индивидуальные представители этого народа могут пользоваться тем эффективнее, чем более близки они к своей родной культуре – материальной и духовной.

Сейчас экспансия сциентистского, технократического сознания, готового вытеснить и разрушить другие виды опыта и знания, конечно, уже не может вызывать особых симпатий. Пик восторга научным познанием уже позади.

Методология изучения ненаучных форм знания во многом зависит от некультурной и этической установки исследователя. Наука играла решающую культуросозидающую роль в европейской культуре XVIII-XIX веков, сегодня жизнь требует дополнения научного познания всеми другими видами и формами, которыми в пылу увлечения наукой несколько высокомерно пренебрегали.

В современном мире необходимы более продуманные взаимоотношения между наукой и ненаучным познанием. «Коэволюция» форм познания является необходимостью, продиктованной планетарной практикой человечества.

В свете всё более угрожающих экологических проблем (применение различных ядохимикатов, например, при защите растений) мы можем иначе посмотреть на «народные технологии», которые были ограниченно вписаны в природные циклы и не разрушали среду. На основе подобных соображений и должна быть принята экологическая установка в отношении различных ненаучных видов знания.

Подобные виды знания наука объявила реликтовыми в современной культуре. Научно-технический прогресс и все далее заходящее в «онаучивание» общество отводят этим видам знания значительно более узкие ниши, чем допустимо реалиями современной жизни. Такая тенденция делает культуру современного человечества внешней, «технологической», процедурной. Уменьшение роли и значения глубинных духовных компонентов оборачивается ростом негативных последствий однобокого увлечения достижениями научного знания. В конце XX века все чаще раздаются голоса, требующие обязательного дополнения научного подхода к жизни общества и человека донаучными, вненаучными и ненаучными формами знаний.

Однобокая погоня за научными знаниями показала иллюзорность их всесилы. Донаучные и вненаучные истины могут оказаться в некоторых сферах практической жизни более важными, чем точные научные знания.

Рассмотрим теперь некоторые соображения философов о соотношении научного, научного и философского познания.

Мир, который сегодня существует еще лишь в воображении фантастов, может наступить скоро. Представим себе такой мир, где компьютеры заменили человека. Машины здесь мыслят почти как люди, подвержены болезням, страдают галлюцинациями, им, как маленьким детям, снятся страшные сны.

Власть перешла от людей к машинам. И компьютер, узнавший, что ему угрожает опасность, начинает делать ошибки в переработке информации и как бы получает психическую травму. Возникает глобальный международный конфликт, чреватый разрушительной войной, и самое страшное, что со сбоем «сумасшедшего компьютера» не могут справиться люди, уподобившиеся в своем мышлении и реакциях машине, зараженные машинизированным мировоззрением. Фантаст Дж. Браннер, у которого позаимствована вышеприведенная картина, не только напоминает нам об издержках научно-технического прогресса и важности гуманитарной культуры; здесь пища и для размышления о природе самого разума. Люди стали подобием машин, приложением к сфере функционирования машин, средством их обслуживания, а машины стали похожи на людей: сомневаются, пугаются, болеют и т.д.

Взаимосвязь развития техники и человека на каком-то этапе оказалась разорванной. Техника и культурное развитие души человека стали обособленными сферами общественной жизни.

Техника начинает подменять человека, от которого в лучшем случае предполагается оставить лишь мыслящий мозг, как ставший ненужным и хилым лом.

Фантастический образ человека разумного как гипертрофированного человека на тоненьких ножках с тоненькими ручками переключивается из произведения в произведение.

История человечества может быть представлена как история попыток создания искусственного человека²⁵. «Искусственный интеллект» поставил перед своими создателями столько проблем, что довольно часто раздаются голоса о бесперспективности этих занятий. «Искусственный гоминид» не может быть набором всех позитивных качеств человека, даже и не потому, что эти

---

²⁵ Фомина З.В. Внеаучное знание в структуре современного познания. СПб.: Наука и философия, 1998, с. 190-196.

качества в разные эпохи и в разной социальной среде оцениваются по разному. Искусственный интеллект или искусственный человек – все равно должны быть воспроизведены не как простая или улучшенная модель позитивного, а во всей полноте естественного бытия. Как положительные, так и отрицательные свойства должны быть смоделированы, иначе желаемый результат не получится. Вместо полноценного друга человек создаст очередного монстра, который грозит выйти из-под его контроля. Альтернатива предельно проста: или создаем полноценного социального субъекта, с которым можно будет сотрудничать на принципах разумного равенства, или же бездушную машину, которая должна подчиняться жесткому диктату человеческого разума.

Прогресс общественной жизни ставит перед сознанием человека возрастающей сложности задачи. Рост информации требует и совершенствования способностей сознания ее перерабатывать, и получать оптимальные выводы для тактических рекомендаций. Для этого оно, сознание человека, должно быть творческим, раскованным, самокритичным, способным посмотреть на себя с разных сторон. Если оно останется лишь в рамках научного познания, односторонность неизбежна, неотвратимы и ошибочные самооценки. Союз научных и ненаучных видов познания продиктован еще и этим мотивом.

Как ни покажется парадоксальным, но верна мысль, что более совершенный разум способен порождать более глубокие и серьезные заблуждения с катастрофическими практическими последствиями.

Развитие демократических ценностей предполагает и легализацию права на заблуждения и ошибки. Познание не является, как говорил Чернышевский, гладкой и прямой дорогой, как Невский проспект. На пути познания могут быть и тупики, и круги заблуждений и ошибок. Человек специально к ошибке не должен стремиться, но он должен быть освобожден от страха наказания за ошибку в результате творческого поиска. Диалектика познания предполагает

наличие противоположностей. Ложь – противоположность истины. Без отрицательных вех невозможно определить правильное направление пути к истине.

Прорыв в незнание невозможен без драмы заблуждений, без «минных полей» ошибок. Позитивен негативный опыт и в роли одного из критериев истинности вектора поиска истин.

Рост интеллектуальной и практической мощи человечества виден на примере его отношений с природой. Наука и техника обеспечили человечеству невиданную доселе комфортность и уют в бытовом и производственном отношении. Человек выявляет все новые и новые качества предметов труда, которые могут ему пригодиться в его производственной деятельности. Жизнь общества и отдельных людей требует возрастающей энергообеспеченности и энерговооруженности. Человечество осваивает новые просторы природы как количественно, так и качественно. Но диалектика жизни и познания проявляется и здесь. Та часть природы, которая человеку представляется ненужной в данный момент, обрекается на безразличие, на негативное отношение и уничтожение. Безвозвратно – по крайней мере, до тех пор, пока не станут явью обещанные фантастические успехи геной инженерии – исчезли сотни видов животных и растений, ранее населявших Землю. Научный подход явно требует своего дополнения народной мудростью: чтобы быть счастливым, надо жить в согласии не только с самим собой и с людьми, но и с природой. Необходимо в промышленности и в сельском хозяйстве искать технологии безвредные и для людей, и для животных, и для растений, и для предметов неорганической природы. Но научный догматизм продолжает довлеть над сознанием. Иллюзия, что все научное правильно, а ненаучное – ложно, продолжает руководить деятельностью людей и в общественной, и в личной жизни. Прагматизм во всем: что полезно, то нужно делать; что научно, то полезно – вот мифы и догмы наиболее распространенные сегодня, хотя

обыденное сознание уже подсказывает, что это не так. Такое отношение сегодня не только к природе, но у человека и к самому себе.

Человек приобрел необоснованную уверенность в том, что он уже научно достаточно полно познал самого себя и выработал критерии рациональной деятельности в поисках путей самосовершенствования. Пренебрежительное отношение к ненаучным формам познания и их истинам даёт свои негативные плоды. Ответственность, возложенная на такого еще неопытного проводника, как научный разум, оказалась непосильным испытанием для его нравственности и гуманности.

Научное познание, возвышенное до трона властелина человеческого духа и деятельности, принесло уже непоправимый вред земной природе. Оно пытается проникнуть с помощью присущих ему норм и стандартов в самые интимные уголки человеческой души. «Экология человека» и «экология души» стали сегодня писать уже без кавычек. Вторжение науки в эти сферы бытия человека и общества, стало ясно, принесет не только пользу, но и вред. Такова диалектика познания и бытия. И вред духовный может оказаться еще более драматичным, а то и трагическим, чем вред, причиненный природе. Жестко рационально-научное познание не всегда приносило пользу даже познанию.

Следуя слепой логике своего развития, процесс познания оказался у входа в тупик абсолютизации познания только лишь научной формой. Значительный ущерб был нанесен и философской гносеологии: оказался выброшенным из познания огромный массив продуктивных способов познания, не соответствующих стандартам научности. Это обернулось потерей огромного массива этических – эстетических и других ценностей и истин человеческой духовной жизни.

Свою односторонность наука осознавала в ходе всей своей истории. В рамках научных исканий можно найти не только опору на эмпирический материал, но и на метафизические спекуляции, социальный опыт традиций и

обычаев, на феноменалистские связи и скачки мыслей, даже на мистику.

Философы в погоне за «научными доказательствами» некоторых абстрактных и догматических схем часто игнорировали действительную роль науки в жизни общества.

Воодушевленные действительными и мнимыми успехами науки и техники, философы представляли всякое истинное знание как научное. Что это не так, вполне очевидно. Не все истинные знания есть научные знания, и не все ненаучные есть ложные знания. Много, что было в донаучном познании, было истинным, иначе человечество просто-напросто не выжило бы. Также и современное вненаучное знание не есть обязательно ложное знание.

При абсолютизации научного познания две потери несомненны: во-первых, духовная жизнь будет сведена только до знаний, во-вторых, истинные знания будут ограничиваться лишь научными знаниями.

Само собой, отрицать возможность заблуждения в науке было невозможно, но истинное и эффективное научное знание было представлено в качестве столбовой дороги, а ошибки, заблуждения – как тупиковые переулочки, поворот на которые должен быть закрыт запретительным знаком. Постепенно сложился обычай представлять в виде таких случайных ответвлений все иные формы и виды знания, которые не укладывались в жесткие каноны науки. Человеческое познание предстало как торжественное шествие к абсолютной истине, шествие, в ходе которого осуществляется прирост все новых и новых относительных истин, дополняющих друг друга. Сферой же постоянного генерирования заблуждений, нелепиц и абсурдных фантазий, не имеющих логической структуры и опытного подтверждения, признавались обыденное сознание, миф, религия, алхимия, астрология и даже искусство.

В этом ряду не все равнозначно. Но есть один момент, который важен именно в плане нашего исследования. Ни в одном из них нет одних только

ложных знаний, как нет в науке одних только истинных. Истины обыденного сознания отличаются и от истин науки, и от истин искусства, религии или мифа. Специфика обыденного сознания в том, что оно формирует свои истины на материале истин всех форм общественного сознания. Обыденное сознание интегрирует их, адаптируя к повседневности.

Еще один предрассудок ориентированного на абсолютизацию научного познания состоит в том, что обыденное, художественное и моральное сознание допускаются, могут самостоятельно функционировать, осваивая достижения науки, но все же необходимо для них «мудрое» руководство научной эпистемологии. Без научного подхода якобы они рано или поздно обречены на заблуждение.

Остановимся на одном из распространенных мифов, который до сих пор активно распространяется. Это – тезис о случайности заблуждения. Представители науки убеждены: если отбор материала и методы исследования верны, познание осуществлено безупречно с точки зрения формальной логики и правил эксперимента, то результат будет абсолютно точным, т.е. гарантированно истинным. Заблуждение в этом случае будет лишь при наличии случайных моментов. Забывается то, что заблуждение не отрицает истины. Оно может возникнуть в ходе познания в результате столкновения различных мировоззренческих и методологических подходов, различных методов, направлений и ходов познавательного процесса. Оно может оказаться результирующим различные научные традиции и теории. Заблуждение может появиться как различие в интерпретации фактов, понятий и полученных в познавательном процессе знаний. Возможность заблуждения должна признаваться как один из необходимых компонентов истинного знания. Без заблуждения любое истинное знание теряет множество дополнительных смыслов. Без допущения возможности заблуждения разум становится функциональным, счетной машиной, которая все делает по отлаженной схеме,

не допуская отклонений. Такой разум не способен на творчество, он нормативный и косный, он лишен глубинных оснований духовности, лишен той тайны бытия и познания, без которой любое познание будет относительным.

В рамках данного суждения утраченной частью гносеологии оказались знания «ненаучного» характера. Донаучное и вненаучное познание не укладываются в некоторые исторически конкретные каноны научного разума. Если вспомнить, что критерии истинности научных знаний сами носят исторический характер, несостоятельность игнорирования ненаучных знаний станет очевидным.

Истина (истинность) – та категория, которая пронизывает весь познавательный процесс от начала и до конца независимо от того, о научном или о другом (донаучном и вненаучном) познавательном процессе идёт речь. Вторая наша мысль как бы сопровождает первую: заблуждение, ошибка, ложность – категории, которые параллельно сопровождают истину на всём её познавательном пути.

Исследования выявили познавательные возможности мифа, алхимии, астрологии, архаического и современного обыденного и практического знания. Признанной является оценка, согласно которой искусство сделало в познании внутреннего мира человека неизмеримо больше всех гуманитарных наук. Однако теории познания еще предстоит извлечь из этого урок. Она ответственна за то, что до сих пор отсутствует философское основание для этого огромного и ценного массива человеческого опыта. Всякое знание имеет право на своеобразие, делающее бессмысленными теоретические иерархии с обязательной наукой на вершине.

Свойства того или иного знания должны выводиться не из догматических стандартов рациональности, а из свойств познающего субъекта и тактических контекстов его деятельности и общения. И в основу типологии знания должны быть положены соответствующие типологии познавательных способностей

индивида и типологии практик. А первая реакция на ошибку и заблуждение не должна быть обвинением в профессиональной некомпетентности или политической неблагонадежности, а должна превращаться в эмпирическую фиксацию нормальных для цивилизованного общества расхождений во взглядах, смысл и право на существование которых определит не кто-то из власть имущих, а действительная история познания и практики.

Реабилитация роли заблуждений в познании, признание их не только отрицательной, но и позитивной роли, переход к содержательному анализу научных и ненаучных знаний вернет познанию полноту, которая станет гарантом полноты постижения бытия во всем его многообразии.

Теория познания должна заниматься всеми видами познания без исключения, каждому из которых могут быть свойственны свои критерии строгости, адекватности, обоснованности и истинности. От такого расширения выигрывают не только ненаучные формы знания, но и наука.

Разум действует в науке и в ненаучном познании. И везде поиск истины переплетен с историей заблуждений. Достижение относительных истин идет параллельным курсом истории относительных заблуждений.

Необходимо подчеркнуть, что любое знание, научное и ненаучное, носит исторический характер, представляет единство относительных и абсолютных истин и заблуждений, включает в свою структуру элементы объективного и субъективного. Заблуждение и истина в рамках научного и ненаучного познания не могут быть абсолютизированы, они представляют собой пучок расходящихся и переплетающихся путей единого человеческого познания. И ни один из этих путей не может претендовать на абсолютную истину, как ни один из них не может быть объявлен абсолютно ложным.

Заблуждение, ошибка, ложь – понятия, отражающие отклонения от истины. Истина – это соответствие результата (цели, финиша) познания своему началу, т.е. знания – объекту. Весь путь от определения объекта (начала)

познания до получения идеального образа (результат) этого объекта и есть то содержание, которое обозначается термином «соответствие».

Если на этом маршруте что-то окажется деформированным (испорченным, некачественным, аномальным), знание уже не будет «соответствовать» объекту, т.е. не будет истинным. Термин «ошибка» отражает тот факт, что какой-то отдельный момент (мотивация, цель, образ, методы, средства и т.д.) процесса сознания не соответствовал логике всей цепочки. Даже если таких моментов несколько подряд, все равно они «ошибки», образующие цепочку отдельных ошибок. Заблуждение и есть цепочка ошибок. «Заблуждение» и «ошибка» имеют и психические нюансы в различиях. «Ложь» холодно и рассудочно фиксирует несоответствие знания объекту. Её не смущают чужие мнения и оценки. Они не могут внести в неё никаких корректив. Ошибка – это ложь, на которую смотрят со стороны. Наблюдатели знают, что субъект – носитель лжи, не знает об этом или принимает ложь за истину. Ошибка — это ложь, которую рефлексивует посторонний субъект, а не сам носитель лжи. В рефлексии лжи как ошибки есть и момент осуждения и высокомерия. Утверждая, что кто-то ошибается, я тем самым заявляю, что я знаю истину, а он нет. Более того, он ещё думает, что ложное его знание вовсе не ложное, а истинное. Заблуждение же есть ошибка с ещё большей степенью осуждения и даже с призывом к переосмыслению, пересмотру ошибки. Есть ещё одна категория в этом ряду. Это – обман, т.е. сознательно распространяемая ложь.

Развитие идеи культурного плюрализма немислимо в рамках жесткого противопоставления науки и иных форм познавательной деятельности. В основание современной теории познания предстоит положить типологию различных форм знания.

Исследованиями последних лет в структуре познания были выявлены направления, не укладывающиеся в традиционное понятие научности:

философские, религиозные, мифические представления; интеллектуальные и сенсорные навыки, социально-психологические стереотипы, интересы и социальные потребности; большое число неоправданных (казалось бы) конвенций, метафор, привычек, ошибок, небрежностей, заведомого обмана.

В последнее время исчезает внутреннее единство понятия «ненаучного» (внеаучное) знания. С одной стороны, оно распалось на «паранаучное», «донаучное», «псевдонаучное», «антинаучное», «сверхнаучное» и т.п. С другой – всякая форма знания в связи с деятельностью по его производству представлена как специфическая субкультура, как универсальный (в рамках некоторой социальной общности) тип познавательного и даже шире – духовного отношения человека к миру.

Любое знание имеет свое предметное содержание, которое является отражением объективной действительности. Сознание в самом общем виде представлено как совокупность знаний.

В «готовом знании» это содержание сокрыто. Выявление, обнаружение под языковыми формами предметного содержания представляет порой сложный процесс. Особенно это видно в искусстве, где идеи художника необходимо каждый раз постигать, расшифровывая данность его произведения. Наука претендует, что для нее такая процедура не нужна, что она адекватно оформляет свои знания. Что это не так, сразу видно, когда начинается процесс обучения. Например, в современной квантовой физике такое содержание невозможно обнаружить без огромной совместной аналитической работы учеников и учителя.

Нам представляется, что любое знание включает в себе все формы постижения истины. В научных знаниях, если присмотреться внимательнее, можно найти огромный массив моментов, которые не соответствуют строгим требованиям научной эпистемологии. А в ненаучных знаниях присутствуют моменты, значение которых не могла бы отрицать самая требовательная

научная комиссия.

У знания нет единственно адекватной формы. Жесткая и дискриминационная позиция, лишаящая до- или ненаучное знание истинного содержания, не отвечает современным потребностям развития познания.

Мы согласны с И.Т. Касавиным в том, что необходимо объединить все виды знаний, не отрицая при этом право каждого из них на относительную самостоятельность. Весь опыт человечества должен выступать как единый блок постижения тайн мироздания в отдельных фрагментах и в целом.

Типология способов получения знаний и готовых знаний симметрична известной типологии духовно-практической деятельности.

«Практическое знание» в форме обыденного сознания возникает в процессе производства, общественной деятельности и практики выработки новых знаний, что соответствует принятым видам практики (материальное производство, общественно преобразующая деятельность и познавательный эксперимент). На уровне практического сознания грань между знанием (как формой отражения объекта) и сознанием (как формой отражения общественных отношений) определена весьма нечетко в силу слабой рефлексивности знания.

Знания практического сознания не могут быть вытеснены наукой, скорее наука может их ассимилировать в состав своих достижений, придав им научную форму. Эти знания играют решающую роль в общественных отношениях людей. До тех пор, пока в обществе будут существовать определенные стандарты, в соответствии с которыми будут действовать люди и социализироваться дети, эти знания будут сосуществовать наряду с научными. Научное воспитание, игнорирующее все другие формы познания, есть очередной миф, из того же ряда, о котором мы уже выше неоднократно говорили.

Прогресс общества ведет к росту мозаичности человеческих потребностей и интересов. Это значит, что будет возрастать многообразие форм знаний,

связанных с локальными практиками и не требующих универсальной стандартизации. Индивидуализация знания в лучшем случае окажется совместимой с какой-то иной, не похожей на современную науку формой познания.

В современной «штучной» практике доля невербализуемого традиционного умения продолжает оставаться значительной. Процедуры определения истинности здесь имеют свои (например, невербализуемые – интуитивные) формы.

Практические знания могут возникать не обязательно только в познавательно ориентированной деятельности. Они могут формироваться в контексте и коммуникативной, бытовой, культово-регулятивной (мифической, религиозной, мистической, магической) художественной деятельности.

Духовно-практическое знание вплетено в живой жизненный процесс и опыт. Такое сознание накапливает, обрабатывает и распространяет социальный и познавательный опыт в ходе формирования содержательного знания. Поэтому пропасть между готовыми знаниями и функционирующим сознанием почти исчезает. Знание существует в виде «работающего» в данный момент сознания. Прекращение мышления одновременно прекращает и наличие знания, если не будут предприняты специальные приемы для закрепления. Но при повторной практике эти знания снова возникают и повторяются так до тех пор, пока или не исчезнут, или не будут закреплены в форме традиций и обычаев. Практические знания возникают не только в ходе личного общения и опыта, но и в ходе межгруппового общения и на основе опыта групп.

Трансляция этого типа знания осуществляется на основе интуитивного человеческого доверия к личности, достоинства которой демонстрируют примеры его действий и слов. Убеждение становится средством трансляции практического знания на основе стереотипов, нравственных, эстетических и других чувств. Непосредственное знание практического сознания не может,

естественно, претендовать на проникновение в сущность вещей и событий, на прогнозирование достоверных результатов и на абсолютно гарантированные рекомендации.

Однако и здесь мы можем говорить об эмпирическом и теоретическом аспектах практических знаний. С одной стороны, практическое сознание говорит о том, как действовать в данной конкретной ситуации, в ходе преобразования природного и социального мира. С другой стороны, практическое сознание рисует картину мироздания сквозь призму человеческих потребностей и интересов, т.е. создает систему собственной онтологии, в рамках которой учит ориентироваться в природном и социальном мире вещей и событий. Этот тип знания выделяется тем, что придает огромное значение формулировке и демонстрации обобщенных образцов поведения и мышления, для чего избираются наглядно-образные средства – легенда, притча, культовое изображение, ритуальное действие. Духовно-практическое знание осуществляется в зоне, объединяющей миры действительного, должного и возможного.

Духовно-практическая рациональность предполагает гармоничное сочетание потребностей и возможностей человека, состояния и перспектив его духовного развития. Здесь истины определяются не соотношением образов с действительностью, как в научном познании, а степенью их человечности, гуманистического потенциала, красотой, добротой и милосердием. Истинно то, что сохраняет и усиливает в человеке человеческое начало.

Специализированные исследования создают теории, концепции и учения, в которых хранятся сокровища теоретического познания. Они отражают динамику (логику) сущностных связей и отношений вещей и событий.

Необходимо подчеркнуть, что синкретичность научных и ненаучных моментов наблюдается и здесь, хотя речь идет об ограниченной области производства знаний. В пределе можем сказать, что теоретическое знание

служит и формой теоретического сознания, как практическое знание – практического сознания.

Теоретическое сознание – не простой антипод эмпирического мышления, оно альтернатива, генетически связанная с эмпирическим сознанием. Теоретическое сознание отличается от практически-духовного познания еще и тем, что включает в себя свою собственную рефлекссию и историю этой рефлексии. Теоретическое сознание осознает свое собственное бытие в категориях «мышления в понятиях», т.е. философствует.

Теоретическое мышление хронологически возникает позже многих донаучных форм познания. Поэтому оно вмещает в себя противоречивым образом достижения всех предшественников, их методы, средства, мотивации, цели, ориентиры, образцы, критерии, идеи. В силу сказанного теоретическое мышление изначально спокойно относится к антиномичности своих выводов, тогда как практически-духовное освоение мира строго формально логично. Это отражается и в определении истинности их знаний.

Комплекс познавательных форм и типов потрясает воображение. Он так величественен, что человек способен, как отмечал Николай Кузанский, уподобиться бесконечному космосу. Эту мысль развивали с античности мыслители, которые в Новое время получили название «космисты».

Существуют и иные представления, о которых необходимо упомянуть хотя бы ради справедливости. Они утверждают, что человек уподобляется бесконечности не из-за беспредельности видов познания, а из-за безграничности его глупости. Именно она бесконечна. А разум, по Канту, состоит лишь в определении границ глупости.

Но самое главное, что вызывает восхищение и удивление, это то, что никакие преграды (ни бесконечность мироздания, ни конечность индивидуального бытия, ни слабость или глупость разума) не способны отвлечь человека от поиска истины, не способны заставить его отказаться от познания.

Сегодня еще нет единой методологии, которая бы синтезировала все виды человеческого познания природы, общества и мышления, недостаточно поняты и обобщены результаты специальных наук, привлекаемые для философского исследования. Но философы пытаются раскрыть некоторые вопросы, среди которых одно из центральных мест занимает категория «истины».

Краткое общее резюме предельно просто: истинность всех форм знаний, во-первых, так или иначе, связана с субъектом познания, во-вторых, не только с его интеллектуальными возможностями. Истинность знаний не ограничивается лишь пределами рациональных научных знаний, эта проблема значительно объемнее.

Проблема взаимоотношения между научным знанием и другими формами знания – одна из ключевых для всей современной гносеологии. Об этом можно судить на примере, в частности, мифа. Мифологическое сознание, безусловно, включает в себя знание. Но миф не является качественно однородным с наукой с точки зрения познания. Мы можем изучить миф, получая, в конечном счете, не только знание о природе данной области, но и знание о том, до каких пределов простирается наше знание.

Современное обыденное сознание содержит ряд черт, роднящих его с мифологией и мифологическим сознанием. Однако в современном сознании мифология может выступать лишь в функции преднаучного систематизатора знаний.

Наука – это не просто систематизированное знание, но и знание, принципиально нацеленное на познание истины, на проникновение в сущность вещей. Миф же скорее нацелен на то, чтобы согласовать, гармонизировать, взаимосвязать жизнь человека с происходящими вокруг него общественными и природными процессами.

Когда исследуют иные функции знания, то неизбежно «растягивают» идею научности. В этом случае необходимо выяснить, какова роль

исследователя всего «ненаучного». Исследователь «ненаучного» не может быть простым регистратором «ненаучных» (с точки зрения европейской науки или европейской формы жизни) явлений. Но при этом исследователь стоит перед очень серьезной опасностью интеллектуализации (возможно, непреднамеренной) тех научных явлений, с которыми он имеет дело.

Необходимо различать вопросы познания (или понимания) иных культур и проблемы понимания ненаучных форм знания. В некоторых, чужих культурах нам трудно понимать научные формы знания (китайская математика или тибетская медицина). Есть много «ненаучных» вещей, например, любовь, которая не становится хуже от своей ненаучности. Научным является знание, произведенное в науке. Знание в смысле понимания событий или людей может быть произведено и вне науки. Для взаимопонимания иногда достаточно симпатии, терпения, готовности выслушать другого, желая его понять почувствовать его тревоги и т.д. Это – тоже вид знания, т.е. способ ориентации в мире, полезного взаимодействия с окружающей действительностью.

Был период в жизни человечества, когда люди познавали мир, но это не была научная деятельность. Когда же целенаправленная деятельность по производству знаний возникла, мы стали во всех областях жизнедеятельности обнаруживать знание. Оказывается, люди всегда познавали. Но целенаправленно и рефлексивно эти знания добываются только сегодня, только в науке.

Существуют разные позиции по вопросу о соотношении науки и иных форм познания и сознания в культуре. И.Т. Касавин делит философов на три группы. Первую группу отличает надежда на возможность формулировки методологических критериев демаркации науки и ненауки. Сторонники этой позиции убеждены в прогрессивном характере развития познания и культуры, в том, что в прогрессивно новых видах сохраняются «в снятом виде» успехи всех предыдущих форм.

Существует взгляд, что между наукой и ненаучным познанием лежит непроходимая пропасть, что каждый тип знания абсолютно изолирован от других и не имеет с ними точек соприкосновения. Механицизм таких представлений очевиден. Ничто в мире не существует абсолютно изолированно, тем более среди родственных и однопорядковых явлений.

Наличие недискурсивных знаний остается фактом нашей культуры, в которой переплетены научные и ненаучные знания в единое целое образование. Диалектика их элементов в сегодняшней литературе изучена весьма мало. Даже частный вопрос о рациональных моментах озарений, инсайтов, интеллектуальных экстазов остается мало изученной областью.

Понятно, что знания, открывающиеся человеку в виде откровения, отличаются от дискурсивного знания целым рядом признаков, в том числе и по своей истинности. В самом общем виде истинность прозрений определяется их глобальностью, сильной «заряженностью» нравственными, эстетическими и другими характеристиками. В личных традициях для этого вида истин используется термин «мудрость», отличный от знания. Думается, что Гераклит тоже имел в виду нечто подобное, когда говорил, что многознание уму не научает. Знание даёт пользу, а мудрость – счастье, считали древние мудрецы и философы.

Очень важный вывод, вытекающий из анализа вненаучных форм знания, состоит в том, что эти формы знания работают как бы в разных параллельных мирах. И хотя существует единый мир, для каждого человека он как бы соткан из разных кусков практикой его сознания. Чтобы полнота мира стала не только гносеологической истиной, а онтологическим фактом, человек должен пользоваться всеми типами познания. Если, например, рассмотреть социальный мир, он дан нам как множество миров, зависящих от исторического времени, нашей культуры, социальной, расовой, национальной принадлежности, образования, рода занятий, интересов. Каждый раз эти миры по-разному

открываются в знаниях разного типа, ни одним из которых нельзя пренебрегать, если мы хотим достичь полноты бытия в его истинности. Человек не исчерпывается лишь своим интеллектом и рациональным мышлением. Так и мир в целом, в котором он живет, не может быть познан лишь в научной форме.

2.2. Интуиция как форма ненаучного познания и ее истинность

Природа интуитивного мышления привлекала и привлекает внимание философов, психологов, педагогов, медиков, ученых конкретных естественных и гуманитарных наук своей мощью и загадочностью.

Для философов, психологов, психоаналитиков, когнитологов она служит предметом многочисленных толкований и перетолкований. До сих пор она не поддается не только логическому анализу, но даже более или менее точному описанию.

В последние годы сделаны многочисленные попытки понять природу интуитивных явлений с позиции синергетики, новой междисциплинарной области знаний, ставящей в качестве своей основной задачи познание общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах самой разной природы: физических, химических, биологических, технических, экономических, социальных²⁶.

Научный подход отличается от всех других еще и тем, что гарантирует возможность управления познанными явлениями. А можно ли управлять работой творческой интуиции?

Восточная духовность претендовала и продолжает претендовать на то, что она может управлять витальными и ментальными качествами человека. Специфика восточной философии, прежде всего в сравнительном

---

²⁶ Скворцов Л.В. Культура самосознания: Человек в поисках истины своего бытия. М.: Политиздат, 1989, с. 276.

преувеличении возможностей интуитивного познания перед дискурсивным. Интуитивное познание часто объявляется мудростью, а рассудочное логическое познание лишь знанием. Знания способны дать человеку лишь полезность, а мудрость дает счастье, ибо раскрывает высшие тайны мироустройства и бытия человека. Западная философия в союзе с наукой, признавая присутствие интуиции в некоторых моментах познавательной деятельности, однако, не ставила вопрос об интуиции и логическом мышлении в категорической форме «или – или». Попытки рационально понять и объяснить интуицию были всегда и продолжаются и по сей день. Одной из очередных таких попыток и является интерпретация интуиции в терминах синергетики. Синергетика рассматривает интуицию как механизм самодотраивания структуры познавательного процесса на поле мозга и сознания. Мозговые и когнитивные механизмы как бы независимо от воли познающего субъекта вносят в познавательный процесс звенья, детали, связи, которые «вдруг» приводят к гносеологическому результату, открытию истины. Синергетический подход продуктивен, ибо говорит не только о том, что подсознательными и мозговыми механизмами дополняются чувственные и интеллектуальные компоненты познания, но и элементы распознавания образов. Интуиция не только «подсказывает» правильный ответ, но и дает инструкции, как «раскодировать» подсказку. Поэтому интуиция «говорит» на всех языках или, сказать иначе, язык интуиции понятен на всех естественных и научных языках. Можно считать, что это успех синергетического анализа интуиции.

Художественное творчество не менее научно пользуется интуицией, а, возможно, даже более активно. Если бы был найден механизм управления интуицией, то это преумножило бы возможности не только научного, но и художественного познания.

Синергетика утверждает, что управлять интуицией – значит научиться запускать механизм самопроизвольного достраивания и переструктурирования

сенсуального и рационального компонентов познания с помощью скрытых механизмов мозга и сознания.

Одним из первых компонентов истинности интуитивного будет единство сенсуального и интеллектуального. Условно, конечно, можно говорить о чувственной интуиции отдельно от интеллектуальной интуиции. Для гносеологического анализа эти категории нужны и полезны. Но когда речь идёт о существе дела, необходимо подчёркивать, что интуиция всегда включает в себя неразрывное единство чувственного и рационального.

Если посмотреть на интуицию с позиций синергетики, то на первом этапе наблюдается максимальное расширение сферы, где осуществляется процесс познания. Кроме индивидуальных органов познания субъекта, кроме накопленных прежних знаний, кроме используемых методов и средств к процессу познания подключаются автономные механизмы мозга и сознания вообще, т.е. то, что обычно остается на периферии или присутствует лишь в фоновом режиме. Интуиция начинается с максимального охвата возможного многообразия элементов креативной деятельности. Материальное и духовное, существенное и несущественное, главное и второстепенное – все уплотняется в едином блоке. Даже откровенный абсурд и алогизм подключаются к познанию интуитивным комплексом. Ясно, что порядок рождается из хаоса, логическое – из абсурда. Этого момента тоже нельзя не учитывать.

Второй момент в определении истинности интуиции состоит в выходе за пределы всех стереотипов. Интуиция всегда неопределенна, она не знает границ.

Вспоминаются тексты философов Востока, которые всегда говорят или многозначительно, или загадками, оставляя место для собственных домыслов, даже весьма абсурдных. Алогизм, парадоксы, антиномии, апории – все толкает мыслящий разум к скачку в познании, к качественным переходам, к интуитивному познанию. Восточные учителя духовности сознательно толкали

своих учеников к выработке интуитивных способностей познания. Для этого привлекались и формы художественного творчества, например, такие как поэзия. Пятистрочные ритмически организованные стихи – танка – содержательно настолько многозначны, что постичь их содержание можно лишь в интуитивном озарении. Словесно-текстовые «нелепости» как раз и призваны, чтобы отвлечь читателя от понятийного логического мышления и перевести его разум к интуитивному познанию. Вот пример такого стихотворения, где надо не только интуитивно достраивать недосказанное, но надо так же интуитивно распознавать скрытые в сказанном образы.

« Расколешь дерево -

Среди щепок

Нет цветов.

А в весеннем небе

Цветет сакура!»²⁷.

Интуиция начинается, вероятно, с набора такого множества элементов познания, большую часть которых дискурсивное мышление просто-напросто выкинуло бы как совершенно излишние и к данному процессу познания не имеющие абсолютно никакого отношения.

Такой подход, как позднее выясняется, имеет свое оправдание. Масштабность позволяет увидеть то, что остается скрытым при узком рациональном подходе. Поэтому интуиция более плодотворна в творческом аспекте, она позволяет выйти за шаблоны и стереотипы исследования, диктуемые как объектом познания, так и прежним опытом познания такого рода гносеологических объектов.

Отметим ещё один компонент истинности интуиции: её зависимость от богатства содержания (чувственного, интеллектуального, практического и т.д.) субъекта интуиции. Чем примитивней субъект, тем меньше вероятность

---

²⁷ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979.

продуктивной интуиции. Интуиция требует высокого профессионализма, богатого многообразия интересов и потребностей, воли, памяти, воображения, а также тонкого чувства прекрасного, доброго характера, способности к милосердию и состраданию, обыденному и возвышенному. Интуиция, говоря образно, чаще произрастает в садах Эдема и никогда – в кругах ада. Истинность интуиции содержит огромный массив нерационализируемых и невербализуемых компонентов.

Механизм подключения самодоотраивания связывает когнитивный процесс в единое целое с целым рядом таких явлений, которые прямой связи с познанием не имеют. Мы уже говорили о таких мозговых механизмах. Синергетизм интуиции содержит в себе направленность на завершенное целое, где финиш начинает оказывать влияние на движение к нему раньше, чем сам финиш достигнут. Ясно, что линейному мышлению такое представление не под силу. Но в действительности есть процессы, которые и невозможно понять в рамках линейного мышления. Для того, чтобы конечная цель, к которой устремлена деятельность, могла оказывать направляющее и корректирующее действие, необходимо взглянуть на эту деятельность с более высокой точки, как бы с расстояния «птичьего полета». Интуиция и помогает ученым и художникам удерживать в уме весь план еще не завершенной деятельности как чего-то целого. Идея, постигнутая лишь интуитивно, работает, ведет, направляет и корректирует сам процесс познания. Оно определяет отбор материала и место каждого фрагмента знания, опыта или текстового блока в структуре целого, стимулирует работу подсознания, способствует актуализации того, что было в возможности, потенциально зрело. Как мы уже выше говорили, интуитивные механизмы в силу своей синергетичности способствуют также и вербализации подсознательного и бессознательного моментов познавательного процесса.

Интуиция опирается на нелинейность мышления: оно не занимается

механическим перебором возможных вариантов, а выхватывает главное, строит целое. Интуиция привлекает к отбору материала мировоззренческие, методологические, национальные, архетипичные и другие установки вплоть до биологических предрасположенностей. Спонтанность и свобода – характерные признаки интуитивного отбора материала познания.

Истинность интуиции определяется в философском пределе соотношением логики и абсурда (в гносеологическом плане), космоса и хаоса (в онтологическом). Интуиция и есть механизм спонтанного возникновения порядка в океане хаоса, логики из абсурдных очертаний понимания и непонимания.

Если присмотреться к интуитивному постижению сути вещей, нетрудно заметить стабильные моменты. Творческое мышление возникает из дискурсивного анализа, когда вдруг сами собой начинают восполняться недостающие звенья, из отрывочных обрывков возникает целостный образ вдруг и сразу. Смутные догадки обретают законченный вид и ясность. Вместо предчувственного состояния возникает вербализованный текст. Происходит как бы мгновенная организация красивой мозаичной структуры из имеющихся элементов знания и опыта.

Представляется интересной дискуссия Князевой Е.Н. и Курдюмова С.П. с представлениями гештальт-психологов по вопросу «дистраивания» в ходе интуитивного познания. Для гештальт-психологов дистраивание осуществляется за счет дополнения наличного познавательного состояния из багажа подсознательного. А отечественные авторы считают, что никакого привнесения извне нет и не может быть. Сами наличные структуры познания приобретают способность к саморазвитию, они сами, как бы помимо воли субъекта, начинают развиваться, раскрывая свои потенциальные возможности. Это и есть самодистраивание звеньев познания. Получается как бы сам себя дистраивающий разум. Интересна мысль о самовырастании целого из частей в

результате самоусложнения этих частей. Сам поток мыслей и образов в силу своих собственных потенций усложняется и спонтанно выстраивает себя. Таким образом, из простой структуры вырастает более сложная²⁸.

Из нескольких деталей воссоздается целостный образ, достаточный для распознавания этого образа. Следует отметить и обратный процесс, распознавание есть тоже вариант или элемент самодостраивания.

На начальных этапах развития философии было развито обучение правильному зрению, которое включало целый комплекс различных упражнений по умению видеть и тренировать память. Ясно, что эти упражнения формировали определенного рода мозговые связи, которые начинали со временем действовать самостоятельно в процессе мышления человека. Так создавались очаги чувственной интуиции.

Специально подчеркнем, что, подобно логическому познанию, интуитивное познание включает в себя как чувственные (сенсорные), так и логические (интеллектуальные) элементы. Хотя в литературе можно встретить выражения «чувственная интуиция» и «интеллектуальная интуиция», они, на наш взгляд, правомерны лишь в качестве познавательных абстракций. В интуиции художника и музыканта присутствуют обязательно рациональные элементы, как и в интуиции математика – сенсорные.

Что касается творческого мышления, то интеллектуальная интуиция, по Декарту, – это твердое и отчетливое представление, рождающееся в здоровом уме посредством воззрения самого ума, настолько простое и отчетливое, что оно не вызывает никакого сомнения²⁹. Однако может иметь место более высокий тип самодостраивания – переход от простой структуры к сложной, саморазвитие, усложнение первоначальной структуры.

Понятно, что процесс интуитивного мышления в каждом случае имеет

---

²⁸ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: Диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии, 1992, № 12, с. 117.

²⁹ Радугин А.А. Философия: Курс лекций. М.: Владос, 1995, с. 122.

свою специфику. У нас речь идет о том, что можно обнаружить общего в каком-то одном варианте. Например, если речь идет о высококвалифицированных ученых при решении ими научных задач, то синергетическое самодообраивание включает в себя моменты создания крупных блоков информации, формирование ведущих идей, генеральных схем и проектов, которые обрабатываются на основе профессиональной избирательности, основанной на широкой эрудиции.

Опытный ученый тем и отличается, что он интуитивно выбирает правильные схемы действий, интуиция опирается на автоматизм рутинных и шаблонных элементов.

Ходячие представления о рассеянных ученых имеют основание. Крупные ученые, увлеченные своей работой, вообще живут в состоянии погруженности в мир бесконечных познавательных идей, мыслей, схем, вариантов исследования.

Отметим, что истинность интуитивного мышления, таким образом, зависит не только от соответствия чувственных и логических компонентов, о которых говорилось выше, но и от соответствия также автоматизированным формам чувственной и интеллектуальной деятельности.

На уровне высокого мастерства познавательный процесс осуществляется не как последовательная цепочка. «Мастер» может опускать целые промежуточные блоки, которые для него очевидны и досконально ему знакомы. Комплексы знаний и умений, как чувственных, так и рациональных, автоматически включаются в процесс творческого мышления. Они не контролируются как наличные моменты, оставаясь где-то в подсознании, находятся на периферии познавательного процесса. Такое «уплотнение» освобождает место для активности тех элементов творчества, которые ни объективно, ни субъективно не могут быть пропущены в данном исследовании. Разгрузка от рутинного, шаблонного облегчает наступление «вспышек интуиции». Чем выше мастерство исследователя, тем легче происходит

интуитивное дополнение недостающих звеньев интуитивными озарениями. Спонтанные переходы на несколько шагов вперед, высвечивание контуров законченного исследования – все это и есть то, что, мы называем «самодостраиванием».

Интуиция крупных ученых характеризуется не только скачкообразными переходами на несколько шагов вперед, но еще и оперированием крупными блоками знаний.

Князева Е.Н. и Курдюмов С.П. упоминают также Ч. Ламсдена и Э. Уилсона, которые считали, что интуиция физиков и инженеров может состоять в способности быстро и эффективно манипулировать «крупными блоками», составленными из многих взаимосвязанных фактов³⁰. В истину интуиции входит умение мыслить не только понятиями и суждениями, но и целыми теориями.

Султанова Л.Б., говоря о творческом мышлении ученых, подчеркивает, что интуиция математиков состоит в особой способности мышления к неосознанному, как бы свернутому умозаключению, которые затем логически, дискурсивно необходимо как бы развернуть. Разумеется, развернуть можно только само умозаключение, а не деятельность интуиции как таковую. «Роль интуиции, – пишет она, – в творчестве математика очевидна. Без неё невозможно ни одно математическое открытие. Решение любой задачи, выходящей за рамки тавтологии, непременно содержит в себе интуитивный элемент. Его присутствие всегда психологически ощутимо, поскольку утверждение предшествует собственно доказательству. Математик сначала формулирует на основе результатов работы интуиции некоторый вывод, а затем его уже обосновывает на языке математической теории»³¹.

---

³⁰ Halpern J.Y. «Should knowledge entail belief?» J.Of philos. Logik. Dordrecht etc. #5, 1996, p. 248.

³¹ Султанова Л.Б. Взаимосвязь неявного знания и эвристической интуиции // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия, 1995, № 3.

Парадокс, но внешне выглядит именно так: следствие предшествует причине. Далее Султанова дает сравнение аналитического и интуитивного математического мышления. Неоднократно в литературе приводились факты, когда ученый, который долго работает над проблемой, получает решение, которое он еще формально не обосновал. Интуитивному мышлению присущи необоснованные предположения, которые выпадают из общего контекста познания данного объекта, но, в конечном счете, оказываются правильным выбором направления исследования.

В интуитивном познании нет тех, конкретных и четких, границ определений и доказательств, без которых не может обойтись ни одно аналитическое исследование. Этапы познания в интуиции или пропускаются, или следуют в хаотичном порядке. Свернутость проблемы и этапов ее решения также входят в состав определения интуитивного постижения истины. Перед исследователем возникают задачи, процесс решения которых он может и вообще не осознавать.

Обычно интуитивное мышление осуществляется в виде скачков, быстрых переходов, с пропусками отдельных звеньев в процессе решения. Эти особенности требуют проверки выводов аналитическими средствами³². Отметим, что здесь дано точное описание рождения порядка из хаоса, что заставляет вспомнить основные принципы синергетики и критерии истинности, соответствующие ее основным принципам.

Далее Л.Б. Султанова отмечает, опираясь на слова А. Пуанкаре, что разница в стилях мышления интуитивистов и аналитиков очевидна, хотя и те, и другие выдающиеся ученые-математики.

Материал из жизни А. Пуанкаре интересен. Видно, что математики оперируют особой интуицией «чистого числа». Одинаково, как логики, так и интуитивисты. Эта интуиция сокращает путь познания. И индукция, и дедукция

---

³² Там же.

могут быть построены на основе пропуска не просто одного или двух звеньев, а сотен, тысяч и миллионов промежуточных суждений.

Поэтому А. Пуанкаре считал, что аналитики – искусные мастера силлогизма. Интуиция чистого числа, им свойственная, не является чувственной, и поэтому аналитики почти не ошибаются. Но именно такой стиль математического мышления по-настоящему уникален. Аналитики-творцы очень редки³³.

Роль интуиции велика именно в творческом поиске, где необходимо выйти за пределы привычных представлений, стереотипов мышления и привычного способа познания. Принципиально новое требует парадоксального исследовательского таланта: опираться на прошлый опыт, не будучи им поработанным и угнетенным.

Анри Бергсон весьма низко оценивал значение интуиции для познания. По его словам, интуиция есть окраина или полутень интеллекта; ее вытеснили из центра из-за того, что для действия она менее полезна, чем интеллект: ее функция заключается скорее в тончайшем усмотрении сути дела, а не в самом деле (в смысле его регуляции). Существенная особенность интуиции состоит в том, что она не разделяет мыслимый объект на части и не рассматривает их порознь, чтобы затем перейти к синтезу, а как бы в одно мгновение схватывает целое в его сущности, да так, что, рациональная логика ума не поспевает за ней, а потом «удивляется» тому, как это у нее получилось, как это она опередила его³⁴. Истинность интуиции проявляется в угадывании тайны в её целостности и сущности.

Интуиция не только схватывает предмет целиком, она всегда эмоционально «аргументирует» свое толкование сути проблемы и ее решения. Субъект познания в интуитивном мышлении как бы оказывается растворенным

---

³³ Там же.

³⁴ Соловьев В. Смысл любви: Избр. произведения. М.: Современник, 1991, с. 515..

в объекте и в процессе познания. Познание как бы материализуется как жизнь ученого, который оказывается поглощен исследованием. Не ученый вбирает в себя исследование, а наоборот, исследовательский процесс начинает диктовать человеку свои «правила жизни». Оно не оставляет ученого ни на одну минуту, преследуя его даже во сне, требуя, чтобы он не отвлекался от него ни чувственно, ни интеллектуально. Момент переживания истины – торжественное и естественное состояние человека, занятого творческим трудом. Большинство авторов отмечают, что интуиция – это как бы свернутая, резко сгущенная логика мысли. Она так же относится к логике, как внешняя речь к внутренней речи, где очень многое опущено и фрагментарно. Ещё одним характерным признаком истинности интуиции является противоречивость, логический хаос, или хаотичная логика.

Интуиция не составляет особого пути познания, она составляет качественно особый вид умозаключения, когда отдельные звенья логической цепи проносятся в сознании более или менее бессознательно, а предельно ясно осознается именно итог мысли – истина³⁵.

Селиванов³⁶, рассматривая вопрос о структурных связях сознательного и бессознательного в механизме интуиции, говорит об их гармоничном сочетании. При этом не ясна суть самого понятия «гармоничное». Что означает, когда сознательное и бессознательное находятся в гармоничном сочетании?

Понятие «гармоничное» не объясняет сути дела, характера взаимодействия. По мысли Селье, реальная власть человека над природой не исчерпывается только знанием ее законов, только богатством интеллектуального сознания. Власть человека над природой обуславливается еще и тем, что, кроме интеллекта, способного оперировать лишь одной выбранной на данный момент идеей, его действиям помогает весь скрытый от

---

³⁵ Там же, с. 517.

³⁶ Селиванов Ф.А. Истина и заблуждение. М.: Политиздат, 1972.

него самого подсознательный опыт. Всегда осознается только какой-то один главный для данного момента элемент, а весь остальной опыт остается в фоновом режиме. Но этот скрытый массив опыта – чувственного, интеллектуального, подсознательного, бессознательного – тем не менее, принимает активное участие во всем, что делает человек: в выявлении проблемы, в ее формулировке, в постановке задачи и цели, в выборе методов и средств решения проблемы и задач, в выдвижении идей и гипотез, в аргументации и доказательстве выводных положений, в формулировке полученных знаний, в их хранении и трансляции. Из темных хранилищ врожденной и приобретенной подсознательной информации мы можем извлекать на свет сознания лишь одну проблему, остальные же наши знания в это время недоступны такому планомерному рассмотрению. Все данные, попавшие когда-либо в гигантский «миксер» нашей подсознательной памяти, постоянно сталкиваются друг с другом, причем родственные элементы могут объединяться, образуя полезные сочетания. Такие новообразованные группы идей в состоянии непроизвольно управлять целенаправленными действиями, даже не становясь осознаваемыми (т.е. действовать наподобие инстинктов); они становятся доступными рациональному анализу и намеренному их использованию только в том случае, если прорываются в сознание в результате интуитивного озарения. Если подсознательное мышление продолжается все время, особенно во сне (причем логика в его работу не вмешивается), то полностью сознательное мышление нуждается в ясном свете абсолютного бодрствования. В сумерках же, на грани сознательного состояния, грезы лучше всего прорываются в сознание в виде вспышки интуиции³⁷. На наш взгляд, в этих словах содержится фундаментальная мысль, проливающая свет на многое в природе интуиции. Наше тело совершает миллионы действий, которые остаются неизвестными не только нам, но даже современной науке. Эти

---

³⁷ Селиванов Ф.А. Истина и заблуждение. М.: Политиздат, 1972.

процессы протекают сами по себе, обеспечивая нашу телесную жизнь. Почему бы не допустить, что наш ум (наша душа) способен сам по себе осуществлять миллионы чувственных и интеллектуальных действий, которые поддерживают рефлексируемую часть «жизни» нашего сознания? Грубо говоря, почему бы наш мозг не мог думать без нас, точнее, без нашего контроля над его функциями? Почему в мозгу не могут быть мысли (не рационализированные и не вербализованные), которые не известны не только мыслящему индивиду, но даже современной науке?

Такие остающиеся вне осознания чувства и мысли ткнут свои причудливые узоры в глубинах нашей души, и они могут вмешиваться по своему произволу в наши сознательные действия. По всей вероятности, такие скачки из темных недр нашей субъективной жизни к свету разумности происходят тогда, когда эти чувства и мысли принимают вербализованный характер. Влияние языка и его структуры на формирование интуитивных знаний на сегодняшний день мало изучено. Переход этих чувств и мыслей в вербализованные формы видятся нам как неожиданное озарение или догадка.

Двигаясь, мы можем тормозить или активизировать, сами того не понимая, не зная и не думая, те или иные мышцы. В ходе познания происходит нечто аналогичное: целенаправленное мышление может привести в действие такие его формы, которые остаются за скобками осознания. Мы их не видим, а видим лишь уже результат их действия. Отсутствие процесса при наличии результата и есть характерный признак интуитивного мышления. То, что Селье обозначал как «гармоничное сочетание», есть взаимовлияние осознаваемой и неосознаваемой частей единого человеческого мышления. Чем больше наш мозг, наше сознание мучается какой-то проблемой, чем больше мышление загружено информацией, которую оно пытается систематизировать, тем больше в недрах души из хаотичных комков алогичного, бессистемного, абсурдного сочетания всевозможных образов формируется безмолвный «текст», который,

приняв вербализованную форму, и станет проявлением интуиции. Достигнув определенного качественного уровня, эти сгустки абсурдного и хаотичного обнаруживают «вдруг» моменты своей логичности.

Соглашаясь с этой трактовкой интуиции Хансом Селье, мы однако, не можем согласиться с его выводом о том, что интуиция по своей природе не может быть предметом научного исследования, что исследование интуиции научными методами заранее обречено на неудачу.

«Сознательный интеллект, – пишет он, – так же мало осведомлен о вещах, недоступных для его восприятия, как слепой человек – о цветовых оттенках. К счастью, мы не совсем слепы к бессознательному. Мы можем улавливать его проблески, вспыхивающие на мгновение то там, то здесь на границе сознания, если будем достаточно проворны и не дадим им вновь исчезнуть в океане бессознательного. Интуиция зависит также от сознательной подготовки по сбору фактов и оценке идей. Обладая достаточной наблюдательностью, мы можем немало узнать о путях, которыми следует мысль, даже если в силу необходимости наш анализ будет ограничен только теми отрезками путей, которые пересекают область сознательного»³⁸.

По мнению Г. Селье, место интуитивного мышления ограничивается лишь начальными этапами познания. После того, как основная идея вызрела, начинается сознательный поиск истины.

Еще раз вернемся к мысли Князевой Е.Н. и Курдюмова С.П. о самообрабатывающейся мысли. Они считают, что этот принцип достаточно широкий и общий, он может быть использован также для анализа художественного творчества.

Анализ показывает, что музыкальное, поэтическое, живописное или иное произведение художественного творчества начиналось с неясного предчувствования центрального образа, из которого сначала возникает один

---

³⁸ Селиванов Ф.А. Истина и заблуждение. М.: Политиздат, 1972.

ясный образ, одно слово или один звук, один штрих или один фрагмент, вокруг чего потом достраивается все произведение.

Из хаоса неопределенных чувственных и интеллектуальных образов возникает произведение искусства, которое может быть шедевром мировой культуры.

Феноменологическая сторона интуиции освещена достаточно полно. Но остается главный вопрос: как инициировать, стимулировать, запускать работу интуиции?

Современной науке неизвестен ответ на этот главный, на наш взгляд, вопрос из области изучения интуиции. Можно лишь предположить, что для выявления тайн интуиции, действительно, необходимо изучать механизмы самодостраивающихся чувственных и интеллектуальных систем. Управлять интуицией будет означать управлять творчеством, которое без тайн интуиции тоже остается «черным ящиком», где известны лишь данные на «входе» и на «выходе». При этом следует помнить, что речь идет не только о духовных процессах, но и мозговых. Материальные и духовные процессы настолько в данном контексте перекрещиваются, что трудно определить, какой является доминирующим. Когда будет выяснено, как запускаются эти механизмы самодостраивания, тогда можно будет говорить о том, что мы приблизились к тайнам интуиции и творчества.

Диалектика научного познания состоит в том, что она не представляет собой линейный (механистический) процесс последовательного шага за шагом раскрытия природы интуиции. Сам механизм еще не ясен, но есть уже предложения, как можно инициировать самодостраивание мозговых и психических процессов. Теория «резонанса» относится к таким гипотезам-предложениям. Для того, чтобы запустить механизмы самодостраивания мозговых и психических процессов, необходимы топологические и темпорально правильные (резонансные) стимуляции деятельности мозга и субъективного

мира человека. Определенная симметрия и конфигурация этих стимуляций могут вызвать нужные процессы. Пространство, время, предметное содержание – все играет роль в том, чтобы вызвать нужные резонансы. Много полезного об упражнениях такого рода можно найти в восточной философии. Великий восьмеричный Путь Будды, ведущий к нирване, содержит множество приемов для самоконтроля психосоматических возможностей человека. Овладев телом и душой, можно управлять не только сознательными, но и подсознательными и бессознательными процессами духовной жизни человека, в зоне которой находятся и механизмы стимуляции интуиции.

Мы не отрицаем возможности, что путь к управлению интуицией лежит через зону «безмолвия ума», успокоения в себе физической, витальной и ментальной сфер. Граница между порядком и хаосом, конечным и бесконечным мирами, между природой и трансцендентом очерчивается полосой антиномий. Это заметили еще Зенон в античности, Кузанский в эпоху Возрождения, Кант в Новое время, Рассел на рубеже XX века. Чтобы пробиться к хаосу, необходимо пройти через пропасть антиномий. Чтобы погрузиться в мир интуиции, также необходимо осилить парадоксы, за которыми скрывается абсурд (одна из альтернатив логики). Необходимо научиться малыми флуктуациями сознания открывать ворота в подсознательное. «Безмолвие ума» позволяет, возможно, встать у самой крайней черты рационального мышления, поставить ногу на первую ступеньку входа в мир хаотических чувств и мыслей, из которых соткана основа интуиции. Чтобы мыслить «не мысля», необходимо освободить сознание от цензуры его собственных норм и требований, стандартов и шаблонов. И тогда случай-ничтожество может стать случаем-творцом нового³⁹.

В поле «безмолвствующего ума» стирается граница между чувством и умом, между рациональными и художественными образами. Они все

---

³⁹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: Диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии, 1992, № 12, с. 121.

оказываются в едином поле интуиции. Здесь стирается грань между художественным творчеством и научным познанием.

В разные времена по-разному относились к интуитивному мышлению. Несомненна заслуга в разработке этой проблемы таких великих мыслителей, как Декарт, Лейбниц, Спиноза, Кант.

Кантовская критика способности интеллектуальной интуиции долгое время занимала умы. С нашей точки зрения, критическая философия Канта не столько приблизила к истине в познании тайны интуиции, сколько отвлекла от сути дела. Декарт, Спиноза, Лейбниц ориентировали сверхчувственное созерцание на познание реальных предметов и событий, а кантовская чистая апперцепция направлена на познание феноменальной стороны «вещей в себе», где ноуменальная их сторона отдана агностицизму.

Фихте окончательно отделил интуицию от рационального познания. Теперь интуиция оказалась ориентированной на познание абсолютного, а разум – на познание конечного. Шеллинг модифицировал идею Канта-Фихте, направив интуицию на познание эстетического аспекта абсолюта и природы. В этом был свой резон: как мы говорили выше, интуиция находится в той сфере духовной жизни человека, где художественное творчество и научное познание сливаются. У Шеллинга просматривается достаточно ясно даже тенденция отождествления интуиции с эстетическим воображением. Следующий представитель классической немецкой философии – Гегель – критически пересмотрел учение своих предшественников об интеллектуальной интуиции. Гегель, логицист и рационалист, говорил, что мироздание есть феноменология абсолютного Духа. Все, что в духе не рационализировано и не имеет логику, остается в зоне предельной абстрактности. Первый же шаг конкретизации Абсолютной идеи есть логическая упорядоченность, высшая форма которой выражается в диалектике – генетической конкретизации понятий, охватывающей все категории и онтологии, и гносеологии, и социальной жизни.

Неопределенной интуиции отводится маленькая роль «хитрости ума» в рамках двух парных категорий диалектики – необходимости и случайности.

XX век привнес много интересного в философию интуиции: Гуссерль с феноменологией интуиции, Бергсон с творческим интуитивным потоком, Фрейд со своей школой подсознательной интуиции. Общим для всех является констатация факта, что интуиция вдруг и сразу дает законченное истинное знание без предварительных этапов размышления, накопления фактов, без их экспериментального анализа и т.д. Природа интуиции мистифицируется, приобретает оттенок иррациональной чувственности, иногда даже сливающейся с религиозным откровением. Адепты этих традиций имеются и в современных философских школах экзистенциализма, неопозитивизма.

Сторонники этих философских течений в интересующей нас теме совершают, на наш взгляд, ту же принципиальную ошибку в оценке интуиции, что и мудрецы Древнего Востока: они преувеличивают ее самостоятельность.

Современные западные философы отдают интуиции целые пласты бытия (дионисийский поток у Ницше, творческий поток у Бергсона и т.д.), где она господствует одна и безраздельно. Схема заимствована из Средневековья: божественный (сакральный) мир, постижимый лишь в интуиции веры, и тварной (профанный) мир, доступный познанию с помощью конечного человеческого ума. На наш взгляд, интуицию нельзя отрывать от дискурсивного мышления. Они неразрывно связаны, хотя и обладают относительной собственной спецификой. Интуиция может возникать лишь там, где есть дискурс, и наоборот: дискурс возможен на нерелексируемом и невербализуемом фундаменте интуиции.

Но вопрос, как можно получить завершенное истинное знание без процесса познания, остается открытым.

Ещё Гегель критиковал точки зрения, где утверждается возможность внерассудочного и внеразумного постижения тайн абсолюта.

Интуиция, как и дискурсивное мышление, является, по его мнению, результатом длительного и сложного развития духа как движения в понятиях⁴⁰. Содержательная критика Гегелем мистического и религиозного толкования природы интуиции сохраняет силу и сегодня. Интуиция подсказывает важные звенья теории, но этим она не избавляет нас от необходимости доказательства ее положений и выводов, - считает А.М. Минасян [105, 270]. Для того, чтобы возникло внезапное интуитивное решение задачи, необходимы рассмотренные выше предпосылки, без которых никакая интуиция в голову не придет. Кроме этого, даже тогда, когда та или иная проблема решена интуитивно, полученное решение требует опытной проверки, экспериментального подтверждения. Лишь после этого, результаты интуиции становятся элементами научных знаний. Интуиция как бы дает готовый ответ, напоминающий ответ в конце учебника. Все пропущенные звенья требуется восстановить опытным, дискурсивным путем. Интуиция переходит от факта к факту без связывающих звеньев. Но после получения интуитивного ответа на вопрос необходимо эти звенья воссоздать, все пропуски заполнить или восстановить. Без этого этапа теория не получается, ибо быстрая интуиция дает «сырые» знания, несовершенные как по содержанию, так и, особенно, по форме. Это делает интуитивные знания ненадежными, сомнительными. Чтобы включить их в научный обиход, требуется логическая обработка. Отсюда еще одно требование к истинности интуитивных знаний: они должны, во-первых, быть доступными рациональной логической проверке, во-вторых, не противоречить теориям, построенным обычным дискурсивным способом.

«Таким образом, – считает А.М. Минасян, – при последовательном диалектико-материалистическом анализе проблемы интуиции выясняется, что интуиция, понимаемая как особая способность, вне мышления невозможна. Она есть само мышление, а современное научное мышление есть в сущности

---

⁴⁰ Минасян А.М. Диалектика как логика: Учебник. Ростов-на-Дону: РИСИ, 1991, с. 267.

разумная дискурсивность, которая реализуется в понятиях, суждениях и умозаключениях и во всех других формах мышления»⁴¹.

Рассмотрение интуиции показало правильность выводов предшествующих параграфов работы: современное познание, как естественнонаучное, так и социально-гуманитарное, не может ограничиваться лишь научным познанием. Оно должно быть для полноты истинности знаний дополнено ненаучными (донаучными и вненаучными) видами познания, в том числе всеми формами интуитивного.

Истинность интуиции, как и истинность дискурсивного мышления, входит в единый гносеологический процесс, обеспечивает нашу жизнь, но остается для нас нерелексированной и невербализированной.

Истинность знаний определяется их адекватностью объективной действительности. В силу этого истина всегда конкретна. Абстрактность истины в том, что она не исчерпывает всей гносеологической полноты бытия знания. На этом основывается разграничение между относительной и абсолютной истинами⁴². Категория истины связывает познание и бытие в единый гуманитарный узел. Интуиция включает в это единство глубинные основания духовной деятельности, рефлексивно остающиеся не актуализированными.

Когда мы говорим о различии относительной и абсолютной истины, то речь идет о теоретическом уровне познания, а не о констатации фактов, например, что Л.Н. Толстой – великий русский писатель или что сегодня не существует короля Франции.

Абсолютная истина – это знание закона и всех условий его выполнения. Такое знание не опровергается последующим развитием науки и подтверждается жизнью. Эта трактовка совпадает и с наиболее распространенным пониманием абсолютной истины как предельного и

---

⁴¹ Минасян А.М. Диалектика как логика: Учебник. Ростов-на-Дону: РИСИ, 1991, с. 271.

⁴² Нарский И.С. Проблема истины и истинности // Диалектическое противоречие и логика познания. М., Наука, 1969, с. 166.

исчерпывающего знания об объекте. Если мы знаем закон бытия объекта и условия осуществления этого закона, то неизведанными остаются лишь второстепенные детали, не играющие решающей роли. За законом бытия вещи и условий реализации этого закона уже ничего существенного для познания нет. Интеллектуальная интуиция в силу нерасчлененности ее знания, из-за отсутствия дробных частей выступает всегда как абсолютная – законченная, раз и навсегда данная и определенная – истина.

Если заняться игрой категорий, то к любой относительной истине применим эпитет «абсолютная». Поскольку относительная истина имеет объективное предметное содержание, она всегда абсолютно относительна в том смысле, что знание, даже адекватное предмету, не может полностью исчерпать объект, способом существования которого является движение. Динамика объекта позволяет говорить лишь о знании его неизменной сущности или о знании его в каком-то определенном этапе движения (развития). С этой точки зрения, любое истинное знание всегда абсолютно относительно, и его развитие есть наращение абсолютных моментов.

Наиболее ярко это видно в истории конкретных наук, где каждая новая теория, отрицая предшествующую, одновременно сохраняет все ее позитивные достижения. Генетическая преемственность представлена как качественно дискретные и относительно самостоятельные блоки.

Существует и другое мнение относительно деления истин на абсолютные и относительные. Например, А.М. Минасян считает, что такое деление совершенно неправомерно, всякая истина есть точное знание, адекватное отражение предмета; следовательно, неточное, неадекватное отражение предмета не есть истина. Вот почему на пути «точного» и «неточного» невозможно находить отличия между абсолютной и относительной истиной⁴³.

Выше мы неоднократно говорили о том, что лишь истинные знания

---

⁴³ Минасян А.М. Диалектика как логика: Учебник. Ростов-на-Дону: РИСИ, 1991, с. 379.

служат гарантом прогрессивного развития социума. Поэтому очень актуальным является вопрос о гарантиях истинности знания. Как отличать истинные знания от заблуждений и ошибок? На сегодня есть множество критериев истинности знаний – логические, практические, интуитивные. Но единого, принятого всеми философами всех школ и направлений, нет. Поиск общего, универсального и полного набора критериев истинности человеческих знаний продолжается.

В начале своей истории рационализм Нового времени в качестве критериев истины предлагал ясность и отчетливость мыслимого. Этот критерий хорош тем, что он одинаково подходит как для дискурсивного, так и для интуитивного знания. Ясность и отчетливость подходит даже более для интуитивного познания, чем для рационально-логического. Но ирония истории в том, что Декарт этот критерий выдвигал как раз в противовес критериям истины теоцентричной средневековой философии, против интуиции веры, против истин, добываемых путем религиозной интуиции. То, что ясно Богу, должно быть ясно и человеку – таков скрытый пафос этого критерия. Вслед за Сократом, который еще в античности требовал ясного и четкого определения понятий, Декарт выдвигает идею, что понятое ясно и отчетливо есть истинное знание предмета. Если мы достигли ясного и отчетливого знания о предмете, то мы знаем, каков он на самом деле. Такое требование к познанию привело к пересмотру дедуктивного определения истинности человеческого знания, принятого в теоцентричной средневековой философии. Но в декартовском критерии истинности есть свои уязвимые места. Этот критерий не гарантирует надежности. Ясность и отчетливость субъективно относительны. Что ясно и отчетливо для одного человека, то может быть далеко не ясным и отчетливым для других. Требуется найти еще один критерий, теперь для определения ясности и отчетливости. При всей субъективной привлекательности и оправданности в борьбе со средневековой схоластикой, этот критерий очень ненадежен. Нужен критерий более прочный и общезначимый, чем просто

ясность и отчетливость для понимания гносеологического субъекта.

Попутно следует отметить, что общезначимость не означает соответствие мнению большинства. Конечно, если истинность каких-либо знаний признается большинством, вероятность их истинности повышается, но не гарантируется. В истории человечества было множество периодов, когда большинство заблуждалось, а меньшинство или даже один-единственный человек оказывался прав. Как известно, новое сначала доступно лишь немногим. Вопрос об истинности не решается простым большинством голосов, участвующих в дискуссии. Первооткрыватели находили мужество отстаивать свою правоту, даже оставаясь в одиночестве. Истинность как научных, так и ненаучных истин голосованием не решается. Несостоятельность общезначимости как критерия истинности наиболее ярко проявляется не в дискурсивном мышлении, а в интеллектуальной интуиции, которая предельно индивидуализирована, персонифицирована. Интуитивные открытия единичны и уникальны. Они становятся общезначимыми после их опытной (практической) верификации, о которой говорилось выше. Однако абсолютизация практического опыта, полезности как критерия истины тоже является односторонним определением истинности человеческих знаний. Современный прагматизм выдвигает на первый план узкоутилитарный аспект истины. «Истиной, – по У. Джемсу, – прагматизм признает то, что лучше всего «работает» на нас, ведет нас, что лучше всего подходит к каждой части жизни и соединимо со всей совокупностью нашего опыта, причем ничего не должно быть упущено»⁴⁴. Материализм, признавая в качестве критерия истинности знаний их полезность, однако, предостерегает от отождествления полезности с практической подтвержденностью. Не все, что полезно, сразу может быть использовано в практике, приносить практическую пользу. Но и не все, что полезно кому-то или группе людей, может быть истинным с точки зрения философской

---

⁴⁴ Диалектика познания. / Под ред. А.С. Кармина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.

гносеологии и научной эпистемологии.

Даже практика в качестве критерия истинности знаний не может быть абсолютизирована. Она не может гарантировать полностью истинность или ложность того или иного представления. Практика сама исторична, подвержена развитию, углублению на основе достижений науки и ненаучного познания и опыта.

Развитие науки и общественной практики приводит к тому, что они объединяются в целостную систему. При этом осуществляется также синтез чувственного и рационального, интуитивного и дискурсивного, опосредованного и непосредственного. На всех уровнях мышления (рассудочного и разумного) осуществляется единство интуитивного и логического. То есть можно говорить как о рассудочной, так и разумной интуиции. Не вникая в суть различий между ними, отметим, что для нас главный разделительный признак – методологический. Рассудок механистичен (метафизичен в гегелевском смысле), разум опирается на диалектическую логику.

И опираясь на эти суждения, А.М. Минасян делает вывод, что интуиция есть реально существующее и реально функционирующее непосредственно-опосредованное познание общественно-исторического человека⁴⁵.

Духовное и телесное бытие человека может соответствовать или не соответствовать нормам социальной (гуманитарной и гуманистической) жизни: политическим, правовым, этическим, эстетическим, научным, философским. И каждый человек, будь то самый обыкновенный обыватель, либо выдающийся ученый, либо деятель искусства, обладает мышлением: человек науки – научным, человек искусства – художественным, обыватель – обыденным (в хорошем смысле этого слова). Истинность бытия человека зависит от его полноты – и духовной, и телесной. Игнорирование какого-то компонента не

---

⁴⁵ Минасян А.М. Диалектика как логика: Учебник. Ростов-на-Дону: РИСИ, 1991, с. 268.

только обедняет бытие человека, но и искажает его. Так, пренебрежение к ненаучным формам познания и абсолютизация лишь научного познания лишает человека огромного массива познавательных способностей и знаний о себе и о мире, в котором он живет.

И как уже было сказано в первой главе, интуиция является одним из способов и форм не только научного творческого мышления, но и других форм ненаучного познания. Без нее не обходится ни одно более или менее крупное научное открытие или акт творчества, созидания, т.е. «интуиция, понимаемая как особая способность, вне мышления невозможна, и она есть само мышление, которое реализуется в понятиях, суждениях, умозаклучениях и во всех других формах мышления»⁴⁶.

Завершаем параграф повторением уже высказанной мысли о том, что для полноты познания и бытия человек должен использовать как научное познание, так и ненаучное. Такое единство способно обеспечить истинность его духовного и телесного бытия.

2.3. «Глупость» и «мудрость» обыденного и научного мышления (на материале работы Э. Роттердамского «Похвала глупости»)

Существующее сегодня предельное доверие рациональному знанию возникло не сразу. Было время, когда предпочтение отдавалось знаниям, получаемым не деятельным (практическим) путем, а созерцательно. Вся античная мудрость построена на созерцательном фундаменте. Активность субъекта возникнет позже, в средние века. Но не как практическая деятельность по преобразованию и познанию мира, а как субъективное напряжение, как воля, как вера и любовь к Богу. Лишь в Новое время активность субъекта принимает осознанную форму предметного вмешательства человека в дела природы.

На смену созерцательному и психологическому субъекту приходит

---

⁴⁶ Там же, с. 271.

практический субъект познавательной и трудовой деятельности. С этого периода научное познание становится приоритетным и доминирующим. В XVI веке у истоков формирующейся эпистемологии возникает тема, которая потом уйдет в область ненаучного знания. Эта тема – глупость. Понятие «глупость» ныне относится к области обыденного, а не научного сознания. Наука предпочитает пользоваться категориями «истина» и «ложь», иногда, в особенности в области социального познания, используются понятия «ошибка», «заблуждение», «обман»⁴⁷. «Глупость» становится термином здравого смысла. Рассмотрим подробнее тот период времени, ту эпоху, когда многие понятия *bon sens* проходили экспертизу философской рефлексии. Наибольшую известность и мировую славу получила работа Эразма Роттердамского, посвященная рассмотрению глупости.

Термин «глупость» не зарегистрирован ни в философском, ни в энциклопедическом словарях, тем самым исключается понимание глупости как некоего философского понятия. Словарь русского языка С.И. Ожегова даёт дефиницию прилагательного «глупый»: «1. С ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый. Глупый человек. 2. Не обнаруживающий ума, лишенный разумной содержательности, целесообразности. Задать глупый вопрос. Глупая статья. Глупое поведение». Термин «глупость», таким образом, попадает в сферу филологии, а точнее, лексикологии – науки, занимающейся словарным составом языка, значениями слов. Иллюстративное определение прилагательного «глупый» объясняет его употребление в обыденном, житейском смысле. Слово «глупость» существует во многих языках мира, возможно, во всех; следовательно, можно говорить о глупости как явлении человеческой жизни, как об атрибуте человеческого поведения. Такое утверждение не может вызвать споров, так как с примерами

---

⁴⁷ Истины: Изречения персидского и таджикского народов, их поэтов и мудрецов / Пер. Н. Гребнева. М.: Наука, 1968.

неадекватного поведения людей мы встречаемся во всех сферах общественной жизни. Глупость – свойство не только жизни, но и гносеологии. В последнем качестве она подвергается «экспертизе» категорий «истина» и «ложь».

Наш мир – это стройная система, в которой все взаимосвязано и объяснимо, утверждают физики и социологи. Ещё римский философ Л. Кар замечал, что из ничто ничего не происходит и ничего не исчезает в никуда. Но сколько загадок, нераскрытых тайн еще ждут своего звездного часа, чтобы быть разгаданными, среди них немало таких, которые отрицательны в системе оценок человека.

Жизнь человека проходит определенные этапы в своем развитии: рождение, детство, отрочество, молодость, зрелость, старость и смерть. Но разве можно описать и объяснить все, что случается на каждом этапе? Почему, несмотря на законы развития, судьбы у людей разные? И если человек называется разумным, каково происхождение глупости? Зло она или благо для человека?

В XVI веке Эразм Роттердамский взял в руки перо, чтобы написать о глупости. Во многом это объясняется личностью писателя и временем, в которое он творил.

Родился Роттердамский в 1469 году в Нидерландах, городе Роттердаме, о чем свидетельствует его фамилия. Полное его имя Дезидерий Эразм Роттердамский. Дезидерий в переводе с латинского означает «желанный», хотя желанным ребенком он не был, так как родился незаконнорожденным. Поэтому его отправили в монастырь, где Эразм получил начальное образование. Ему пришлось стать монахом из-за отсутствия средств к существованию. В возрасте 20 лет он уезжает из монастыря, чтобы никогда сюда не возвращаться. Он добивается приглашения сопровождать в поездке по Италии епископа Камбрийского в качестве хорошо владеющего латынью секретаря. Поездке этой не суждено было состояться, но, оставаясь в доме епископа, Эразм, как пишет

Стефан Цвейг в книге «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского», «оттачивая свои манеры, совершенствуя знания, не подозревает, что уже начал великий поход своей жизни против невежества, глупости и ссылающегося на традицию высокомерия»⁴⁸.

Затем Роттердамский убеждает своего покровителя в необходимости продолжения образования в Сорбонне, чтобы совершенствоваться в богословии. Получив очень незначительное денежное пособие, молодой человек отправляется во Францию. Так начинаются его путешествия по миру. Он побывал во Франции, Германии, Италии, а остаток жизни провел в Швейцарии, в городе Базеле.

Эразм Роттердамский производит впечатление самодостаточного человека, не стремящегося найти и создать дом, семью, как-то устроиться, осесть в каком-то месте. Он хотел быть, как писал в одном из своих многочисленных писем, «гражданином мира», не принадлежащим никому и никакой стране. Он был кабинетным ученым, погруженным в чтение латинских и греческих текстов; тишина, уединение кажутся его лучшими и единственными спутниками.

Образованнейший человек своего времени, посетить которого в Базеле и засвидетельствовать свое почтение считалось честью, истинный интеллигент, он не выставлялся напоказ, был слишком самостоятелен и независим. Эразм был символом эпохи, «символ самых сокровенных духовных стремлений», «символ неудержимо действующего разума»⁴⁹. Сидя в тиши кабинета и изучая античных авторов, он зорко следил за тем, что происходило вокруг.

А в мире – Возрождение, подошедшее к зрелому этапу в Италии и только начинающееся в Германии. Это было время гуманистов, передовых ученых, общественных деятелей, философов, литераторов, возвышающих человека,

---

⁴⁸ Crimaldi A. «Senso e problema del mistero come superamento interno della filosofia» //Filosofia–Torino, 1996, с. 64.

⁴⁹ Там же, с. 131.

рассматривающих явления современной им действительности с точки зрения человеческих интересов.

«...Человек шестнадцатого столетия, – пишет Стефан Цвейг, – начал ощущать себя уже не малой безвольной пылинкой, что, как росы, жаждет божественной милости, а центром происходящего, средоточием силы; из смирения и угрюмости рождается вдруг новое самоощущение, то самое чувственное и бесконечное упоение своим могуществом, которое мы охватываем словом «Ренессанс», а наряду с духовными пастырями, на равных правах с ними выступают учителя духа, наряду с церковью – наука... рождается новое, вопрошающее (человечество) и исследующее с тем же религиозным пылом, с каким прежде верило и молилось»⁵⁰.

Роттердамский принадлежит к гуманистам так называемого Северного Возрождения. Считается, что гуманисты в Германии были лишены революционного пафоса, они скорее заняты решением богословско-кабинетных вопросов, во всяком случае это характерно для периода до Реформации. Немецкие гуманисты скорее идеологи, чем деятели.

Большое влияние на Эразма Роттердамского оказало знакомство с Томасом Мором и Джоном Колетом, представителями английского гуманизма. Кстати, последний был достаточно критически настроен против католической церкви.

Позднее Роттердамский будет критиковать невежество и схоластику церковников, но открыто выступать против церкви не будет. Такая критика имеет под собой основание, так как римско-католическая церковь XIV–XVI веков была коррумпирована и бюрократизирована. Но без религии, без духовной жизни нельзя представить Европу эпохи Ренессанса. Интерес Роттердамского к религии был весьма глубок, тем более что он получил богословское образование, и выразился в его подробном изучении Священного

---

⁵⁰ Там же, с.56.

писания и переводе Нового завета на латинский язык. Этот перевод, считающийся филологически точным, заменил ранее существовавший вариант Иеронима, так называемую Вульгату, содержащую многочисленные ошибки. Критическое издание Эразма сильно расшатывало позиции господствующей церкви.

Роттердамский говорил о том, что Писание должно быть прочитано простым народом, так как оно является руководством к нравственному существованию, «... в нем открывается божество человеку, и всякий раз заново, лично, индивидуально»⁵¹. Познакомившись с Писанием в полном виде, человек будет вести благочестивый образ жизни (в понятие благочестие включается «благоговение перед богом и Писанием, незлобливость, милосердие и долготерпение»⁵², так как в Писании заключена истина, особенно в Новом Завете с его моральной направленностью.

Но Библию нужно уметь читать, чтобы понять ее истинное содержание. И богословы Средневековья как раз и занимались истолкованием основных и неосновных положений Священной книги.

В эпоху Возрождения пробуждается интерес к наукам, научному познанию мира, и, естественно, новое мировоззрение вступает в противоречие с давно установленными церковными догматами. Конфликт между верой и знанием, возникший еще в раннем Средневековье, формирует мнение, что Священное Писание недоступно человеческому уму и что оно готовит человека не к сегодняшней жизни, а к посмертному существованию. Бог имперсонифицирован, его деятельность непостижима. Эразм же считает, что результаты деятельности Бога могут быть поняты человеком, стремящимся к знаниям, и Библия становится не просто Писанием, а философским произведением, ориентирующим человека на добродетельную жизнь. Усилия

---

⁵¹ Нарский И.С. Проблема истины и истинности // Диалектическое противоречие и логика познания. М., Наука, 1969, с. 153.

⁵² Там же.

Эразма Роттердамского направлены на то, чтобы заполнить истины Библии земным, доступным человеческому пониманию содержанием. Трансцендентные богоданные истины должны стать истинами человеческого бытия и разума.

Таким образом, Эразм примиряет веру и знания, называя их обоих добродетельными. И, следовательно, нравственность человека зависит от его интеллектуального уровня. Знание, получаемое, а лучше добытое человеком, делает его чище, светлее и порядочнее. Апостол Павел, которого Эразм считал своим союзником-единомышленником, говорит о «вдохновляющей» силе знания. Мыслители Нового времени для укрепления веры в силу человеческого научного знания взывали к авторитету библейских персонажей.

Мысль, что знание – сила, проходит красной нитью по эпохе XV–XVI веков в Германии, как и немного ранее в XIII–XIV веках в Италии.

Гуманисты выступают против формальной, и бездушной, и темной, и давящей официальной религии. В конце XIV века в Нидерландах зарождается религиозное движение, получившее название «новейшее благочестие». Религия понимается как что-то личное и глубоко нравственное. Догматы религии, которые не редуцируются до понятных человеческому разумению положений, должны были войти в нашу жизнь как истины вненаучные, но полезные, нужные, добродетельные. В форме «двойственной истины» осуществлялось не только разведение в разные стороны науки и религии, но и установление права на существование и научных, и вненаучных знаний.

Официальная религия выработала особые обряды, организовала службу для контролирования сознания верующих. Методы, используемые для этого, часто были тоже не совсем «научные». «Страх божий» нагнетался не только силой догматов, но и обычным физическим насилием. Внушить страх ненаучными средствами и методами считалось более эффективным. Сила убеждения иногда явно уступает убеждению силой даже в начале третьего тысячелетия.

Своеобразным ответом на официальную трактовку Библии стало «Оружие христианского воина», написанное Эразмом Роттердамским в 1501 г.

«Человеческая жизнь, – как пишет Эразм в этой книге, – не что иное, как непрерывная борьба, и простые люди, души которых мир-обманщик улавливает обольстительнейшими забавами, сильно заблуждаются»⁵³. Отметим, что заблуждение здесь не результат некорректности процедур познания, а результат волевого выбора. В исследуемом нами плане получается, что речь у Эразма Роттердамского идёт о волевом заблуждении, о чувственно-психическом заблуждении. Далее он пишет: «...Кто примирился с пороками, тот нарушил закон, торжественно заключенный с богом при крещении»⁵⁴. Настоящий христианин, или «христианский воин», как называет Эразм верующего, должен вести нравственную жизнь, бороться с искушениями и пороками особым оружием, так как все зло тоже вооружено против нас и выступает стройными рядами. Но вооружать мы должны не тело свое, а душу. Так оружие из военной терминологии переходит в область моральную. Оружием, которое может защищать от всех грехов, выступают молитва и знание: «Чистая молитва ведет чувства на небо, словно в крепость, непреступную для врагов; знание укрепляет ум спасительными помыслами, так что не следует лишаться ни того, ни другого»⁵⁵. Если вынести за скобки религиозный аспект, то ясно видна мысль Эразма Роттердамского, что жизнь человека не исчерпывается одними знаниями (в том числе и научными, добавим от себя), в жизни человека очень много значимых моментов, без которых даже энциклопедически образованный и очень рассудочный, мудрый человек будет неполноценным, однобоким и односторонним, а в целом – несчастным.

Эразм советует изучать Библию, размышлять над ней, читать толкования древних авторов, так как их работы более соответствуют священной букве

---

⁵³ Соловьев В. Русский космизм. М.: Педагогика–Пресс, 1993, с. 90.

⁵⁴ Там же, с. 92.

⁵⁵ Там же, с. 98.

Писания. Для начала же он предлагает ознакомиться с сочинениями античных авторов, например Гомера, Вергилия, чтобы быть готовыми к восприятию священных истин. Из философов античности Эразм особенно рекомендует Платона с его миром идей и категорий блага.

Высшим благом для Эразма является покой. Его «дарует» только Христос, «а мир сей не может дать покоя»⁵⁶. Чтобы достичь этого покоя, необходимо бороться со своими пороками, «скопище» которых стоики называют глупостью. А мудрость – это Иисус, «свет истинный, который один рассеивает ночь в мирской глупости»⁵⁷. Настоятельно обращаем внимание на то, что глупость в данном контексте вовсе не противоположность истинных знаний, вовсе не синоним лжи, ошибки или заблуждения. Глупость рассматривается не в гносеологическом аспекте, а в онтологическом. Глупость – состояние, характеризующееся определенными характеристиками. Она есть скопище пороков, которое лишает человека не только земного счастья (праведности), но и ещё обрекает на вечные муки. Когда говорят «истинная глупость», речь идёт именно об онтологической истинности глупости, о том, что она соответствует своей вышеназванной сущности. Как видим, онтологическая истинность может быть применена к общественным явлениям, которые представляют собой объект не научного, а обыденного сознания.

Противоположностью онтологической глупости является такая же онтологическая мудрость, отражаемая опять-таки не в понятиях науки, а религиозного обыденного сознания.

Мудрость Христову, пишет Эразм Роттердамский, «сопровождает скромность и кротость. Кротость даёт нам способность воспринять божественный дух»⁵⁸. А начало этой мудрости – в познании самого себя, это звучит как повторение основного тезиса Сократа, одного из любимых

---

⁵⁶ Там же, с. 107.

⁵⁷ Там же, с. 108.

⁵⁸ Там же, с.109.

философов Роттердамского. Человек невежественен, но, признавая свое незнание, он стремится к учению, тем самым, к добродетели. Мудрость – не совокупность научно выверенных знаний, а элемент бытия человека. И та мудрость онтологически истинна, которая соответствует скромности и кротости. Мудрость, отклоняющаяся под воздействием внешних или внутренних обстоятельств от этих характеристик, не соответствует «норме», «сути», «природе» или «закону» мудрости, т.е. не является истинной. Такая мудрость, как и рассмотренная выше глупость, является категорией не гносеологии, а онтологии и отражается также в понятиях вненаучного обыденного сознания. Попутно заметим, обыденное сознание не нуждается в научной проверке своих истин. Его достижения могут быть истинными вне контекста науки. Истины обыденного сознания подтверждаются и проверяются не научными процедурами, а традициями, обычаями, авторитетом старейшин, преданий или догматов веры. Сила красоты и общественного мнения тоже могут служить критерием истинности представлений здравого смысла. Вопрос, нужны ли такие ненаучные истины человеку, – риторический. Ответ ясен и очевиден опять-таки без научных доказательств.

Эразм представляет человека «неким странным животным, состоящим из двух или трех чрезвычайно разных частей: из души (anima), как бы некоего божества (numen) и тела – вроде бессловесной скотины»⁵⁹. Если бы человеку не было дано тела, то он был бы божеством, а если бы «не был вложен ум (mens), то он был бы скотом», продолжает Роттердамский. Низменные страсти коренятся в теле, дух представляет богоподобное начало в человеке, душа – их связующее звено, подверженное воздействию как низменной телесности, так и божественной духовности.

Человек может приблизиться к Богу, поборов низменные страсти. Роттердамский приводит некоторые правила, необходимые и полезные каждому

---

⁵⁹ Там же, с. 111.

«христианскому воину» для борьбы со страстями и пороками. Истинность этих правил тоже определяется ненаучными способами. Они – из сферы обыденного сознания. Но это вовсе не умаляет их важности и значимости в жизни человека.

Эразм систематизирует христианское вероучение, называя его «философией Христа». Христос для Эразма – фигура историческая, он герой новой, возвышенной моральности. И как истинный гуманист, Роттердамский, веря в господство высшего начала в человеке, поднимает его до божественных высот. В сборнике пословиц «Адагии» Эразм словно поет песнь человеку: «Человек – поистине венец творения, самое прекрасное на земле божье создание, единственное из всех, кому открыт путь к вечному блаженству. Среди всех существ лишь человек по природным своим задаткам расположен к миру и взаимному благожелательству. Одного лишь человека Природа произвела нагим, слабым, нежным, безоружным, с такой тонкою кожей. Нет в его теле ничего, что было бы предназначено для битвы или насилия... И наружностью Природа наделила его не мрачной и не устрашающей, как остальных существ, а кроткою и смирною, с явственными приметами любви и доброжелательности ... Дала руки, обнимающие и прижимающие к сердцу. Дала чувство поцелуя, в котором как бы соприкасаются и соединяются души ... Одного лишь его одарила Природа речью и рассудком, которыми, в первую очередь, и приобретает и сохраняется взаимное расположение... прибавило страсть к ученым занятиям и жажду познания... Наконец, заронила искру божественного разума, чтобы человек, и без видов на вознаграждение, радовался, творя добро всем подряд. В этом мире бог поставил человека словно бы неким своим подобием, дабы он, словно некое земное божество, заботился о всеобщем благополучии... Человек – это последнее прибежище для всего творения, святейший алтарь и священный якорь»⁶⁰. Здесь нет ни одной научно доказанной истины. Но все верно и все прекрасно. Все аргументировано и доказано

---

⁶⁰ Там же, с. 170.

методами и способами обыденного сознания (здорового смысла).

Человек – прекраснейшее существо, наделенное разумом. Но почему ведет себя он неразумно и почему существует войны, раздоры, споры, преступления? Ответ Эразма Роттердамского обыденно верен и прост: дело – в глупости людской.

Эразм неудовлетворен и не одобряет современное ему status quo эпохи. Ему уже за 40, и он видит, как мало власти имеет разум над явлениями, происходящими на его глазах. И как человек, обеспокоенный несправедливостью и неразумностью, он критикует существующие порядки. Для этого Эразм прибегает к сатире, мощному оружию, используемому писателями еще с античных времен.

Сразу отметим, что сатира в науке не является критерием истинности. А в сфере ненаучного мышления насмешка, юмор, колкость, сатира – все критерии неистинности, ложности, глупости, неумности, некрасивости, бестактности, недобрости, бессердечности и т.д.; они доказывают бытийную негативность чувств, мыслей, слов и дел. Если острят, насмеваются, потешаются, язвят, – значит, ты не прав, значит, сделал что-то асоциальное, противное добру, истине и красоте. Доказательством того, что поступок, слово, мысли или чувства являются частью глупости, служит возможность посмеяться над нами.

В 1509 году по дороге в Лондон Эразм Роттердамский начинает писать «Похвалу Глупости» и заканчивает ее в доме Томаса Мора, которому это произведение и посвящается. Издано оно было в 1511 году, затем переиздано еще 40 раз при жизни писателя, регулярно издавалось в течение последующих веков и не утратило своей популярности в наши дни.

Написана «Похвала Глупости» на латинском языке, звучащем легко и непринужденно. Прекрасный слог можно почувствовать даже в переводах. Эразм Роттердамский считался блестящим знатоком латыни, он довел античный вариант до изящества и совершенства. В XV–XVI веках латынь была

международным языком общения в Европе.

Это сатирическое произведение характерно для эпохи предреформации, когда недовольством были охвачены широкие слои населения. Эразм опирается на античную литературу, пестрящую описаниями человеческой глупости. Большое влияние на Эразма оказал также «Корабль дураков» (1494 г.) немецкого писателя Себастьяна Бранта – произведение, открывшее новое течение в литературе, так называемую «Литературу дураков».

Дурачество, глупость, шутовство как литературное явление характерно для Средних веков, для народной литературы: это шванки в Германии, занимательные рассказы о ловкачах, смекалистых и озорных людях, фаблю во Франции. Позднее эта традиция перекочевала в Англию и стала характерным явлением в Центральной Европе. В интересующем нас плане это примеры истин обыденного, или шире – ненаучного мышления. Здесь свои каноны и свой орган, которые, как мы видим, принципиально отличаются от принципов, законов, методов, критериев, средств научных экспериментов и научных логических доказательств. Здесь всё имеет свою специфику, отличную от научного исследования: и в принципах, и в методах, и в критериях. Далее мы ещё раз в этом убедимся.

«Похвала Глупости» по своей композиции является примером декламации, ораторского искусства. Это монолог, заранее не подготовленный, как указывает оратор, произнесенный Глупостью во славу себе. Глупость, или Стультиция по-латыни, или Мория по-гречески, произносит панегирик самой себе и доказывает, какое значительное место она занимает в современном мире. Это позволяет писателю показать всю структуру общества, все его сословия.

Глупость не обижается, что ей не приносят жертв и не воздвигают храмов, как другим богам. «Зачем мне храмы, – спрашивает Глупость, – если весь круг земной – мой храм...». И она считает, что ей «воздвигнуто столько статуй, сколько есть на свете людей, воспроизводящих вживе ее образ, хотя бы и

вопреки своей воле»⁶¹. Вот пример одного из методов проверки достоверности, наличности, онтологической истинности положения *bon sens*. Не экспериментальная повторяемость, как в науке, делает некий объект предметом обыденного мышления, а наличие «жертвоприношений и храмов» в прямом и переносном смысле. Вычисление предмета как факта ненаучного мышления производится совсем иначе, чем в науке. То, к чему люди привязаны, то, чего боятся, что уважают, любят или ненавидят, то, с чем связаны их чувства, мысли, слова и дела, – всё становится фактом здравого смысла.

Посмотрите на купцов: они «ставят себе самую гнусную цель и достигают ее наигнуснейшими средствами: вечно лгут, божатся, воруют, жульничают, надувают и при всем этом мнят себя первыми людьми в мире потому только, что пальцы их украшены золотыми перстнями»⁶². Ссылка на «ходячие мнения» в обыденном сознании – аргумент, а в науке истину голосованием и большинством голосов не устанавливают. В ненаучном сознании чаще всего что принято большинством, то и истинно. Заметим: какое-либо мнение, взгляд, точка зрения с позиции науки могут быть тысячу раз ложными, но это ни на гран не поколеблет прочной истинности в системе координат здравого смысла. В обыденном сознании тысячи благородных истин, которые с точки зрения науки совершенно ложны. Например, такая истина *bon sens*, как «дыма без огня не бывает». И скажите, что это не так!

Другая разновидность человеческой глупости воплощена в несчастных грамматиках, корпящих над учебниками всю жизнь и мучающих детей, заставляя их учить и различать части речи. Они считаются мудрецами, но Эразм называет их или глупцами, или безумцами, так как их деятельность не имеет смысла. Каждый из нас в день совершает сотни и тысячи бессмыслиц, чаще ясно и точно это понимая. Глупость в этом смысле права. Каждый из нас – храм

---

⁶¹ Соловьев В.С. *Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство, 1991, с. 101.

⁶² Там же, с. 105.

глупости.

Поэты, ораторы тоже принадлежат к партии Глупости, так как «ласкают уши глупцов разной чушью и нелепыми баснями»⁶³ [148, 109]. Те же, кто старается писать по-ученому, тратя годы на свои сочинительства, достойны скорее сожаления, потому что губят свое здоровье и молодость. Тех, кто пишет, не задумываясь, то, что придет в голову или присваивает себе чужие труды, Глупость называет смышлеными. Вот ещё один критерий истин обыденного сознания: нужно человеку – значит, нужно, если даже научно доказана его вредность. Капля никотина убивает лошадь, это знают все курящие.

Работа правоведа кажется наитруднейшей: они стараются произвести впечатление трудяг, перебирая тома законов и пересыпая свою речь юридической терминологией, не заботясь о том, имеет ли она отношение к рассматриваемому делу. Истинным для здравого смысла является то, над чем не разгибая спины трудятся многие, хотя с точки зрения науки от этого никакой пользы нет. Обыденное сознание уважает не только результат труда, но и сам труд, даже если он безрезультатный.

Софисты и диалектики сварливы и упрямы: «заучив два-три силлогизма, они, не колеблясь, вступают в бой с кем угодно, по любому поводу»⁶⁴ [148, 115]. Вненаучное мышление с особым почтением относится к словесному мастерству. Красиво сказать – сказать истину. «Полцарства за коня!» В обыденном сознании – это бесспорный эквивалентный обмен, но только не в научной экономике.

Философы считают только себя мудрецами, они ни в чем не сомневаются, как будто бы познали все тайны природы. Но в науке нет ничего достоверного, и «природа посмеивается... над всеми их догмами»⁶⁵.

Величавость и таинственность – тоже весьма солидные аргументы и

---

⁶³ Там же, с. 109.

⁶⁴ Там же, с. 115.

⁶⁵ Там же, с. 116.

доказательства истинности положений обыденного сознания. Здесь наиболее ярко видна противоположность научного и вненаучного познания. Наличие тайны в науке – признак познавательной неудачи: что-то осталось нераскрытым и непонятым. А в обыденном сознании тайна явно свидетельствует о значимости, о важности, о полезности, о правильности внимания к этому непонятному явлению, процессу или объекту.

Глупость хотела бы обойти молчанием богословов, так как это «ядовитые растения»⁶⁶, люди спесивой и раздражительной породы. Богословы могут легко обвинить человека в ереси за неверное толкование Писания. Но посмотрите, на обсуждение каких вопросов они тратят время: «Может ли Бог превратиться в женщину, дьявола, осла, тыкву или камень?.. Что случилось бы, если бы святой Петр отслужил обедню в то время, когда тело Христово висело на кресте?»⁶⁷.

Сами апостолы, искренне верующие в Святое писание, не смогли бы разобраться в вопросах, которые вызывают столько споров в среде богословов. Потому что последние занимаются не только толкованием Писания, они даже не стремятся постигнуть подлинный его смысл, а плетут теологические, лишённые всякого смысла хитросплетения. Именно богословы вырывают слова из Писания и толкуют их на свой лад. «Христос призывал своих посланцев забыть все мирское, чтобы они не только не помышляли о суме и обуви, но даже платье совлекли с себя и приступили нагие и ничем не обремененные к дарам евангельским, ничего не имея, кроме меча, – не того, конечно, которым действуют разбойники и убийцы, но меча духовного, проникающего в самую глубину груди и напрочь отсекающего все мирские помышления, так что в сердце остается одно только благочестие»⁶⁸. Ясно, что речь идет о реформации церкви, но толкователи понимают это послание как призыв к вооружению и проповеди христианского вероучения огнем и мечом.

---

⁶⁶ Там же, с. 117.

⁶⁷ Там же, с.118.

⁶⁸ Там же, с.165.

На этом примере Эразма Роттердамского мы видим возможность диалога и плюрализма мнений в обыденном сознании, которое, в отличие от научного, легко подвержено различным толкованиям, что в науке намного труднее. Научные знания более строги и определены, чем истины *bon sens*.

Далее подвергаются критике «монахи-пустынники», которые попадают навстречу во всех людных местах⁶⁹. Эразм критикует существование бесчисленных орденов, члены которых стремятся выделиться и отличаться от других внешними признаками, как-то: «шириной пояса, покроя и размерами капюшона»⁷⁰, забывая об исполнении единственной заповеди Христа – «закона любви»⁷¹. Они малограмотны или вовсе безграмотны и считают это высшей добродетелью. Рассуждают они о том, о чем не имеют ни малейшего понятия. Проповеди в их глазах, подчиненные законам декламации, абсолютно беспредметны, они втискивают в свою речь приемы риторики, не задумываясь, к месту ли повышение голоса или длительная пауза. Обыденное сознание легко уступает силе организованности. То, что приписывается организованной силе, что от неё исходит, обыденное сознание принимает без критики, для него они авторитетная убеждающая сила.

Эразм поднимается выше по иерархической лестнице и добирается до королей и вельмож. Короли стоят на самой вершине пирамиды власти, и их влияние велико, а пороки государя особенно опасны, так как они, «словно чума, распространяются среди его подданных»⁷².

Идеальный государь заботится об общественных интересах, он следит за исполнением законов, за «неподкупностью должностных лиц и судей»⁷³. Глупость отмечает, что государи понимали бы смысл и свой общественный долг, если бы обладали разумом. Следовательно, государи лишены последнего,

---

⁶⁹ Там же, с. 128.

⁷⁰ Там же, с. 129

⁷¹ Там же, с. 130.

⁷² Там же, с. 140.

⁷³ Там же, с. 139.

благодаря дарам Глупости, они «возлагают все заботы на богов, а сами живут в довольстве и веселии»⁷⁴. И окружают они себя соответственно людьми, поющими им дифирамбы. Вельможи, «как женихи Пенелопы», угождают и раболепствуют перед правителями. Онтологическая истинность глупости здесь определена функционально. То, что не выполняет своей функции, глупо. Самолет не летает, но считается самолетом – это глупость. Хлеб нельзя есть, но его продолжают продавать как хлеб – это глупость. Учитель ничему не учит детей, но получает зарплату как учитель – это глупость. Страна нищая, а продолжает утверждать, что она самая передовая – это глупость. И так далее.

Не меньше достается епископам, кардиналам и верховным первосвященникам. По пышности нарядов и искусству грабежа населения они даже превосходят монархов. Эразм говорит, что белоснежное одеяние означает беспорочную жизнь, но знают ли об этом сами священники? Что было бы, спрашивает Глупость, если бы папы «попробовали подражать жизни Христа, а именно бедности, трудам, учительству, крестной смерти, презрению к жизни... Сколь многих выгод лишился бы папский престол, если б на него хоть раз вступила мудрость?.. Пусть не мудрость даже, а хотя бы крупица той соли, о которой говорит Христос. Что осталось бы тогда от всех этих богатств, почестей, владычества, побед, должностей, диспенсаций, сборов, индульгенций, коней, мулов, телохранителей, наслаждений?... Их место заняли бы бдения, посты, слезы, проповеди, молитвенные собрания, ученые занятия, покаянные вздохи и тысячи других столь же горестных тягот»⁷⁵. То, что не выполняет свою функцию, для обыденного сознания ложно. Возможно, именно здесь имеют точку соприкосновения *bon sens* и наука. По крайней мере, они очень близко подходят друг к другу. В науке тоже ряд явлений на истинность проверяется через соответствие своей функции. Функциональное отношение в науке

---

⁷⁴ Там же, с. 140.

⁷⁵ Там же, с. 146.

приобретает даже статус закономерностей и законов.

Здесь обыденное сознание может говорить о своём определенном родстве с научным познанием.

Католическая церковь претендует на руководство народом, на спасение жизни верующих и на подготовку их к бессмертной жизни, сама же она погрязла в бесчисленных грехах и пороках. Чего стоит, например, продажа индульгенций, которые могут избавить от грехов даже самых злостных грешников и жестоких преступников. Можно согрешить, заплатить деньги, «очиститься» и начать грешить по-новому. Разве такая политика соответствует христианскому вероучению милосердия, покорности и добра? Несоответствие слова и дела – ещё один критерий истинности положений обыденного сознания, которое требует синкретичности: единства слов, чувств, мыслей и дел. Когда говорят одно, а делают другое – это глупость.

Самое тяжкое преступление против народов, за которое ответственны как государи, так и священники, – это войны. Война жестока, люди ведут себя хуже зверей в отношении друг к другу, она «разлагает нравы с быстротой моровой язвы»⁷⁶. Высшая заповедь Христа – возлюби ближнего своего – призывает к миру и согласию, но папы и государи стремятся к приобретательству, которое они оправдывают защитой Христовой церкви. А можно ли представить, чтобы от вооруженной борьбы появились хорошие христиане? И совершенно несправедливо, что от войны и её последствий страдают не те, кто ее затевает. Здесь мы сталкиваемся с антропологической основой обыденного (вненаучного) сознания, которое связано с жизнью. Оно обслуживает её, ибо порождено ею. Что противно жизни, то неприемлемо и ложно для обыденного сознания. То, что убивает жизнь, но продолжает считаться человеческим делом, – глупо. Война для обыденного сознания солдата всегда зло, уродство и ложь. Бесчеловечность – самая большая глупость.

---

⁷⁶ Там же, с. 149.

Ответственность за несправедливости Эразм возлагает на людей, обладающих властью. Во-первых, внедрение и проведение каких-либо изменений находится в их руках, они управляющие и ведущие. Во-вторых, как бы остро Эразм их не критиковал, в душе он понимает, что те же епископы, богословы – это образованнейшие люди. Какой смысл обращаться к темной, бесформенной массе, ведомой стадным инстинктом? Эразм склонен не подчиняться авторитету большинства: не всегда то, что одобрено всеми, вернее. Подлинной ценностью обладает личность, а не коллектив, к которому она принадлежит. Обыденное сознание достаточно самокритично, чтобы понимать превосходство научного систематизированного знания. Но достаточно гордо и самостоятельно, чтобы продолжать своё существование. Формы вненаучного (в том числе и обыденное сознание) мышления возникли раньше науки и продолжают существовать и эволюционировать наряду с ней и по сегодняшний день.

Роттердамский обращается к людям мыслящим, говорящим с ним на одном языке, находящимся на одном с ним интеллектуальном уровне (или чуть-чуть ниже). Он может апеллировать к их разуму.

Но как можно писать о разуме, вернее, его недостатке, открыто подвергать критике общественные порядки, если до сих пор горят костры инквизиции, если все рукописи подвергаются строжайшей цензуре?

Гениальным решением было вывести на сцену Глупость, спрятавшись самому за ее спину. Этот персонаж может позволить говорить себе все, что угодно, не опасаясь преследования – ведь кто примет ее всерьез? При этом Глупость все так запутывает, вплетая в речь бесчисленные парадоксы, она обладает удивительной способностью все логически объяснять, она строит поразительно стройные системы своих рассуждений так, что стираются грани между глупостью и мудростью, правдой и неправдой. Глупость может zahaxнуться на любые авторитеты (хотя для нее их не существует) и благодаря

тому, что критика в ее устах беззлобна, больше похожа на добродушное подшучивание. Ещё одна отличительная особенность обыденного сознания от научного: последнее всегда ограничено какими-то строгими нормами и процедурами. А обыденное сознание свободно, оно летает туда, куда хочет, как хочет и когда вздумается. Оно безгранично, легко и бесконечно во всех отношениях, кроме одного, которого само не знает. Это его недостаток: обыденное сознание не проникает в сущность вещей, событий и процессов. Оно здесь бессильно.

В заключительных главах произведения сама христианская вера объявляется своего рода глупостью. Такое смелое толкование религии позволило некоторым исследователям сделать вывод о книге, как заре вольнодумства. В какой-то степени это верно, так как Эразм предлагает пересмотреть вопросы веры. Он не согласен, что во имя религии жизнь презирается и люди «единственно стремятся к смерти»⁷⁷. На земле они проживают лишь тень вечной жизни, непрестанно размышляя о ней и ожидая обещанной награды. Автор осуждает именно эту крайность – принесение в жертву вечному блаженству сегодняшней человеческой жизни.

Человеческая жизнь ценна сама по себе, со всеми ее естественными проявлениями. В этом смысле Глупость приобретает несколько другое значение: она прародительница жизненных благ, главная причина человеческой активности. Среди достоинств ненаучного обыденного мышления есть такая черта, как атеизм. Исходя из реалий конкретного мира, оно не может оторваться от метафизических абстракций, тогда как наука может примириться с допущением Бога как некоего метафизического или трансцендентного существа высочайшей абстракции.

Своей жизнью Человек обязан Глупости: она зарождается не в процессе серьезных размышлений, мудрствовании, а в безумии страсти. Связь научного

---

⁷⁷ Там же, с. 175.

познания с чувствами (сенсуализм) поставлена на строгую рациональную основу, связь же обыденного сознания с чувственностью входит в его иррациональную ткань, является обязательной и не редуцируемой до понятийных форм частью. Здравый смысл пропитан эмоциями: политическими, правовыми, моральными, эстетическими и т.д., он без них перестаёт быть самим собой. Научное мышление специально дистанцируется от эмоциональных компонентов как процесса познания, так и, особенно, его результатов.

«Любовь – первое и величайшее наслаждение в жизни»⁷⁸ – проистекает из глупости. Мужчины и женщины, стремясь понравиться друг другу, к каким только хитросплетениям не прибегают. В ход идут безделушки, наряды, украшения, жеманство, кокетство со стороны женщин и показное мужество, доблесть, сила, хвастовство со стороны мужчин. В общем, совершенные безрассудства и чудачества, но как бы была скучна жизнь без этого легкомыслия, притворства и заблуждения.

Ни один мужчина, предварительно поразмыслив и взвесив все невыгоды «супружеской жизни», не согласился бы «надеть на себя узду брака»⁷⁹. И ни одна женщина, родив в муках одного ребенка, не стала бы повторять этот опыт. С одной стороны, семейная жизнь подвергается критике, а с другой стороны, что может быть ценнее и прекраснее появления новой жизни.

Глупость сопровождает человека с момента его рождения и до самой смерти, и эти две вехи в некотором роде совпадают, ведь недаром говорят, что старики впадают во второе детство. Они такие же болтливые, бестолковые, забывчивые. Но они счастливы тем, что этого не замечают.

Счастлив тот, кто не изнемогает под тяжестью забот. В доказательство своей правоты Глупость цитирует Софокла: «Блаженна жизнь, пока живешь без дум». Посмотрите на философов, упорно размышляющих над проблемами

---

⁷⁸ Там же, с. 9.

⁷⁹ Там же, с. 25.

познания, механизмами развития общества и природы. Они состарились, пропустив молодость, они оставили здоровье, потеряли зрение, иссушили жизненные соки. Зато как беззаботны «дурачки», порхающие, как мотыльки, без забот и волнений. Так стоит ли заниматься наукой, лишая себя человеческих удовольствий, не дорожа ни здоровьем, ни сном? Мудрецов никто не любит, может быть, только стайка таких же, как они. Они одним своим видом могут испортить удовольствие. «Допусти мудреца на пир – и он тотчас же всех смутит угрюмым молчанием или неуместными расспросами»⁸⁰. Мудрец не может быть полезен обществу, так как в последнем все полно глупости. И никакое общество, «никакая житейская связь не были бы приятными и прочными: народ не мог бы долго сносить своего государя, господин – раба, служанка – госпожу, учитель – ученика, друг – друга, жена – мужа, квартирант – домохозяина, сожитель – сожителя, товарищ – товарища, ежели бы они взаимно не заблуждались, не прибегали к лести, не щадили чужих слабостей, не потчевали друг друга медом глупости»⁸¹. Взаимная снисходительность – основа всяческого согласия во всех ячейках общества, на всех ступенях социальной лестницы. Обыденное сознание в силу своей ненаучности толерантно. Оно может сосуществовать в наборе самых разных суждений, даже взаимно исключаящих друг друга. Оно может «перешагнуть» даже через законы логики и не потерять при этом своего статуса мышления. Здравый смысл бесконфликтен в самом широком смысле. Он не императивен и не категоричен, как научный закон. Обыденное мышление располагает больше к согласию, чем к конфликту. Но бесконфликтность и согласие вовсе не означают взаимопонимания. В этом обыденное сознание тоже отличается от научного, где понять – значит согласиться. С тем, чего не понимаешь, в науке согласиться нельзя. А в *bon sens* непонимание не отменяет согласия. То, что смог понять, с

---

⁸⁰ Там же, с. 52.

⁸¹ Там же, с. 44.

тем и согласился, хотя это может быть совсем другое, чем услышанное.

Проявлением взаимной доброты и терпимости Эразм называет дружбу. Она настолько ценна, что «лишиться дружбы все равно, что лишиться солнца»⁸² [148, 41]. Люди не лишены многих недостатков. Настоящие друзья принимают друг друга такими, какие они есть, понимая, что все мы не без недостатков.

Такое положение о дружбе сближает Роттердамского с Эпикуром, в чьей философии центральное место занимает культ дружбы.

Трудно не согласиться с этим положением. Даже дружба учёных «ненаучна». Вряд ли кто подружился с кем-то на основе научного анализа своих и чужих достоинств и недостатков. Так что такое замечательное явление, как дружба, тоже покоится на фундаменте ненаучных и вненаучных элементов духовности.

Глупость, нацепив на себя маску неразумности, дурачества, рассуждает логично и мудро, обращая внимание на основы благополучного человеческого сосуществования: дружбу, любовь, снисходительность и терпимость друг к другу. Человек включен в систему определенных отношений. При осмыслении морально-социальной жизни обнаруживается, что «любая вещь имеет два лица», не схожих друг с другом. «Снаружи как будто смерть, а загляни внутрь – увидишь жизнь, и наоборот, под жизнью скрывается смерть, под красотой – безобразие, под изобилием – жалкая бедность, под позором – слава, под ученостью – невежество, под мощью – убожество, под благородством – низость, под весельем – печаль, под преуспеванием – неудача, под дружбой – вражда, под пользой – вред; коротко говоря, сорвав маску с Силена, увидишь как раз обратное тому, что рисовалось с первого взгляда»⁸³. Это говорит о том, что «жизнь – театр, а люди в ней актеры», или «некая комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль»⁸⁴. И если убрать притворство и

---

⁸² Там же, с. 41.

⁸³ Там же, с. 57.

⁸⁴ Там же, с. 58.

лицедейство из жизни, то представление будет испорчено. Притворство в данном случае понимается не как ложь, а скорее как снисходительность и терпимость к другим людям, адаптация своего я, своих представлений о том, что правильно и неправильно, к тем, кто рядом. «Рассудителен тот, кто ... снисходительно разделяет недостатки толпы и вежливо заблуждается заодно с нею»⁸⁵. Человек вынужден уступать и приспособливаться к силе обстоятельств, и ничего позорного в этом нет. Кто не желает приноравливаться ко времени и месту, тот сам исключает себя из общества. Этот призыв Эразма Роттердамского не пренебрегать обыденным сознанием, которое в целом ряде обстоятельств не может быть заменено научными, актуален и сегодня.

Уподобляться другим представителям рода человеческого – значит быть ближе к природе, продолжает Эразм. Он поднимает природу над наукой, говоря о том, что древние люди жили в мире и согласии, у них был общий язык, необходимый для понимания друг друга.

Это понятно, если вспомнить всё сказанное выше об обыденном сознании.

Люди были беззаботны и счастливы и не стремились к научному познанию. А мудрость возникает, когда человек отклоняется от природы, от живых человеческих потребностей. Это утверждение, славящее мудрую глупость человеческой природы, сближает Эразма с концепцией «естественного человека» Руссо.

Эразм выражает критическое отношение к стоицизму, приписывающему мудрость только разуму, а глупость – только чувствам. Человек же более одарен чувствами, чем разумом благодаря Юпитеру. «Сверх того, он заточил разум в тесном закутке черепа, а все тело обречено волнению страстей»⁸⁶. И далее в эпикуровской традиции Эразм продолжает, что «чувства страсти не только как рачительные пестуны направляют поспешающего в гавань мудрости, но сверх

---

⁸⁵ Там же, с.60.

⁸⁶ Там же, с. 37.

того, служат хлыстом и шпорами доблести, ибо они-то и побуждают человека ко всякому доброму делу»⁸⁷. Вненаучные формы сознания состоят из тех же компонентов, что и научные. Структура здравого смысла соответствует структуре сознания, но при этом имеет и сохраняет те специфически отличительные черты, о которых говорили выше.

Эразм выступает за раскрепощение человеческой личности, за то, чтобы человеку открылся чувственный мир со всеми радостями и наслаждениями.

Стремление к наслаждениям не должно переходить границы здоровой естественности; он высмеивает молодящихся стариков и старух: «старые хрычи ...в гроб смотрят, ...а берут себе молодую жену», «дряхлая старуха, труп трупом... усердно расписывает румянами лицо»⁸⁸.

Так о чем же эта книга – о мудрости или глупости? Как можно достичь счастья в этом мире? Следовать природе и предаваться плотским утехам или – подчиняться законам разума? Какой путь верный?

Эразм отвечает, что человек – это посредник между природой и духом. Земные страсти и духовность должны слиться воедино в его душе. Он ценит преданность науке, он просвещенец, но к чему может привести одностороннее увлечение ею: «Представьте себе человека, который всё детство и юность свои провел в усвоении наук, который убил лучшую часть жизни на непрерывные бдения, – заботы, труды, а в прочие годы не вкушал никаких наслаждений: неизменно бережливый, бедный, печальный, хмурый, к самому себе взыскательный и суровый, для других тягостный и ненавистный, бледнолицый, тощий, хилый, подслеповатый, преждевременно состарившийся и поседевший, он до срока расстаётся с жизнью. Впрочем, не все ли равно, когда он умрёт – ведь он и не жил вовсе! Вот вам образ совершенного мудреца!»⁸⁹. Ещё одна особенность *bon sens*, вытекающая из его антропологической основы, – умение

---

⁸⁷ Там же, с. 60-61.

⁸⁸ Там же, с. 65.

⁸⁹ Там же, с. 79.

здорово относиться ко всему и ценить жизнь в её деталях. Ибо другой нет и не будет.

Крайность опасна, и глупа, и уродлива. Все должно быть в меру – «ничего сверх меры», гласит любимая пословица Эразма. Фатализм, односторонность, слепое подчинение какой-либо идее и называет Эразм глупостью.

Он считает, что подлинного человека формирует воспитание, подлинное благородство зависит не от того, где ты издал свой первый младенческий крик, достигается оно моральным и интеллектуальным совершенствованием.

Эразм – гуманист, он ценит личность и выступает за гармонию рационального и эмоционального. Эразм мечтает о примирении противоречий во имя общей культуры.

Краткий итог предельно прост: во-первых, в нашей жизни есть огромный пласт ненаучных и вненаучных духовных компонентов; во-вторых, этот пласт составляет неотъемлемую часть нашей жизни и играет в ней не меньшую, а, возможно, даже более значительную роль, чем научные знания; в-третьих, ненаучные и вненаучные элементы духа и бытия имеют ряд специфических особенностей, отличных от научных.

Совокупным критерием истинности положений вненаучного обыденного сознания служит «нормальная жизнь» человека без всяких перекосов и односторонних крайностей. То, что способствует жизни (дружбе, любви, согласию, терпению и т.д.), человеческому земному счастью, является истинным. В этом определении неразрывно связаны рассмотренные выше онтологические и гносеологические моменты здравого смысла.

Научное познание в качестве основного критерия истинности берёт практику в трёх её видах: материального производства, общественно-преобразующей деятельности и научного эксперимента. Критерий истинности обыденного сознания – шире: вся жизнь, что и более расплывчато, и менее определено. Это понятно. Научное познание вышло, выросло из обыденного.

Поэтому в обыденном сознании практика как критерий истинности знаний содержится в зародыше, в неразвитом ещё виде, потенциально. Обыденное сознание выступает по отношению к научному как генетическое общее, как корень, из которого оно вырастает. Но обыденное сознание, породив научное, само не исчезает. Оно продолжает существовать наряду со своим детищем и не теряет в жизни людей своего самостоятельного статуса и особого значения.

ГЛАВА 3. НЕНАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ВЕДУЩАЯ ФОРМА ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТРЕНИРОВОЧНОМ И СОРЕВНОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СПОРТСМЕНОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

3.1. Ненаучное (обыденное) познание в спортивной деятельности как эффективное средство реабилитации людей с ограниченными физическими возможностями

Ненаучное познание транслируется в ходе самой жизни человека в обществе и приобретает в живом жизненном опыте как нечто естественное, как дополнение его телесных жизненных органов. Однако, у спортсменов с ограниченными физическими возможностями, в частности, с поражениями опорно-двигательного аппарата происходит деформация восприятия в связи с отсутствием или поражением некоторых жизненных органов. Истинность знаний, усвоенных в процессе жизнедеятельности, подразделяется на «до инвалидности» и «после». Истины, существующие до травмы, трансформируются для индивидуального сознания. Истины, устанавливающиеся или не осознаваемые, вдруг становятся недоступными для воспроизведения в связи с отсутствием или деформацией процесса восприятия окружающего мира.

Проблема инвалидности является одной из наиболее острых проблем, решаемых человечеством в наши дни. Инвалидность к началу XXI века по оценкам некоторых источников приближается к 500 миллионам человек. Это свидетельствует о масштабности проблемы инвалидности и определяет необходимость принятия комплекса мероприятий по созданию системы социальной защиты инвалидов, обеспечивающей интеграцию инвалидов в общество⁹⁰.

---

⁹⁰ Руткевич М.Н., Лойфман И.Я. Диалектика и теория познания. М.: Мысль, 1994.

В нашей стране вся организация жизнедеятельности социума практически не ориентирована на равноправие здорового человека и человека с ограниченными возможностями, в том числе имеющего ограниченные двигательные возможности⁹¹. Данная проблема ведет к развитию социальной и психической изоляции людей с ограниченными возможностями. Существует мнение о том, что интеграция инвалидов нежелательна из-за психотравмирующего воздействия, оказываемого самим видом болезненных страданий на эмоциональную сферу здоровых окружающих, особенно на неокрепшую психику детей и молодёжи⁹². Для обеспечения полноценной жизнедеятельности инвалидов не созданы условия по доступности общественного транспорта, спортивных сооружений и не обеспечены в полном объеме специальные (коррекционные) образовательные учреждения специальным оборудованием и спортивным инвентарем.

Мощным фактором адаптационного процесса является взаимоотношение инвалидов и здоровых. Нередко в современном обществе мы сталкиваемся с тем, что инвалиды, даже имея все потенциальные возможности активно участвовать в жизни общества, не могут их реализовать потому, что остальные сограждане не хотят общаться с ними, в силу устоявшихся негативных стереотипов. Такое отношение общества к инвалидам ведет к психологической дезадаптации, чувству ущербности, к большим трудностям в межличностных контактах.

Долгие годы в нашей стране бытовало мнение, что понятия «инвалид», «физическая активность», а, тем более, «спорт» несовместимы, и средства физической культуры рекомендовались только отдельным инвалидам как кратковременное мероприятие, дополняющее физиотерапевтические и

---

⁹¹ Там же.

⁹² Митин А.Е. Социально-психологическая адаптация инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата в процессе занятий баскетболом на колясках: Монография / А.Е. Митин, Е.А. Митин. СПб.: Стратегия будущего, 2007.

медикаментозные назначения. Физическая культура и спорт не рассматривались как эффективное средство реабилитации инвалидов, поддержания их физических возможностей и укрепления здоровья⁹³. Так, например, спортивная наука долгое время определяла в качестве приоритетного предмета своих исследований физическое совершенствование «условно» здорового человека, оставляя заботу о людях с устойчивыми отклонениями в здоровье, в физическом и интеллектуальном развитии прерогативой медицины, коррекционной педагогики (дефектологии) и работников социального обеспечения⁹⁴.

Следует выделить существенное значение физической культуры и спорта в жизни инвалида, которую можно представить следующим образом. Оздоровительное значение: занятия оздоровительной физкультурой и спортом – естественная форма лечебных упражнений, которую можно использовать в качестве дополнения к обычным методам физической реабилитации. Трудно переоценить их значение для восстановления сил инвалида, способности координировать свои действия, развития скорости и выносливости. Вступая в соревнование с самим собой, стремясь улучшить свою работоспособность, инвалид учится преодолевать усталость – основной симптом на ранних стадиях восстановления⁹⁵.

Психологическое значение спорта как отдыха: инвалид должен рассматривать каждую тренировку не только как победу, мышечную борьбу за восстановление сил, но и как источник радости. У спорта есть значительное преимущество перед формальными физическими упражнениями – это фактор отдыха. Спорт как образец игровой деятельности восполняет потребность

---

⁹³ Евсеев С.П. Физическая культура и спорт инвалидов. Адаптивный спорт / С.П. Евсеев, Ю.А. Брискин, А.В. Передерий. М.: Сов. спорт, 2010.

⁹⁴ Дудкин Г.В. Медико-социальный потенциал адаптивного спорта: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук / Г.В. Дудкин. Волгоград, 2006.

⁹⁵ Курдыбайло С.Ф. Физическая реабилитация инвалидов с поражением опорно-двигательной системы / С.Ф. Курдыбайло, Д.С. Поляков, С.П. Евсеев. М.: Сов. спорт, 2010.

выражать жизненную радость и удовлетворение, заложенные в каждом человеке.

Физкультура и спорт – средство социальной реинтеграции инвалидов в общество, мощный стимул восстановления или установления контакта с окружающим миром. Физкультура и спорт облегчают и ускоряют возвращение инвалидов в общество, способствуют признанию их как равноправных граждан.

В связи с вышеизложенным можно утверждать, что для инвалидов жизненно необходимыми являются занятия физической культурой и спортом, так как они естественным образом интегрируют одновременное решение задач физической, психологической и социальной реабилитации. Спорт для инвалидов становится основной формой не только реабилитации, но и способствует полноценной общественной жизнедеятельности, стимулирует социальную активность, позволяет повысить психический и физический потенциал, реализовать оставшиеся физические возможности и достигнуть наивысших спортивных результатов.

Основной целью привлечения инвалидов к регулярным занятиям физической культурой и спортом является восстановление утраченного контакта с окружающим миром, создание необходимых условий для воссоединения с обществом, участие в общественно полезном труде и реабилитация своего здоровья. Многолетняя отечественная и зарубежная практика работы с инвалидами показывает, что физическая культура и спорт для них – наиболее действенные методы реабилитации. Физическая активность, которая начинается уже во время пребывания инвалида в стационаре и продолжается после его выписки, препятствует уходу инвалида в свою болезнь. Физическая культура и спорт противодействуют ненормальному

психологическому и антисоциальному поведению, которое часто возникает на почве тяжелой инвалидности⁹⁶.

Спортивные результаты не самое главное на соревнованиях, гораздо важнее то, что люди не смирились с болезнью, с инвалидностью. Цель привлечения инвалидов к спорту – восстановить утраченный контакт с окружающим миром. Именно спортивная деятельность создает психологические условия, необходимые для успешного воссоединения инвалида с обществом и участия в полезном труде. Спорт связан с социализацией личности инвалида, поскольку содействует включению его в общество, усвоению опыта социальной жизни. Особое значение в социализации имеет усвоение социальной роли, под которой понимается нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию, т.е. определенное социальное положение, место в конкретной социальной структуре. Социализирующая роль спорта выражается в том, что он оказывает глубокое и многостороннее воздействие на человека, развивая его физически и духовно. Это и позволяет ему выступать активным субъектом социального процесса.

Для успешного развития адаптивного спорта в мире и России, широкого привлечения к спортивной деятельности инвалидов и разрешения ряда социальных, экономических и духовно-нравственных проблем, поддержания человеческих и гражданских прав лиц с физическими недостатками были разработаны и приняты различные нормативно-правовые документы.

В целях преодоления возникших проблем и реально существующих ограничений как в повседневной жизни, так и в процессе спортивной деятельности у людей с ограниченными возможностями Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций была принята Конвенция о

---

⁹⁶ Евсеев С.П. Физическая культура и спорт инвалидов. Адаптивный спорт / С.П. Евсеев, Ю.А. Брискин, А.В. Передерий. М.: Сов. спорт, 2010.

правах инвалидов. «Цель Конвенции о правах инвалидов заключается в поощрении, защите и обеспечении полного и равноправного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства»⁹⁷.

Полноценное участие в общественной жизни и преодоление препятствий, не позволяющих инвалидам осуществлять свои права и обязанности, и признание равных прав инвалидов и здоровых людей в обществе было подтверждено принятием Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов. Согласно этому документу государства должны обеспечивать инвалидов: образованием, эффективным медицинским обслуживанием и услугами по реабилитации, предоставлять равные возможности для занятия производительной трудовой деятельностью и поддержания доходов, осуществлять программы действий с целью доступности материального окружения, информации и коммуникаций, создания условий для вовлечения в культурную жизнь общества и занятий спортом⁹⁸.

Федеральный закон «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией» от 04.03.2002 года (с изменениями от 04.12.2003.) предусматривает назначение дополнительного материального обеспечения наравне с чемпионами Олимпийских игр и чемпионам Паралимпийских и Сурдлимпийских игр в сумме 250% размера базовой части трудовой пенсии по старости⁹⁹.

В положении о присвоении почетных спортивных званий, утвержденном приказом Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 27.11.2008 года №55, прописаны условия присвоения почетных

---

⁹⁷ Руткевич М.Н., Лойфман И.Я. Диалектика и теория познания. М.: Мысль, 1994.

⁹⁸ Там же..

⁹⁹ Там же.

спортивных званий участникам Паралимпийских, Сурдлимпийских игр наравне с участниками Олимпийских игр. Почетное спортивное звание «Заслуженный мастер спорта России» присваивается спортсменам, занявшим 1-3 место в Паралимпийских, Сурдлимпийских, Олимпийских играх в личных и (или) командных соревнованиях или в соревнованиях в командных игровых видах спорта; 1 место на чемпионате мира, кубке мира, чемпионате Европы, кубке Европы в составе сборной команды Российской Федерации и набравшим определенное количество квалификационных баллов.

Развитие адаптивного спорта и физической культуры, увеличение количества занимающихся сделало необходимым утверждение 04.12.2007 года Президентом Российской Федерации Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» № 329-ФЗ. Была дополнена законодательная база для дальнейшего развития спорта и паралимпийского спорта в России, в частности, прописано требование к исполнительным властям и органам местного самоуправления: «Федеральный орган исполнительной власти в области физической культуры и спорта, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, физкультурно-спортивные организации, в том числе физкультурно-спортивные объединения инвалидов организуют проведение физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий с участием инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, создают детско-юношеские спортивно-адаптивные школы, адаптивные детско-юношеские клубы физической подготовки. Образовательные учреждения вправе создавать филиалы, отделения, структурные подразделения по адаптивному спорту» (часть 7, статья 31)¹⁰⁰.

Развитие массового спортивного движения детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями приняло правовую основу. Таким образом, стало официально возможным обучаться инвалидам и лицам с ограниченными

---

¹⁰⁰ Там же.

возможностями здоровья в соответствующих учебных заведениях, их интеграция в систему физической культуры, физического воспитания и спорта посредством физкультурно-спортивных организаций и создания детско-юношеских спортивно-адаптивных школ.

Однако существующая на данный момент нормативная правовая база в полной мере не способна решить проблемы адаптивного спорта; среди них основными являются: малочисленность и труднодоступность специализированных спортивных сооружений, оборудования и инвентаря; недостаток профессиональных кадров и обеспеченности необходимым финансированием, а также низкая мотивация в занятиях адаптивным спортом у инвалидов. Поэтому принятый модельный закон «О паралимпийском спорте» от 25.11.2008 года позволит разрешить ряд возникших проблем. Его целью является установление общих правовых, экономических и социальных основ деятельности в области адаптивного спорта: обеспечение прав инвалидов на равный доступ к занятиям спортом, создание необходимых условий для развития адаптивного спорта, организация международного сотрудничества.

Эффективность обыденного сознания проявляется в экстраординарных состояниях, когда верхние, рационализированные слои сознания не могут помочь решению требующих неотлагательного ответа житейских проблем.

Физическая культура и спорт для людей с ограниченными физическими возможностями становится эффективным средством познания, так как они естественным образом интегрируют одновременное решение задач физической, медицинской, социальной и психологической реабилитации. Регулярные занятия физической культурой и спортом, участие в спортивных соревнованиях способствуют восстановлению психического равновесия, возвращению чувства уверенности в себе, вырабатывают стремление к постоянному повышению результатов и становятся основной формой не только реабилитации, но и способом полноценной общественной жизни, стимулируют социальную

активность инвалидов. То есть ненаучное познание в процессе спортивной деятельности способствует возвращению к состоянию духовного и физического равновесия.

3.2. Гуманистическая направленность ненаучного познания в спортивной деятельности людей с ограниченными физическими возможностями (на примере инвалидов с поражениями опорно-двигательного аппарата)

Основной целью адаптивного спорта является: развитие жизнеспособности человека, развертывание его физического и психического потенциала, самореализация оставшихся физических возможностей, демонстрация наивысших результатов, интеграция в общество, используя средства адаптивной физической культуры и спорта.

Цели и принципы адаптивного спорта для спортсменов с поражениями опорно-двигательного аппарата (ПОДА) сформировались под воздействием особенностей, которые связаны с имеющимися нарушениями органов опоры и движения, нервно-мышечной системы, определяющие их физическое состояние и здоровье: во-первых, ограничивается количество видов спорта, избираемых для занятий; во-вторых, снижается функциональное состояние и нарушаются социальные связи и условия самореализации, теряется экономическая и бытовая независимость, и все это способствует развитию комплекса неполноценности¹⁰¹ (В.П. Жиленкова, 1988; С.Ф. Курдыбайло, 1996; С.П. Евсеев, 2010; Г.В. Дудкин, 2008); в-третьих, наличие протезов и ортезов, костылей и палок, колясок и других приспособлений делает необходимым для посещения учебно-тренировочных занятий наличие транспорта, и его отсутствие во многом может

---

¹⁰¹ Жиленкова, В.П. Врачебно-педагогические аспекты адаптивной физической культуры инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата: Учеб. пособие / В.П. Жиленкова, Е.С. Ульрих. СПб.: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 2001; Курдыбайло С.Ф. Физическая реабилитация инвалидов с поражением опорно-двигательной системы / С.Ф. Курдыбайло, Д.С. Поляков, С.П. Евсеев. М.: Сов. спорт, 2010; Евсеев С.П. Физическая культура и спорт инвалидов. Адаптивный спорт / С.П. Евсеев, Ю.А. Брискин, А.В. Передерий. М.: Сов. спорт, 2010; Дудкин Г.В. Медико-социальный потенциал адаптивного спорта: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук / Г.В. Дудкин. Волгоград, 2006.

быть отказом от регулярных занятий физической культурой и спортом; в-четвертых, для успешной спортивной деятельности спортсмены-инвалиды нуждаются в проведении самых разнообразных реабилитационных мероприятий.

В адаптивной физической культуре принципы, принято разделять на общетеоретические, специально-методические и социально-психологические.

К общетеоретическим принципам относятся принципы сознательности и активности, систематичности, доступности, научности, и для спортсменов-инвалидов с ПОДА отражают особенности реализации всех дидактических принципов в работе с инвалидами данной категории.

Специально-методические принципы адаптивного спорта для спортсменов с ПОДА продиктованы особенностями их функционального состояния и физического здоровья; это, прежде всего, принципы диагностирования, дифференциации и индивидуализации, оптимальности и вариативности нагрузок.

Принцип диагностирования предполагает, что, прежде чем приступить к занятиям, необходимо иметь полную картину анамнеза и ориентировать желающих заниматься физическими упражнениями на соответствующий доступный для его функционального состояния и физического здоровья тренировочный режим. Необходимо инвалиду своевременно и квалифицированно в соответствии с имеющимся поражением ОДА и сопутствующими заболеваниями рекомендовать щадящую нагрузку или ориентировать на выполнение больших, длительных нагрузок, сопровождающихся эмоциональным напряжением, стрессовыми ситуациями, характерными для спорта высших достижений. В противном случае занятия адаптивным спортом могут негативно отразиться на здоровье занимающихся.

Принцип дифференциации и индивидуализации основан на неоднородности групп даже в одном функциональном классе. Например, в

фехтовании на колясках в категорию «А» входят спортсмены-инвалиды и с ДЦП, и с травмами спинного мозга, и с ампутациями конечностей. Спортсмены различаются уровнем поражений, сроком травмы, возрастом, и это необходимо учитывать при составлении плана тренировок, выполнении его на каждом конкретном занятии, внесении определенных корректив.

Принцип адекватности нагрузок, его оптимальности и вариативности на каждом этапе подготовки и периоде учебно-тренировочного процесса отражает учет закономерных связей между тренировочными воздействиями и реакцией организма спортсмена с ПОДА. Для того, чтобы тренировочный процесс был доступным для спортсменов с поражением опорно-двигательного аппарата, обычно видоизменяются формы построения учебно-тренировочных занятий, объемы и интенсивность тренировочных нагрузок в соответствии с их возможностями. При построении тренировочного процесса спортсменов-инвалидов следует учитывать ряд факторов. В первую очередь, избранный вид спорта должен удовлетворять возможностям инвалида. Спортивная деятельность должна не только повышать уровень физической подготовленности, но и совершенствовать соответствующие психические, эмоциональные, социальные аспекты и, в конечном счете, приводить к достижению высшего мастерства. В работе с инвалидами особое внимание необходимо уделять предотвращению травматизма, при этом опасными являются и травмы, и любое ухудшение здоровья. Для начала занятий адаптивной физической культурой и спортом необходимы не только допуск лечащего врача, но дополнительные обследования и консультации.

Социально-психологические принципы включают в себя принцип гармонизации личности, социализации и интеграции, гуманистической направленности, самообеспечения жизнедеятельности и здоровья. В адаптивном спорте для лиц с ПОДА данные принципы представляют собой систему организации и проведения спортивно-оздоровительных мероприятий,

способствующих сохранению и укреплению остаточного здоровья, развитию физических качеств и достижению высоких результатов в избранном виде спорта. Такая форма организации жизнедеятельности инвалидов с ПОДА способствует не только реабилитации, но и психологической адаптации, повышает самооценку и уверенность в своих силах, способствует социальной интеграции инвалидов с ПОДА и активной жизненной позиции.

Физическая культура и спорт является уникальным видом деятельности и средством реабилитации, психологической адаптации, самореализации и повышения уровня качества жизни инвалидов с ПОДА. Существенным фактором успешной спортивной деятельности является их мотивация к занятиям избранным видом спорта; собственное желание и понимание важности таких занятий является первейшим условием достижения желаемого результата. Занимающимся необходимо представлять границы их возможностей, в пределах которых они сами ответственны за свои успехи и неудачи.

Адаптивный спорт является универсальным средством физической, психической и социальной реабилитации инвалидов с ПОДА, оказывающим влияние на различные стороны жизни, и представляет собой многофункциональное явление.

Согласно современным представлениям, в адаптивном спорте заложены разнообразные и многоплановые функции. Изучение особенностей адаптивного спорта, анализ научных исследований в области адаптивной физической культуры и спорта позволили выделить основные функции адаптивного спорта. Спортивная и оздоровительная функции занимают одно из ведущих мест¹⁰² (Евсеев С.П., Курдыбайло С.Ф.) в связи с тем, что спортивная деятельность подразумевает регулярные занятия физической культурой и спортом, что при правильной организации учебно-тренировочного процесса ведет к

---

¹⁰² Евсеев С.П. Физическая культура и спорт инвалидов. Адаптивный спорт / С.П. Евсеев, Ю.А. Брискин, А.В. Передерий. М.: Сов. спорт, 2010; Курдыбайло С.Ф. Физическая реабилитация инвалидов с поражением опорно-двигательной системы / С.Ф. Курдыбайло, Д.С. Поляков, С.П. Евсеев. М.: Сов. спорт, 2010.

оздоровлению организма инвалида. Участие в соревнованиях требует огромной мобилизации от спортсмена-инвалида для эффективного проявления физических способностей и технико-тактического мастерства и способствует формированию важных для жизни свойств и качеств личности, таких как целеустремленность, смелость, настойчивость, уверенность в себе и т.п. (Все сноски на авторов).

Жиленкова В.П. (2003) для спортсменов с ПОДА выделила оздоровительно-рекреативную (оздоровительная, учебно-познавательная, подготовительная, развивающая, профессионально-подготовительная, воспитательная) и соревновательную (нормативная, гедонистическая, зрелищная, коммуникативная, лечебно-восстановительная, эстетическая) функцию самовоспитания¹⁰³ [58]. Различие в названиях функций, возможно, определяется особенностями функционального состояния спортсменов с поражениями опорно-двигательного аппарата.

В ряде исследований¹⁰⁴ Жиленкова В.П., приоритетной для адаптивного спорта выделена развивающая функция. Несомненно, для достижения высоких спортивных результатов спортсмену-инвалиду необходимо выполнять предельные и околопредельные нагрузки для развития всех морфофункциональных систем и психофизиологических функций организма (Все сноски на авторов).

Рядом авторов подчеркивается значимость образовательной функции. Для спортсменов-инвалидов, помимо формирования знаний, умений и навыков, необходимых для эффективной реализации технической, тактической, физической, психологической подготовленности в соревновательной

---

¹⁰³ Жиленкова, В.П. Врачебно-педагогические аспекты адаптивной физической культуры инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата: Учеб. пособие / В.П. Жиленкова, Е.С. Ульрих. СПб.: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 2001.

¹⁰⁴ Жиленкова, В.П. Врачебно-педагогические аспекты адаптивной физической культуры инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата: Учеб. пособие / В.П. Жиленкова, Е.С. Ульрих. СПб.: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 2001.

деятельности, огромное значение приобретает формирование знаний об особенностях своего дефекта и его влияние на становление спортивного мастерства, знания об особенностях спортивно-функциональной классификации.

Не вызывает сомнения значимость ценностно-ориентационной функции. Достижение высоких спортивных результатов путем напряженного и сложного процесса самосовершенствования спортсмена-инвалида становится возможным только при наличии сформированных мотивов и ценностных ориентаций¹⁰⁵ [57]. В то же время отмечена существенная роль воспитательной функции, осуществляемой посредством формирования внутренних установок и желаний заниматься адаптивным спортом. Следует выделить значительную роль самовоспитания для достижения высоких спортивных результатов в адаптивном спорте путем формирования навыков и умений самообладания, самооценки, саморегуляции.

Современный адаптивный спорт с его многообразной двигательной деятельностью требует от спортсмена-инвалида предельного проявления физических и волевых качеств. Обеспечение неуклонного развития способностей, необходимых для прогресса в избранном виде спорта без ущерба для остаточного здоровья и профилактики травматизма, осуществляется в процессе реализации профилактической функции, которая, по мнению многих авторов¹⁰⁶, в адаптивном спорте имеет первостепенную значимость. Жиленкова В.П. для спортсменов с ПОДА¹⁰⁷ выделила данную функцию как лечебно-восстановительную, состоящую из анализа и учета состояния здоровья,

---

¹⁰⁵ Евсеев С.П. Физическая культура и спорт инвалидов. Адаптивный спорт / С.П. Евсеев, Ю.А. Брискин, А.В. Передерий. М.: Сов. спорт, 2010.

¹⁰⁶ Митин А.Е. Социально-психологическая адаптация инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата в процессе занятий баскетболом на колясках: Монография / А.Е. Митин, Е.А. Митин. СПб.: Стратегия будущего, 2007.

¹⁰⁷ Жиленкова, В.П. Врачебно-педагогические аспекты адаптивной физической культуры инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата: Учеб. пособие / В.П. Жиленкова, Е.С. Ульрих. СПб.: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 2001.

гигиенических основ адаптивного спорта, требования к спортивным сооружениям и спортивному инвентарю. Обосновывала свою классификацию тем, что гигиенические основы адаптивного спорта имеют свою специфику из-за особенностей состояния спортсменов с ПОДА: для спортсменов-ампутантов важное место занимает правильный уход за культей и связанные с этим процедуры; для спортсменов с заболеваниями спинного мозга важным моментом является предупреждение трофических язв и пролежней в силу нарушений трофики, а также необходимость учета при построении тренировочного процесса сложностей мочеиспускания и нарушения терморегуляции ниже зоны поражения (необходимость постоянного обильного питья). Особенности передвижения спортсменов с ПОДА предъявляют особые требования к спортивным сооружениям и спортивному инвентарю.

Известно, что спортивная деятельность создает психологические условия, необходимые для успешного воссоединения инвалида с обществом и участия в полезном труде. Спорт связан с социализацией личности человека-инвалида, поскольку содействует включению его в общество, усвоению опыта социальной жизни. Особое значение в социализации имеет усвоение социальной роли, под которой понимается нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию, т.е. определенное социальное положение, место в конкретной социальной структуре. Социализирующая роль спорта выражается в том, что он оказывает глубокое и многостороннее воздействие на человека, развивая его физически и духовно, что позволяет ему выступать активным субъектом социального процесса¹⁰⁸. Именно поэтому огромную роль специалисты в области адаптивной физической культуре отдают интегративной функции, выражающейся в социальной интеграции спортсменов с ограниченными возможностями.

---

¹⁰⁸ Евсеев С.П. Физическая культура и спорт инвалидов. Адаптивный спорт / С.П. Евсеев, Ю.А. Брискин, А.В. Передерий. М.: Сов. спорт, 2010.

Жиленкова В.П. (2002) для спортсменов с ПОДА вышеуказанную функцию адаптивного спорта определила как гуманистическую функцию, охватывающую социализирующую, интернациональную, идеологическую, политическую функции. Социализирующая функция реализуется в формировании разнообразных связей в процессе спортивной деятельности; интернациональная – в международных, общечеловеческих контактах, зарождающихся в период международных соревнований; идеологическая и политическая функции формируются в процессе достойного участия спортсменов с ПОДА в международных соревнованиях¹⁰⁹.

Выделенные функции позволяют утверждать, что адаптивный спорт для спортсменов с ПОДА способствует не только реабилитации, но и психологической адаптации, повышает самооценку и уверенность в своих силах, способствует социальной интеграции инвалидов и активно-позитивной жизненной позиции, дает им возможность к преодолению психологических трудностей, связанных с их физической недостаточностью.

На наш взгляд, выделенные цели, принципы, функции адаптивного спорта позволяют рассматривать спортивную деятельность как новое измерение качества тренировочного процесса спортсменов с нарушениями ОДА, когда при оценке качества выделяются ценностные моменты, связанные с продуманной и мотивированной системой управления спортивной деятельностью, изменением роли и функций всех участников процесса, его специализированным сопровождением. Обобщая характеристику спортивной подготовки в адаптивном спорте, можно утверждать, что представлен новый подход к пониманию и построению спортивной подготовки инвалидов в логике гуманистической парадигмы.

---

¹⁰⁹ Жиленкова, В.П. Врачебно-педагогические аспекты адаптивной физической культуры инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата: Учеб. пособие / В.П. Жиленкова, Е.С. Ульрих. СПб.: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 2001.

3.3. Влияние социума на формирование ненаучного (обыденного) познания спортсменов с ограниченными физическими возможностями (на примере фехтовальщиков на колясках)

На современном этапе общество представляется как бы отгороженным от жизни людей с ограниченными возможностями. В силу этого инвалиды остаются замкнутыми в своем социальном мире. Выше мы неоднократно говорили о том, что лишь совместное сосуществование здоровых и больных людей служит гарантом прогрессивного и полноценного развития инвалидов.

Значение общественного мнения для спортсменов-инвалидов было определено при помощи анкетирования. Итоги анкетирования в области социального положения паралимпийского спорта выявили, что в России, в частности в Башкортостане, где спортсмены с ограниченными возможностями составляют значительный процент состава сборной России в Паралимпийских играх, он недостаточно популярен. Около 80% спортсменов с ограниченными возможностями считают, что имеет место недостаток информации о паралимпийском движении, было бы неплохо, если СМИ больше информировали о соревнованиях по паралимпийским видам спорта, а также необходимо пропагандировать паралимпийское движение, это в свою очередь привлечет большее количество инвалидов к занятиям спортом и поможет им в социальной реабилитации. Следует отметить, что небольшой процент спортсменов пришли в спортивные секции, узнав об их существовании из средств массовой информации, в основном о возможности тренироваться избранным видом спорта, но узнали случайно. Результаты анкетирования позволяют также утверждать, что общественное мнение имеет значимость для инвалидов, так как более 82% респондентов положительно ответили на вопрос о том, способно ли общественное мнение содействовать привлечению инвалидов к занятиям спортом.

Данные исследования дают основания полагать, что паралимпийское движение нуждается в более пристальном внимании со стороны общественности, средств массовой информации. В этом заложен большой потенциал к привлечению значительной части людей с ограниченными возможностями для начала двигательной активности и занятий спортом, что в свою очередь приведет их к полноценной жизнедеятельности в современном обществе.

Рассмотрим возможности и реальные перспективы спортивной деятельности в фехтовании на колясках для спортсменов с поражениями опорно-двигательного аппарата для стирания границ между здоровыми и инвалидами и эффективного слияния интересов и возможности прогрессивного развития общества.

В фехтовании на колясках нет возрастных ограничений для достижения высоких спортивных результатов. В сборную команду России по фехтованию входят спортсмены из Башкортостана, которым 14 лет и 36 лет. Оба являются лидерами в российском фехтовании и успешно выступают на мировой арене. Это демонстрация убедительного примера лицам с ограниченными возможностями и инвалидам, как можно совершенствоваться духовно и физически и побеждать самого себя независимо от возраста.

Фехтование на колясках как средство рекреации обладает целым рядом качеств, среди которых важнейшее место занимает высокая эмоциональность занимающихся, связанная с получением удовольствия от мышечной работы в процессе тренировочных занятий, от чувства бодрости и энергии, от возможности полноценного общения. Во время занятий фехтованием осуществляется комплексное воздействие на моторику и нервно-психическую сферу инвалида с поражением опорно-двигательного аппарата.

Для овладения приемами фехтования необходима, прежде всего, всесторонняя физическая подготовленность, которая осуществляется при

помощи средств общей физической подготовки, где ведущее место занимают различные виды адаптированных спортивных и подвижных игр, плавание и т.д. В процессе физической подготовки инвалидов происходит укрепление мышц верхних конечностей и туловища, восстановление иннервационных механизмов, формирование компенсации, улучшение психомоторных показателей развития, улучшение работы сердечно-сосудистой, дыхательной систем, вестибулярного аппарата, коррекция нарушенной осанки. Поэтому мы можем говорить о том, что занятия фехтованием являются формой воздействия на двигательную сферу инвалидов, коррекции двигательной недостаточности, реадаптации двигательных нарушений.

Спортивная деятельность подразумевает регулярные тренировочные занятия и выступление в соревнованиях; это, несомненно, стимулирует социальную активность инвалидов, вырабатывает стремление к постоянному повышению результатов, формирует определенный круг общения и тем самым не только заполняет их досуг, но и в определенной степени является фактором их социальной реабилитации и интеграции.

Раскрывая фехтование на колясках как вид спорта, можно говорить о том, что к инвалидам предъявляются высокие требования к физической, технико-тактической и психической подготовленности. Это связано с тем, что отличительной особенностью системы соревнований в фехтовании на колясках от системы соревнований в спортивном фехтовании является лишь то, что существуют медицинская и спортивно-функциональная классификации, «после которой спортсмены-инвалиды распределяются на классы, тем самым уравниваются их возможности в борьбе за победу, и далее полностью используется традиционная модель соревновательной деятельности с определением победителей и проигравших, ранжированием участников

сорязаний, фиксации рекордов и соответствующей социальной оценкой спортивных результатов и достижений спортсменов»¹¹⁰.

Поединок в фехтовании на колясках ведется в статичном положении, при этом коляски при помощи специальных металлических конструкций фиксируются на месте, и один спортсмен может выступать одновременно в двух видах оружия. В остальном фехтование на колясках имеет больше сходных моментов со спортивным фехтованием, нежели отличий: используются одинаковое оружие, аппаратура для судейства, защитная экипировка и судейство соответствуют правилам по спортивному фехтованию на саблях, рапирах и шпагах и т.д. Тренировочный процесс фехтовальщиков на колясках совмещается с тренировочным процессом фехтовальщиков в спортивном фехтовании, что, несомненно, ведет к формированию толерантности у здоровых спортсменов и социальной полноценности у спортсменов-инвалидов.

Спортивная деятельность в фехтовании на колясках должна формировать способность инвалидов преодолевать колоссальные не только физические, но и психологические нагрузки на организм. Проведенные нами исследования психоэмоциональных и личностных особенностей фехтовальщиков с поражением опорно-двигательного аппарата на различных этапах подготовки выявили некоторые особенности адаптации психоэмоциональной сферы инвалидов под воздействием занятий фехтованием на колясках.

Личностная тревожность формируется и закрепляется в раннем детстве и выражается в состоянии повышенного беспокойства на любую угрожающую его личности ситуацию. Ситуативная (или реактивная) тревожность – поведение человека, проявляющееся лишь в определенных ситуациях, но при определенных обстоятельствах может перерасти в личностную, т.е. становится стабильным свойством личности.

---

¹¹⁰ Евсеев С.П. Физическая культура и спорт инвалидов. Адаптивный спорт / С.П. Евсеев, Ю.А. Брискин, А.В. Передерий. М.: Сов. спорт, 2010.

Результаты тестирования по опроснику Ч. Спилбергера выявили наличие высокого уровня личностной тревожности в подготовительном периоде, что вероятно связано со стремлением к социальной реабилитации, утверждению в социуме, наличием энтузиазма и проявлением большей активности и предприимчивости, вплоть до агрессивности. А в соревновательном периоде наблюдается снижение показателей реактивной и личностной тревожности. Полученные данные свидетельствуют о благоприятном влиянии учебно-тренировочных занятий и соревновательной деятельности на уровень тревожности фехтовальщиков колясочников. Можно говорить о том, что спортивная деятельность способствует социальной адаптации спортсменов, и требуется более взвешенный и разносторонний подход при работе со спортсменами-инвалидами, учитывающий выявленные особенности бессознательных побуждений, лежащих в основе их личности.

Эмоциональное состояние спортсмена до и после тренировочной нагрузки определялось с помощью методики САН. Было выявлено, что после тренировочного занятия улучшаются показатели самочувствия и настроения. Это свидетельствует о том, что значительно менее важными для инвалидов стали ощущения физического и социального дискомфорта. Умение регулировать свое психологическое состояние предопределяется желанием мобилизовать свои силы на преодоление трудностей, сопровождающих все тренировочные занятия и соревновательные поединки.

Тест Люшера использовался для выявления невербализуемых, преимущественно эмоциональных компонентов отношения фехтовальщиков с поражением опорно-двигательного аппарата к окружающим и самим себе.

Результаты теста свидетельствуют о том, что значительно менее важным для фехтовальщиков в соревновательном периоде стали ощущения социального дискомфорта. Это следует из преобладающего размещения ими коричневого цвета на 4–6 позиции по сравнению с выбором, проведенным в

подготовительном периоде. О снижении агрессивных тенденций у спортсменов с поражением опорно-двигательного аппарата свидетельствует вынесение ярко-желтого цвета на вторую позицию, это также говорит о повышении стрессоустойчивости и удовлетворенности от участия в соревновательной деятельности. О проявлении внутренней уверенности и спокойствию в своих действиях можно утверждать, судя по тому, что сине-зеленый цвет переместился у большинства с 5–6 на 3–4 позицию.

Диагностика личностных особенностей фехтовальщиков на колясках проводилась по опроснику Р. Кеттелла. По результатам факторного анализа было выделено два фактора: общая толерантность и поведенческая активность. В факторе «общая толерантность» ведущее место занимают эмоциональная устойчивость и нейротизм. В фактор «поведенческая активность» с наибольшим перевесом вошли смелость, общительность, высокий самоконтроль поведения.

Эмоциональная устойчивость отражает стабильность в поведении и эмоциях, отсутствие страха в сложных ситуациях. Смелость может предполагать склонность к риску, готовность иметь дело с незнакомыми ситуациями. Высокий самоконтроль поведения отражает дисциплинированность, контроль над своими эмоциями, заботу о своей репутации. Общительность характеризует готовность к сотрудничеству, естественность в обращении, уживчивость.

Таким образом, можно говорить о том, что регулярные занятия фехтованием на колясках дают возможность инвалидам для преодоления психологических трудностей, связанных с их физической недостаточностью. Это является ярким подтверждением того, что занятия спортом, в частности, фехтованием способствуют не только реабилитации, но и социальной адаптации, повышают самооценку и уверенность в своих силах, способствуют социальной интеграции инвалидов и активно-позитивной жизненной позиции. Фехтование на колясках является уникальным видом спортивной деятельности

и выполняет функции как вид спорта и как средство реабилитации, социальной адаптации, самореализации и повышения уровня качества жизни инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философия начинала свою историю с вопроса о познании, о любви к мудрости. Долгие годы (до Нового времени) философская гносеология не знала жестких парадигм научной эпистемологии. Сегодня можно сказать, что и научная, и ненаучная концепции познания вышли из философской гносеологии.

Начиная с XVI–XVII веков роль научных знаний стала доминирующей, создавая временами уверенность, что все другие формы познания будут преодолены научным познанием. Обыденное сознание и все другие формы ненаучных знаний стали трактоваться как вынужденно терпимые, как знания низшего порядка.

Чем выше становилась роль науки в жизни общества, тем меньше внимания получали ненаучные формы освоения действительности. Часто эти знания трактуются не просто как неразвитые, поверхностные, а как недостоверные, даже ложные.

Последние столетия показали, что наука может понять многие тайны природы, общества и человеческого духа. Её достижения очевидны и несомненны. Однако человечество развивается не только на базе научного знания, но и на основе обыденного, мифологического, религиозного, художественного сознания.

Те аспекты, которые отражаются в этих формах освоения мира, не всегда исчерпываются научным познанием, а порой даже принципиально ему недоступны. Милосердие и любовь, вдохновение и горе вряд ли возможно изложить в виде строгих научных формул.

Научная и ненаучная формы познания дополняют общую картину мироустройства, и каждая по-своему нужна и полезна человеку.

Задача состоит не в том, чтобы развести все виды познания в разные

стороны, а в том, чтобы объединить их в единую познавательную систему.

Отметим, что в разные исторические эпохи разные формы познания играли роль интегрирующего ядра: в античности – философия, в Средние века – религия, в Новое время – наука, а ныне, на наш взгляд, – политика. Все формы сознания имеют свои особенности, т.е. элементы как единичного, так и общего характера.

Выделим то, что есть общего:

1. Каждая научная и ненаучная форма познания есть отражение действительности.

2. Все формы имеют свой предмет отражения, свои методы, средства и способы познания.

3. Везде есть единство чувственных и рациональных компонентов, которые влияют друг на друга.

4. Каждая форма познания опирается на определенную методологию.

Если выделить принципиальное отличие вненаучного познания от научного, то первое «включает не только объективную, но и субъективную, и трансцендентичную реальность, не имеющую ни протяженности, ни длительности, а стало быть, не фиксируемую ни чувствами, ни логикой рассудка»¹¹¹. Можно согласиться, с определенной оговоркой, и с мнением авторов процитированного труда, что наука представляет собой интегрированную силу общества перед ликом природы как объекта, а вненаучное познание преимущественно ориентировано на выяснение естественных и сверхъестественных тайн человеческой души. Разумеется, непроходимой границы между ними нет. Обществу и человеку они нужны все, хотя в каждом конкретном случае, историческом отрезке времени какая-то одна или несколько форм могут играть доминирующую роль.

---

¹¹¹ Филатов В.П. Историко-философский и критический подходы в философии истории // Проблемы методологии. Самара, 1998, с. 88-104.

Что же касается систематизации и классификации ненаучного познания, здесь возникает проблема выбора классификационной основы. Первое, что подсказывает сам термин «ненаучное», классификация должна учитывать степень близости или отдаленности от науки. В основу классификации могут быть положены объекты, методология, та общественная потребность, которая их породила, способы оформления, хранения, трансляции и «потребления», их социальная функция и значимость и т.д.

Мы сознательно не вели речь об оккультной (от лат. *occultus* – тайный) форме познания, объединяющей в себе астрологию, алхимию, каббалистику, спиритизм, графологию и сотни иных форм мантики. Можно к «оккультным наукам» относиться по-разному: принимать или не принимать. Но если звезды зажигаются, то кому-то, значит, они нужны, для кого-то они важны, у кого-то будят фантазию, воображение, стимулируют творчество, а тем самым, пусть косвенно, развитие культуры. Побочные следствия породили много научных ценностей. Операции с числами и словами, методика экспериментов и многое другое уходят корнями в различные оккультные формы. Сказанное выше не является призывом возродить оккультизм в XXI веке. Это призыв к толерантности, терпимости к ненаучным формам познания, к солидарности в условиях постижения тайн бытия.

Сегодня, наряду с оккультизмом, выделяют ещё паранормальное (от греч. *para* – около) познание, которое претендует помогать науке в тех областях, где она бессильна в выявлении причин некоторых физических явлений, а также способы контактов между людьми (левитация, телекинез, биолокация, телепатия, полтергейст, экстрасенсорика и т.д.). От помощников умные люди не отказываются даже тогда, когда продуктивность этой помощи сомнительна.

В области самопознания из ненаучных форм особый интерес вызывает медитация (от лат. *meditatio* – мысленное созерцание), которая представляет собой, во-первых, отрешенность от всех контактов с внешним миром путём

волевого усилия и использованием системы упражнений, во-вторых, глубокое духовное погружение в мир мыслей, чувств, фантазий, галлюцинаций, подсознательные и бессознательные зоны стимуляции жизни.

Наряду с обыденным сознанием, мифологическим мировоззрением, религией эти формы ненаучного познания участвуют в обеспечении различных аспектов материального и духовного бытия общества и человека. И при любой их оценке, и при любом к ним отношении они имеют право на существование, ибо без любого из них бытие не будет полным. Даже ложь, зло, уродство имеют статус действительности в нашей жизни. Не признавать их реальности и не считаться с ними нельзя, невозможно. Нужно ясно и четко уяснить их природу и роль. Сказанное относится в полной мере и к ненаучным и вненаучным формам познания.

Ненаучное познание транслируется в ходе самой жизни человека в обществе и приобретается в живом жизненном опыте как нечто естественное, как дополнение его телесных жизненных органов. Однако, у спортсменов с ограниченными физическими возможностями, в частности, с поражениями опорно-двигательного аппарата происходит деформация восприятия в связи с отсутствием или поражением некоторых жизненных органов. Истинность знаний, усвоенных в процессе жизнедеятельности, подразделяется на «до инвалидности» и «после». Истины, существующие до травмы, трансформируются для индивидуального сознания. Истины, устанавливающиеся или не осознаваемые, вдруг становятся недоступными для воспроизведения в связи с отсутствием или деформацией процесса восприятия окружающего мира.

Для эффективного преодоления последствий получения инвалидности в самом сознании важное значение приобретает обыденное сознание. Эффективность обыденного сознания проявляется в экстраординарных состояниях, когда верхние, рационализированные слои сознания не могут

помочь решению требующих неотлагательного ответа житейских проблем.

Физическая культура и спорт для людей с ограниченными физическими возможностями становится эффективным средством познания. Так как они естественным образом интегрируют одновременное решение задач физической, медицинской, социальной и психологической реабилитации. Регулярные занятия физической культурой и спортом, участие в спортивных соревнованиях способствуют восстановлению психического равновесия, возвращению чувства уверенности в себе, вырабатывают стремление к постоянному повышению результатов и становятся основной формой не только реабилитации, но и способом полноценной общественной жизни, стимулируют социальную активность инвалидов. То есть ненаучное познание в процессе спортивной деятельности способствует возвращению к состоянию духовного и физического равновесия.

Основной целью адаптивного спорта является развитие жизнеспособности человека, развертывание его физического и психического потенциала, самореализация оставшихся физических возможностей, демонстрация наивысших результатов, интеграция в общество, используя средства адаптивной физической культуры и спорта.

Цели и принципы адаптивного спорта для спортсменов с поражениями опорно-двигательного аппарата (ПОДА) сформировались под воздействием особенностей, которые связаны с имеющимися нарушениями органов опоры и движения, нервно-мышечной системы, определяющими их физическое состояние и здоровье: во-первых, ограничивается количество видов спорта, избираемых для занятий; во-вторых, снижается функциональное состояние и нарушаются социальные связи и условия самореализации, теряется экономическая и бытовая независимость, и все это способствует развитию комплекса неполноценности.

Современный адаптивный спорт с его многообразной двигательной деятельностью требует от спортсмена-инвалида предельного проявления физических и волевых качеств, обеспечение неуклонного развития способностей, необходимых для прогресса в избранном виде спорта без ущерба для остаточного здоровья и профилактики травматизма.

Спортивная деятельность создает психологические условия, необходимые для успешного воссоединения инвалида с обществом и участия в полезном труде. Спорт связан с социализацией личности человека-инвалида, поскольку содействует включению его в общество, усвоению опыта социальной жизни. Особое значение в социализации имеет усвоение социальной роли, под которой понимается нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию, т.е. определенное социальное положение, место в конкретной социальной структуре. Социализирующая роль спорта выражается в том, что он оказывает глубокое и многостороннее воздействие на человека, развивая его физически и духовно, что позволяет ему выступать активным субъектом социального процесса.

Выделенные цели, принципы, функции адаптивного спорта позволяют рассматривать спортивную деятельность как новое измерение качества тренировочного процесса спортсменов с нарушениями ОДА, когда при оценке качества выделяются ценностные моменты, связанные с продуманной и мотивированной системой управления спортивной деятельностью, изменением роли и функций всех участников процесса, его специализированным сопровождением. Обобщая характеристику спортивной подготовки в адаптивном спорте, можно утверждать, что представлен новый подход к пониманию и построению спортивной подготовки инвалидов в логике гуманистической парадигмы.

На современном этапе общество представляется как бы отгороженным от жизни людей с ограниченными возможностями. В силу этого инвалиды

остаются замкнутыми в своем социальном мире. Выше мы неоднократно говорили о том, что лишь совместное сосуществование здоровых и больных людей служит гарантом прогрессивного и полноценного развития инвалидов. Проведенные исследования дают основания полагать, что паралимпийское движение нуждается в более пристальном внимании со стороны общественности, средств массовой информации. В этом заложен большой потенциал к привлечению значительной части людей с ограниченными возможностями для начала двигательной активности и занятий спортом, что в свою очередь приведет их к полноценной жизнедеятельности в современном обществе.

Спортивная деятельность подразумевает регулярные тренировочные занятия и выступления в соревнованиях; это, несомненно, стимулирует социальную активность инвалидов, вырабатывает стремление к постоянному повышению результатов, формирует определенный круг общения и тем самым не только заполняет их досуг, но и в определенной степени является фактором их социальной реабилитации и интеграции.

Спортивная деятельность в фехтовании на колясках должна формировать способность инвалидов преодолевать колоссальные не только физические, но и психологические нагрузки на организм. Проведенные нами исследования психоэмоциональных и личностных особенностей фехтовальщиков с поражением опорно-двигательного аппарата на различных этапах подготовки выявили некоторые особенности адаптации психоэмоциональной сферы инвалидов под воздействием занятий фехтованием на колясках.

Результаты тестирования по опроснику Ч. Спилбергера свидетельствуют о благоприятном влиянии учебно-тренировочных занятий и соревновательной деятельности на уровень тревожности фехтовальщиков-колясочников. Можно говорить о том, что спортивная деятельность способствует социальной адаптации спортсменов, и требуется более взвешенный и разносторонний

подход при работе со спортсменами-инвалидами, учитывающий выявленные особенности бессознательных побуждений, лежащих в основе их личности.

Эмоциональное состояние спортсмена до и после тренировочной нагрузки определялось с помощью методики САН. Было выявлено, что после тренировочного занятия улучшаются показатели самочувствия и настроения. Это свидетельствует о том, что значительно менее важными для инвалидов стали ощущения физического и социального дискомфорта. Умение регулировать свое психологическое состояние предопределяется желанием мобилизовать свои силы на преодоление трудностей, сопровождающих все тренировочные занятия и соревновательные поединки.

Результаты исследования по тесту Люшера, выявляющие невербализуемые, преимущественно эмоциональные компоненты отношения фехтовальщиков с поражением опорно-двигательного аппарата к окружающим и самим себе, свидетельствуют о том, что значительно менее важным для фехтовальщиков стали ощущения социального дискомфорта. Выявляется снижение агрессивных тенденций у спортсменов с поражением опорно-двигательного аппарата, повышение стрессоустойчивости и удовлетворенности от участия в соревновательной деятельности, появление внутренней уверенности и спокойствия в своих действиях.

По результатам факторного анализа личностных особенностей по опроснику Р. Кеттелла было выделено два фактора: общая толерантность и поведенческая активность. В факторе «общая толерантность» ведущее место занимают эмоциональная устойчивость и нейротизм. В факторе «поведенческая активность» с наибольшим перевесом вошли смелость, общительность, высокий самоконтроль поведения. Эмоциональная устойчивость отражает стабильность в поведении и эмоциях, отсутствие страха в сложных ситуациях. Смелость может предполагать склонность к риску, готовность иметь дело с незнакомыми ситуациями. Высокий самоконтроль поведения отражает

дисциплинированность, контроль над своими эмоциями, заботу о своей репутации. Общительность характеризует готовность к сотрудничеству, естественность в обращении, уживчивость.

Таким образом, можно говорить о том, что регулярные занятия фехтованием на колясках дают возможность инвалидам для преодоления психологических трудностей, связанных с их физической недостаточностью. Это является ярким подтверждением того, что занятия спортом, в частности, фехтованием, способствуют не только реабилитации, но и социальной адаптации, повышают самооценку и уверенность в своих силах, способствуют социальной интеграции инвалидов и активно-позитивной жизненной позиции. Фехтование на колясках является уникальным видом спортивной деятельности и выполняет функции как вид спорта и как средство реабилитации, социальной адаптации, самореализации и повышения уровня качества жизни инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм / Пер. с итал. СПб.: Алетейя, 1998. 506 с.
2. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М.: Высш. школа, 1998. 287 с.
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М.: Высш. школа, 1991. 383 с.
4. Алексеенко О.В. Метод проб и ошибок // Культурологические аспекты развития Западной Сибири. Тюмень, 1998, с. 53-55.
5. Алтаев М.И. Душа как объект познания // Философия и актуальные проблемы современного общества. Саранск, 1998, с. 19-23.
6. Андреева И.С. Тело, дух, душа, мир // Человек: образ и сущность. М., 1997, с. 90-107.
7. Андрияускас А. Историческое значение постмодернизма и восточный эстетический интуитивизм // Корневище Об. М., 1998, с. 15-37.
8. Андрос Е. Истина как проблема познания и мировоззрения. Киев: Наук. думка, 1984. 144 с.
9. Андрусенко В.А., Пивоваров Д.В. Методология научного познания. Оренбург: Оренбург, гос. ун-т, 1995. 96 с.
10. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы: Избр. тр. М.: Наука, 1978. 400 с.
11. Антипенко З.Г. Диалектика истины и красоты в философском наследии Платона и Аристотеля. М.: АН СССР, 1983.
12. Аристотель. Сочинения: В 4-х томах. М., 1975-1984.
13. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М.: Наука, 1973. 534 с.
14. Бабасов Е.М. Истина и богословие (Критика богословских интерпретаций НТП). Минск: Беларусь, 1988. 414 с.

15. Батищев Г.С. Истина и ценности // Познание в социально-культурной системе. М., 1987. 82 с.
16. Бахтияров К.И. Истинность и достоверность // Философские науки, 1991, № 12, с. 79-87.
17. Белов В.Н. Обыденное сознание: бытийность, феномены, целостность. Автореф. дисс... доктора филос. наук / Саратов. гос. университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1997. 37с.
18. Бенин В.Л., Хазиев В.С. Истина и культура философского мышления. Уфа: БГПИ, 1992. 141 с.
19. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избр. тр. М.: Флинта, 1999. 311 с.
20. Березина Т.Н. Жизненный путь личности: Осознаваемые и неосознаваемые аспекты // Российский менталитет. М., 1997, с. 313-322.
21. Библер В.С. Сознание и мышление // Философско-психологические предположения шкалы диалога культур. М., 1998, с. 13-87.
22. Борзенков В., Фролов И. Познание человека: комплексный подход // Свободная мысль, 1998, № 5, с. 105-114.
23. Борисов В.Н. К обновлению материализма // Проблемы методологии. Самара, 1998, с. 6-26. Библиогр.: С.26.
24. Бочаров В.А. Аристотель и традиционная логика: Анализ силлогистических теорий. М.: Изд-во МГУ, 1984. 133 с.
25. Брокмейер Й. Нарративные схемы и культурные смыслы времени // Социокультурный контекст науки. М., 1998, с. 119-139.
26. Бунге М. Философия физики. М., 1969.
27. Бутенко И.А. Социальное познание и мир повседневности: Горизонты и тупики феноменологической социологии. М.: Наука, 1987. 240 с.
28. Бычко И.В. Познание и свобода. М.: Политиздат, 1969. 215 с.
29. Валла Лоренцо. Об истинном и ложном благе; О свободе воли: Пер.

с лат. М.: Наука, 1989. 474с.

30. Вахтомин Н.К. История научного знания Иммануила Канта.: Наука, 1986. 205 с.
31. Введение в философию: В 2-х ч. / Под общ. ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1989.
32. Видгоф В.И. К проблеме духовности истины // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск: 1993. Вып.1, с. 80-84.
33. Видгоф В.М. Целостность сознания – стратегия анализа // Методология науки. Томск, 1997. Вып. 2: Нетрадиционная методология, с. 36-40.
34. Визгин В.П. Декарт: «Ясен до безумия»? // Бессмертие философских идей Декарта. М., 1997. С. 1–132.
35. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии, 1991, № 2, с. 67-120.
36. Галькевич В.А. Истина и заблуждение в постижении абсолютного // Филос. М., 1998, № 1, с. 128-142.
37. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3-х т. М., 1972-1974.
38. Горак А.И. Истина в контексте социума // Философские науки. М.: Высшая школа, 1991, № 12, с. 88-99.
39. Гостев В.В. Проблема человеческого мышления в трактате Аристотеля «О душе» // Вопросы философии, 1997, № 12, с. 73-95.
40. Границы науки: о возможности альтернативных моделей познания. М., 1991.
41. Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М.: Логос, 1995, 141 с.
42. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. 266 с.

43. Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей: Человек в истории, 1996.

44. Гусев С.С, Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение. Структура и способы организации. СПб.: Наука, 1994. 86 с.

45. Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии, 1989, № 11, с. 64-76.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994. 357 с.

46. Данилюк А.Я. Проблема эмпирического и теоретического в отечественной педагогике // Педагогика, 1997, № 5, с. 42-46.

47. Дегтярёв С.Н. Социокультурные основания связи естественнонаучного и социально-исторического знаний // Пробуждающееся сознание. Барнаул, 1995, с. 58-68.

48. Декарт. Р. Избранные произведения / Пер. с франц. и лат. М.: Госполитиздат, 1950. 710 с.

49. Демьянов В.А. Лабиринты поиска, или Что есть истина // Императивы человечности. Киев, 1990.

50. Денисов С.Ф. Рецептурное знание. Истина или эффективность? // Современная наука и закономерности её развития. Томск, 1998.

51. Дешан. Д.-Л.-М. Истина, или Истинная система. М: Мысль, 1973. 532 с.

52. Дмитриев В.С. Адаптивная физическая реабилитация: структура и содержание: Автореф. дисс... доктора пед. наук / В.С. Дмитриев. М., 2003. 47 с.

53. Джохуадзе И. Истина без отражения // Рубежи. М., 1998, № 2, с. 157-158.

54. Диалектика познания / Под ред. А.С. Кармина Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 298 с.

55. Дудкин Г.В. Медико-социальный потенциал адаптивного спорта:

Автореф. дисс... канд. социол. наук / Г.В. Дудкин. Волгоград, 2006. 25 с.

56. Евсеев С.П. Физическая культура и спорт инвалидов. Адаптивный спорт / С.П. Евсеев, Ю.А. Брискин, А.В. Передерий. М.: Сов. спорт, 2010. 316 с.

57. Жиленкова, В.П. Врачебно-педагогические аспекты адаптивной физической культуры инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата: Учеб. пособие / В.П. Жиленкова, Е.С. Ульрих. СПб.: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 2001. 40 с.

58. Заботин П.С. Преодоление заблуждения в научном познании. М.: Мысль, 1979. 189 с.

59. Завадская Е. Формула и образ истины // Театр, 1988, № 12.

60. Загадка человеческого понимания. М.: Политиздат, 1991. 351 с.

61. Зак С.Е. К проблеме «вечных истин» // Философские науки, 1987, № 10, с. 102-105.

62. Зельдмайр Х. Искусство и истина // Вопросы искусствознания. М., 1998, № 2, с. 5-65.

63. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1994. 168 с.

64. Истина как философская категория. Свердловск, 1983.

65. Истины: Изречения персидского и таджикского народов, их поэтов и мудрецов / Пер. Н. Гребнева. М.: Наука, 1968. 320 с.

66. Исторический аспект познания в ранних работах Э. Гуссерля // Методология науки. Томск, 1997. Вып. 2: Нетрадиционная методология, с. 14-19.

67. История философии: Запад – Россия – Восток: Кн. 1: Философия древности и средневековья / Под ред. проф. Н.В. Мотрошиловой. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1995. 480 с.

68. Камю А. Миф о Сизифе. (Эссе об абсурде). Минск: ООО «Попурри», 1998. 543 с.

69. Кант И. Сочинения: В 6-ти т.: Т. 1. М.: Мысль, 1964. 543 с.
70. Капитон В.П., Шубин В.И. Природа философского знания. Днепропетровск, 1999. 190 с.
71. Касавин И.Т. О дескриптивном понимании истины // Философские науки, 1990, № 8.
72. Касавин И.Т. Постигая многообразие разума // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1999, с. 5-28.
73. Квирквелия О.Р. Проблемы исторического познания // Вопросы истории, 1998, № 7, с. 167-168.
74. Ким В.В., Рыбаков Н.С. О природе истины // Эпистемы: Альманах. Екатеринбург, 1998, с. 74-81.
75. Китаев В.А. «Историческая мысль» как понятие историографии // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Саратов, 1995. Ч. 1, с. 23-30.
76. Клаус Г. Введение в формальную логику. М., 1960.
77. Клейн Х.Л. Бытие и свобода от противоречия // Историко-философский ежегодник: 1996. М., 1997, с. 418-441.
78. Климова СВ. Чувства в творчестве познания // Культура и творчество в бытии человека. Саратов, 1998, с. 39-51.
79. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: Диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии, 1992, № 12, с. 3-20.
80. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии, 1994, № 2, с. 110-122.
81. Козлова Т.А., Сенин Н.Н. Сократ и софисты: проблема достоверности знания // Молодежь и наука: Проблемы и перспективы. Томск, 1998, с. 24-25.
82. Колеватов В.А. Мысль изреченная есть ложь // Философские науки, 1990, № 2, с. 64-71

83. Кондорсе. Эскиз исторической истины прогресса человеческого разума. М., 1997.
84. Коноплев И.А. «Два града» блаженного Августина // Человек. М., 1998. Вып. 5, с. 79-94.
85. Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М.: Наука, 1969. 483 с.
86. Корнетов Г.Б. История педагогики сегодня: предмет и метод ценностные ориентиры // История педагогики сегодня. СПб., 1998, с. 3-15.
87. Королев Б.Н. Характер познания и логика // Философия. История. Культура. Курск, 1995. Ч. 1, с. 52-60.
88. Костюк В.Н. Ненаправленная эволюция // Системные исследования. М., 1997. Вып. 25, с. 169-179.
89. Красильников М.Г. Структура сознания и структура истины // Методология науки. Томск, 1997. Вып.2: Нетрадиционная методология, с. 112-115.
90. Краткая философская энциклопедия. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1994. 576 с.
91. Курдыбайло С.Ф. Физическая реабилитация инвалидов с поражением опорно-двигательной системы / С.Ф. Курдыбайло, Д.С. Поляков, С.П. Евсеев. М.: Сов. спорт, 2010. 488 с.
92. Кучевский В.Б. Философия: проблемы бытия и познания: Учебник. М.: Мед. Змей, 1998. 318 с.
93. Кучкин Б.К. Мировоззрение и обыденное сознание // Антропологический подход в образовании: методологические аспекты: Материалы межвуз. науч. конф., 28 мая 1998 г. Оренбург, 1998, с. 13-15.
94. Липский Б.И. Практическая природа истины. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 150 с.
95. Лобошова С.Д. Бытие и реальность. М.: Наука, 1999. 155 с.

96. Лосев А. Признавая абсолютную истину // Саранские епархиальные ведомости. Саранск, 1997, №11/12, с. 22-30.
97. Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
98. Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. М.: Мысль, 1983. 206 с.
99. Малеванный Д.В. Интуиция как внутреннее условие философского знания (Лейбниц, Кант, Лосский). http://imin.uwc.ac.ru/inet/ru_sparb/q125/malev.html
100. Мамардашвили М.К. Необходимость мысли // Человек. М., 1999. Вып. 1, с. 8-24.
101. Мамардашвили М.К. Природа мысли // Человек. М., 1999. Вып. 2, с. 20-41.
102. Маркиш С.П. Знакомство с Эразмом из Роттердама. М.: Худож. лит., 1971. 223 с.
103. Минасян А.М. Диалектика как логика: Учебник. Ростов-на-Дону: РИСИ, 1991.
104. Митин А.Е. Социально–психологическая адаптация инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата в процессе занятий баскетболом на колясках: Монография / А.Е. Митин, Е.А. Митин. СПб.: Стратегия будущего, 2007. 198 с.
105. Михель Д.В. Субъект: кровь и земля // Культура и творчество в бытии человека. Саратов, 1998, с. 8-14.
106. Мороз О.П. Прекрасна ли истина? М.: Знание, 1989. 205 с.
107. Морозов И.М. Природа интуиции. Минск: Университетское, 1990. 140 с.
108. Муравьев Ю.А. Истина и метод // О специфике методов философских исследований. М., 1987.
109. Мясникова Л.А. Опыт – путь к истине // Эпистемы: Альманах. Екатеринбург, 1998, с. 67-74.

110. Нарский И.С. Кант. М.: Мысль, 1976. 207 с.
111. Нарский И.С. Предисловие к работе Хайдеггера «О сущности истины» // Вопросы философии, 1989, № 4.
112. Нарский И.С. Проблема истины и истинности // Диалектическое противоречие и логика познания. М., Наука, 1969.
113. Неважай И.Д. Проблема обоснования бытия // Культура и творчество в бытии человека. Саратов, 1998, с. 3-8.
114. Неганов Ф.М. Рациональное и иррациональное: Человек и бытие. Уфа, 1996. 168с.
115. Николаев А.Е. Историческое познание и творчество в философской системе Карсавина Л.П. // Культура и творчество. Тверь, 1995. 122 с.
116. Новейший философский словарь. Минск: изд. В.М. Скакун, 1999. 887 с.
117. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания: Перевод с английского. М.: Рефл-бук; Киев. Ваклер., 1998. 462 с.
118. Общая дискуссия философов. Сборник // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания // М., 1991.
119. Ойзерман Т.И. К вопросу о практике как критерии истины // Вопросы философии, 1987, № 10, с. 98-112.
120. Осаченко Ю.С., Дмитриева Л.В., Введение в философию мифа: Учеб. пособие для вузов. М.: Фирма «Интерпарк», 1994. 175 с.
121. От естественно-научного идеала сознания к гуманитарному // Информатика. Социология. Экономика. М., Ярославль, 1997. Вып. 3, с. 541-548.
122. Панич А.О. Возможен ли «Диалог с метафизикой?» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1999, № 1, с. 159-178.
123. Парфёнов И.Д. Нравственная оценка в историческом исследовании // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Саратов, 1995. Ч. 1, с. 18-23.

124. Патнэм Х. Трудности идеи истины как соответствия. http://imin.urc.ac.ru/inet/ru_spab/.
125. Подвойский Д.Г. «Культура» и «Общество»: определение понятий и диалектика взаимодействия // Информатика. Социология. Экономика. М., Ярославль, 1997. Вып.3, с. 167-175.
126. Познание в социальном контексте. М., 1994.
127. Попов Д.А. Познавательные модели: методологические подходы и интерпретации // Духовная сфера деятельности человека. Саратов, 1997. **Вып. (уточнить)**, с. 3-9.
128. Попов С.И. Кант и кантианство: (Марксистская критика теории познания и логики познания). М.: Изд-во МГУ, 1961. 297 с.
129. Пузиков П.Д. Понятия и их определения. Минск: Наука и техника, 1970. 71 с.
130. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание: Опыт философского осмысления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 152 с.
131. Радугин А.А. Философия: Курс лекций. М.: Владос, 1995. 303с.
132. Ракитов А.И. Анатомия научного знания. М.: Политиздат, 1969. 206 с.
133. Рахматуллин Р.Ю., Хидиатов Н.Б. Рационалистическое направление в философии. Учеб. пособие. Уфа, 1993. 74 с.
134. Ремесло историка на исходе XX века, с. 81-109. **(город,издательство?)**
135. Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы в социальной истории // Социальная история: Ежегодник. 1997 г. М., 1998, с. 11-52.
136. Рорти А. Царь Соломон и простолюдин: проблема согласования моральных интуиций // Вопросы философии, 1994, № 6, с. 98-110.
137. Руткевич М.Н., Лойфман И.Я. Диалектика и теория познания. М.:

Мысль, 1994. 384 с.

138. Сборник нормативных правовых документов в области паралимпийского спорта / Авт.-сост. А.В. Царик; под общ. ред. П.А. Рожкова; Паралимпийский комитет России. М.: Сов. спорт, 2009. 784 с.

139. Селиванов Ф.А. Истина и заблуждение. М.: Политиздат, 1972.

140. Селье Г. От мечты к открытию. <http://www.ce.gatech.edu/WWW-CE/home/u89/67/selj e.html>.

141. Сергеев К.А., Слинин Я.А. Диалектика категориальных форм мышления. (Космос Аристотеля и наука нового времени). Л.: Издательство ЛГУ, 1987. 167 с.

142. Скворцов Л.В. Культура самосознания: Человек в поисках истины своего бытия. М.: Политиздат, 1989. 317 с.

143. Современная западная философия. Словарь / Сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. М.: Политиздат, 1991. 414 с.

144. Современные теории познания: Сб. обзоров и рефератов. М.: ИНИОН, 1992. 167с.

145. Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1988.

146. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 699 с.

147. Соловьев В. Русский космизм. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

148. Соловьев В. Смысл любви: Избр. произведения. М.: Современник, 1991. 524 с.

149. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М.: Гардарики, 1998. 816с.

150. Султанова Л.Б. Взаимосвязь неявного знания и эвристической интуиции // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия, 1995, № 3, с. 30-36.

151. Султанова Л.Б. Роль интуиции и неявного знания в формировании стиля математического мышления. **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**

152. Сытых О.Л. Проблема истинности вероятного сознания //

Метаморфозы сознания. Барнаул, 1997, с. 15-30.

153. Сычева С.Г. Познание, понимание, постижение. (Общий подход к проблеме): Методология науки: Человеческие измерения и дегуманизирующие факторы научного познания. Томск, 1996, с. 153-156.

154. Тазаян А.Б. Факт социального знания и заблуждения. Деп. в ИНИОН АН СССР: № 38668.3.07., 1989.

155. Теория познания: В 4-х т. М., 1991-1995.

156. Тихонова Е.П. К опыту комментирования проблемы взаимоотношения рационального и иррационального в научном и религиозном опыте // Методология науки. Томск, 1997. Вып. 2: Нетрадиционная методология, с. 246-279.

157. Тхостов А.Ш. Топология субъекта (Опыт феноменологического исследования) // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология, 1994, №2, с. 3-13; № 3, с. 3-12.

158. Урманцев Ю.А. О формах постижения бытия // Вопросы философии, 1993, № 4, с. 110-127.

159. Усманов Г.Н. Истина и заблуждение как альтернативные гносеологические модальности идеального // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1989, № 9, с. 24-31.

160. Фарман И.П. Теория познания и философия культуры. М.: Наука, 1986. 197 с.

161. Федотова В.Г. Истина и правда повседневности // Философская и социологическая мысль, 1990, № 3, с. 3-12.

162. Федотова В.Г. Классическое и неклассическое в социальном познании // Общественные науки и современность, 1992, № 4, с. 45-54.

163. Федотова В.Г. Практическое и духовное освоение действительности. М.: Мысль, 1992. 214 с.

164. Филатов В.П. Историко-философский и критический подходы в

философии истории // Проблемы методологии. Самара, 1998, с. 88-104.

165. Философия для аспирантов / Под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Лань, 1999. 512 с.

166. Философия и методология науки. В 2-х ч. Ч. 1 / Науч. ред. акад. РАОВ. И. Купцов. М.: SVR-Аргус, 1994. 303 с.

167. Философия: Учебник / Под ред. В.Н. Лавриненко. М.: Юристъ, 1996. 511 с.

168. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА, 1997.

169. Финк О. Отношение к миру и понимание бытия // Метафизические исследования. СПб: Сознание, 1998. Вып. 6, с. 185-195.

170. Финогентов В.Н. И ропщет мыслящий тростник. Уфа, 2000.

171. Фомина З.В. Вненаучное знание в структуре современного познания. СПб.: Наука и философия, 1998, с. 190-196.

172. Хазиев В.С. Искусственный интеллект и цель: Деп. в ИНИОН АН РАН №5220 от 17.04. 80

173. Хазиев В.С. Роза истины. Уфа: БГПИ, 1998. 88 с.

174. Хазиев В.С. Философское понимание истины: Автореф. дисс... доктора философ. наук. Уфа, 1994. 38 с.

175. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества / Перевод. М., 1991. 190 с.

176. Хайек Ф. фон А. Индивидуализм – истинный и ложный // Философские науки, 1998, № 1, с. 27-47.

177. Цвейг С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. Дек. лит., 1977. 286 с.

178. Чудинов Э.М. Диалектика научного познания и проблема истины. М.: Знание, 1979. 64 с.

179. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. 312 с.

180. Чухно Т.А. Многознание уму не научает, или к вопросу об «ахинеяских плетениях» // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1998, с. 42-45.
181. Шашкевич П.Д. Эмпиризм и рационализм в философии Нового времени. М.: Мысль, 1976. 301 с.
182. Шердаков В.Н. Г.С. Батищев: в поиске истины, пути и жизни // Вопросы философии, 1995, № 3, с. 95-102.
183. Шихардин Н.В. Диалогический подход к изучению истории // Новые идеи в философии. Пермь, 1996. Вып. 5, с. 173-175.
184. Шулевский Н.Б. Истина и творчество // Диалектика и теория творчества. М., 1987.
185. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20, с. 1-338.
186. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21, с. 269-317.
187. Эразм Роттердамский. Похвала Глупости / Перевод с лат. Калининград: Янтарный сказ, 1995. 214 с.
188. Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. 702 с.
189. Яковлев А.А. Модель мистического познания и рефлексия // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990, с. 82-96.
190. Яцевич О.Б. Некоторые аспекты методологии истории // Современные проблемы гуманитарных дисциплин. Кемерово, 1996. Вып. 1, с. 110-114.
191. Bohnenkamp A. Bewubtsey n una bewubtlosigkeit werden sich verhalten wie Zettel und Einschlag (...).Goethes arbeit am 'Faust' // Lahrbuch der Akademie der Wissenschaften in GoHingen.–Goffmgen. 1998, – (...) fur dus jahr 1996. – S.112–118.

192. Crimaldi A. «Senso e problema del mistero come superamento interno della filosofia» //Filosofia–Torino. 1996.
193. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Werke. Akademieausgabe IV,S.425.
194. Halpern J.Y. «Should knowledge entail belief?» J.Of philos. Logik.–Dordrecht etc. #5, 1996.
195. Lumsden Ch.d., Wilson Ed., Genes, Mind and Culture. The coevolutionary Process. Cambridge. 1981. P.248.
196. Morel P.–M. Demokrite. Connaissance et apories // Rev.philos. de la France et de l'etranger. P., 1998. T.123, №2. P.145–163.
197. Shao Dongtang «Learning and meaning: Cui Shu's historical epistemology»//J.Of Chin philosophy. Honolulu. #3, 1995. – №3
198. Tohaneanu C. «Modelul cauzab al exp likatiei istorice» Analele Univ–Bucuresti. A.44, 1995.
199. Bohnenkamp A. Bewubtseyn und bewubtlosigkeit werden sich verfaahen wie Zettel und Einschlag (...).Goethes arbeit am 'Faust' // Lahrbuch der Akademie der Wissenschaften in GoHingen.–Goffingen. 1998, –(...) fur dus jahr 1996. – S.112–118.
200. Crimaldi A. «Senso e problema del mistero come superamento interao della filosofia» //Filosofia–Torino. 1996.
201. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Werke. Akademieausgabe IV, S.425.
202. Halpern J.Y. «Should knowledge entail belief?» J.Of philos. Logik.–Dordrecht etc. T5, 1996.
203. Lumsden Ch.d., Wilson Ed., Genes, Mind and Culture. The coevolutionary Process. Cambridge. 1981. P.248.
204. Morel P.–M. Demokrite. Connaissance et apories // Rev.philos. de la France et de l'etranger. P., 1998. T.123, №2. P.145–163.
205. Shao Dongtang «Learning and meaning: Cui Shu's historical epistemol–

ogy»//J.Of Chin philosophy. Honolulu. #3, 1995. – №3

206. Tohaneanu C. «Modelul cauzab al exp likatiei istorice» Analele Univ–
Bucuresti. A.44, 1995.